

БЕЗ И РА Д

ФИНАНСИСТ. ТИТАН. СТОИК

Большие буквы

Теодор Драйзер

**Финансист. Титан. Стоик.
«Трилогия желания» в одном томе**

«ФТМ»

«ЭКСМО»

1912, 1914, 1947

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Драйзер Т.

Финансист. Титан. Стоик. «Трилогия желания» в одном томе /
Т. Драйзер — «ФТМ», «Эксмо», 1912,1914,1947 — (Большие
буквы)

ISBN 978-5-04-110888-5

«Трилогия желания» – масштабное повествование американского писателя Теодора Драйзера о головокружительной карьере финансиста. В основе эпоса о Фрэнке Каупервуде – биография реального чикагского миллионера Чарлза Йеркса. Большой бизнес, финансовые аферы и махинации, жизнь и нравы олигархов блестяще описаны в трилогии. Осуществление американской мечты и обратная сторона успеха – в романах «Финансист», «Титан», «Стоик», собранных в одном томе.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-110888-5

© Драйзер Т., 1912,1914,1947

© ФТМ, 1912,1914,1947

© Эксмо, 1912,1914,1947

Содержание

Финансист	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	41
Глава 10	43
Глава 11	48
Глава 12	53
Глава 13	58
Глава 14	63
Глава 15	70
Глава 16	74
Глава 17	78
Глава 18	84
Глава 19	88
Глава 20	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Теодор Драйзер
Финансист. Титан. Стоик.
«Трилогия желания» в одном томе

Theodore Dreiser

The Financier. The Titan. The Stoic

© Богословская М., перевод на русский язык. Наследники, 2021

© Кудрявцева Т., перевод на русский язык. Наследники, 2021

© Савельев К., перевод на русский язык, 2021

© SMART-библиотека имени Анны Ахматовой, сопроводительная статья, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Финансист

Глава 1

В Филадельфии, где родился Фрэнк Алджернон Каупервуд, проживало более двухсот пятидесяти тысяч человек. Город изобиловал красивыми парками, примечательными зданиями и историческими воспоминаниями. Многих вещей, о которых мы с ним узнали впоследствии, тогда не существовало, – телеграфа, телефона, компаний по доставке грузов, океанских лайнеров, городской почтовой службы. Не было почтовых марок и заказных писем. Еще не появились трамваи. Вместо этого были полчища омнибусов, а для дальних переездов существовала постепенно развивавшаяся железнодорожная система, во многих местах еще соединенная каналами.

Отец Каупервуда был банковским клерком, когда родился Фрэнк, но десять лет спустя, когда у мальчика уже сложился вполне разумный и деятельный интерес к миру, в связи с кончиной президента банка и продвижением других сотрудников вверх по служебной лестнице, мистер Генри Уортингтон Каупервуд получил место кассира с необыкновенно щедрой для него годовой зарплатой в три тысячи пятьсот долларов. Он сразу же радостно объявил жене о своем решении переехать из дома 21 на Баттонвуд-стрит в дом 124 на Нью-Маркет-стрит, находившийся в гораздо более привлекательном районе. Красивый трехэтажный дом из красного кирпича выгодно отличался от их нынешнего двухэтажного жилища. Существовала вероятность, что в будущем они приобретут что-нибудь получше, но пока этого было достаточно. Он искренне благодарил судьбу.

Генри Уортингтон Каупервуд был человеком, который верил лишь в то, что видел собственными глазами, и довольствовался тем, кем он себя считал – банкиром или будущим банкиром. В то время он был представительным мужчиной – высокий, сухопарый, настойчивый в своей любознательности, с красивыми, аккуратно подстриженными бакенбардами, доходившими почти до мочек ушей, которые шли его длинному прямому носу и острому подбородку. Его кустистые брови подчеркивали серо-зеленые глаза, а волосы были коротко стриженными, приглаженными, с ровным пробором. Он всегда носил сюртук – в те времена это было принято в финансовых кругах – и высокий цилиндр. Его руки и ногти отличались безупречной чистотой. Его манеру держаться можно было назвать строгой, но на самом деле она была скорее тщательно выпестованной, нежели суровой.

Будучи устремленным к повышению своего общественного статуса и продвижению в финансовых делах, он весьма осторожно выбирал собеседников. Он так же опасался жестких или непопулярных высказываний о политике или общественном устройстве, как и общения с неприятными людьми, хотя, по правде говоря, не имел определенных политических взглядов. Он не высказывался ни за рабство, ни против него, хотя тогда атмосфера между сторонниками аболиционизма и их оппонентами была накаленной. Он искренне верил, что на железных дорогах можно нажить громадное состояние, если только у человека есть капитал и такая своеобразная черта, как обаятельность – способность завоевывать чужое доверие. Он был уверен, что Эндрю Джексон¹ был не прав в своем противостоянии с Николасом Биддлом² и Банком США, которое в то время было одной из важнейших тем для обсуждения. По понятным причинам, его беспокоил «идеальный шторм» ничем не обеспеченных бумажных денег, которые враща-

¹ Эндрю Джексон (1767–1845) – седьмой президент США, один из основателей Демократической партии. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Николас Биддл (1786–1844) – президент Второго банка США, представлявшего интересы Ротшильдов.

лись вокруг и постоянно приходили в его банк – разумеется в обесцененном виде, – откуда возвращались к озабоченным заемщикам в виде прибыли. Третий Национальный банк Филадельфии, где он служил, был расположен на Третьей улице в самом центре города и тогда, по сути дела, являлся национальным финансовым центром, а его владельцы занимались брокерской деятельностью в качестве побочного бизнеса. В то время, как моровое поветрие, большие и малые банки в отдельных штатах почти бесконтрольно выпускали банковские билеты, обеспеченные ненадежными или неизвестными активами, и в конце концов с поразительной скоростью банкротились или приостанавливали платежи. Знание всех этих тонкостей было необходимым требованием для должности, которую занимал мистер Каупервуд. В результате он стал настоящим воплощением осторожности. К сожалению, ему сильно не хватало двух вещей, необходимых для достижения успеха на любом поприще, – личного обаяния и дальновидности. Ему не выпало участи стать великим финансистом, хотя и удалось добиться некоторого успеха.

Миссис Каупервуд, миниатюрная, со светло-каштановыми волосами и ясными карими глазами, набожная женщина, в свои лучшие годы была очень привлекательной, но стала довольно чопорной и склонной с большой серьезностью подходить к материнской опеке трех своих сыновей и единственной дочери. Сыновья во главе с первенцем, Фрэнком, были источником постоянной досады для нее, ибо совершали вылазки в разные концы города, где, судя по всему, водились с дурной компанией, видели и слышали то, что им не полагалось видеть и слышать.

В десятилетнем возрасте Фрэнк Каупервуд уже был прирожденным лидером. Сначала в начальной школе, а потом и в центральной средней школе его считали здравомыслящим человеком, безусловно заслуживающим доверия. Характер у него был независимый, смелый и решительный. С самых юных лет он интересовался экономикой и политикой; книги его не занимали. Он был статным, подтянутым и опрятным мальчиком с ясным, четко очерченным проницательным лицом, большими серыми глазами, широким лбом и короткими, стоявшими торчком темно-каштановыми волосами. Его манеры выдавали остроту ума, порывистость и самоуверенность; он постоянно задавал вопросы с желанием получить внятные и осмысленные ответы. Он никогда не болел, ел с аппетитом и железной дланью повелевал своими братьями: «Давай, Джо!», «Живее, Эд!». Эти команды были не грубыми, но властными, так что Эд и Джо подчинялись. Они с самого начала смотрели на Фрэнка как на хозяина положения и внимательно прислушивались к его словам.

Он неустанно размышлял над разными вещами, одни факты были для него не менее поразительными, чем другие, поскольку он не мог разобраться, каким образом устроена окружающая жизнь. Как люди пришли в мир? Что они здесь делают? Кто, в конце концов, привел все это в движение? Мать поведала ему историю об Адаме и Еве, но он не поверил. Недалеко от его дома находился рыбный рынок, и там, по пути в банк к отцу или во время одной из вылазок с братьями после школьных занятий, он любил рассматривать выставленный перед лавкой аквариум с морскими диковинками, добытыми рыбаками в бухте Делавэр. Однажды он видел там морского конька – просто необычную рыбку, отдаленно похожую на жеребенка, а в другой раз полюбовался на электрического угря, природу которого объясняло открытие Бенджамина Франклина. Однажды он увидел, как в аквариум помещают кальмара и лобстера, и стал невольным свидетелем трагедии, которая оставалась с ним до конца его жизни и значительно прояснила существующее положение вещей. Судя по разговорам праздных зевак, лобстера не накормили, поскольку кальмар считался его законной добычей. Он лежал в прозрачном стеклянном резервуаре на засыпанном желтым песком дне и вроде бы ничего не видел – нельзя было судить, в какую сторону смотрят его черные глаза-бусинки, – но, как оказалось, он не сводил взгляда с кальмара. Последний, бледнокожий и податливый на вид, похожий на кусок свиного сала, двигался толчками, как торпеда, но его перемещения ни на миг не ускользали от глаз противника. Постепенно мелкие кусочки его тела начали исчезать, отхваченные безжа-

лостными клешнями его преследователя. Лобстер как катапульта подскакивал туда, где якобы мирно дремал кальмар, но бдительный кальмар срывался с места и одновременно выпускал облачко чернил, за которым исчезал из виду. Увы, он не всегда добивался успеха. Кусочки его туловища или хвоста часто оказывались в клешнях чудовища, поджидавшего внизу. Зачарованный этой драмой, юный Каупервуд ежедневно приходил наблюдать за ее развитием.

Однажды утром он стоял перед аквариумом, почти прижавшись носом к стеклу. Кальмар был сильно обглодан, а его чернильный мешок почти пуст. В углу на дне сидел лобстер, явно готовый к действию.

Мальчик оставался так долго, как только мог; зрелище ожесточенной борьбы увлекало его. Возможно, кальмар умрет через час или же протянет еще один день, но в конце концов лобстер сожрет его. Он снова посмотрел на зеленовато-бронзовую машину уничтожения в углу и задумался, когда это случится. Скорее всего, сегодня вечером. Он вернется вечером.

Вечером он вернулся – и вот неизбежное свершилось. Вокруг аквариума собралась небольшая толпа. Лобстер находился в углу, а перед ним лежал кальмар, расплосованный пополам и частично съеденный.

– Он наконец добрался до бедняги, – сказал один из зрителей. – Я стоял здесь час назад, когда лобстер прыгнул и схватил его. Кальмар слишком устал, ему не хватило реакции. Он отпрянул, но лобстер уже рассчитывал на это. Все движения кальмара были предугаданы, и сегодня он расстался с жизнью.

Фрэнк жалел, что пропустил этот момент. Лишь слабое подобие жалости шевельнулось в нем, когда он смотрел на убитого кальмара. Потом он перевел взгляд на победителя.

«Так должно было случиться, – подумал он. – Кальмар был недостаточно проворным».

Он разобрался в том, что произошло. «Кальмар не мог убить лобстера: у него не было оружия. Лобстер мог убить кальмара: он имел тяжелое вооружение. Кальмару было нечем бороться, а лобстер рассматривал его как свою добычу. Каким был результат? Как еще это могло закончиться? У кальмара не было ни одного шанса», – заключил он по пути к дому.

Этот случай произвел огромное впечатление на Фрэнка. Он наглядно отвечал на загадку, так сильно занимавшую его: «Как устроена жизнь?» Одни существа живут за счет других, вот и все. Лобстеры питаются кальмарами и другими морскими существами. Кто питается лобстерами? Люди, кто же еще! Но тогда кто питается людьми? Неужели другие люди? Дикие животные едят людей; индейцы и каннибалы делали то же самое. Некоторые люди погибают от ураганов или несчастных случаев. Он не был уверен, что одни люди живут за счет других, но люди определенно убивали друг друга. Вот, например, войны, уличные драки, разъяренные толпы. Однажды он видел толпу, нападавшую на здание газеты «Паблик Леджер»³, когда возвращался домой из школы. Отец объяснил ему, что это произошло из-за вопроса о рабстве. Вот оно! Разумеется, одни люди живут за счет других. Только посмотрите на рабов – ведь они тоже люди. Вся эта шумиха поднялась из-за того, что одни люди убивали других людей, то есть негров.

Фрэнк вернулся домой, вполне довольный собой и своими мыслями.

– Мама! – воскликнул он, когда вошел в дом. – Он наконец поймал его!

– Кого? Кто кого поймал? – удивленно спросила она. – Иди-ка, вымой руки.

– Лобстер наконец поймал кальмара, о котором я вчера рассказывал тебе и папе.

– Какая жалость. Почему ты интересуешься такими вещами? Бегом мыть руки!

– Знаешь, такое нечасто можно увидеть. Я, например, никогда не видел. – Фрэнк отправился на задний двор, где находился водопроводный кран и столик, на котором стоял блестящий жестяной таз и ведро воды. Там он помыл руки и сполоснул лицо.

– Папа, ты помнишь того кальмара? – немного позже обратился он к отцу.

³ Public Ledger – популярная филладельфийская газета, выходившая с 1836 по 1942 г. Во время конфликта между Севером и Югом занимала нейтральную позицию и выступала за немедленное перемирие.

– Да.

– Так вот, он умер. Лобстер сцапал его.

– Очень жаль, – равнодушно отозвался отец, не отрываясь от газеты.

Следующие месяцы Фрэнк много размышлял об этом и о жизни вообще, поскольку уже начинал задумываться, кем будет и как обустроит свои дела. Наблюдая за отцом, считавшим деньги, он был уверен, что ему понравится банковское дело. А Третья улица, где находился банк, в котором служил отец, казалась ему самой приятной улицей на свете.

Глава 2

Взросление юного Фрэнка Алджернона Каупервуда приходилось на годы, которые можно было назвать уютным и счастливым семейным существованием. Баттонвуд-стрит, где он провел первые десять лет своей жизни, была чудесным местом для мальчика. Улица была застроена в основном небольшими двух- и трехэтажными домами красного кирпича с мраморными крылечками, ведущими к парадному входу, и с мраморной отделкой дверей и окон. Повсюду в изобилии росли раскидистые деревья. Мостовая, выложенная крупным округлым булыжником, была дочищена отмыта дождями, а влажные тротуары, вымощенные красным кирпичом, отдавали прохладой. На заднем дворе росли деревья, трава и цветы, и, хотя вдоль улицы фасады тесно примыкали друг к другу, за домом было просторно.

Каупервуды располагали достаточными средствами, чтобы обзавестись детьми со всеми их радостями и заботами, поэтому после Фрэнка в семье каждые два-три года появлялся ребенок, и ко времени переезда в новый дом на Нью-Маркет-стрит семья представляла собой веселую компанию. Связи Генри Уортингтона Каупервуда увеличивались, по мере того как его должность становилась все более ответственной, и постепенно он стал довольно известной личностью. Он уже был знаком с несколькими процветающими коммерсантами, которые вели дела с его банком, а поскольку его обязанности требовали тесного общения с другими банкирскими домами, он завел знакомства в Банке США, среди банковских учреждений Дрекслей⁴, Эдвардсов⁵ и многих других, имевших о нем благоприятное мнение. Маклеры знали его как представителя очень надежного учреждения, и хотя его не считали выдающимся умом, он был известен как человек, достойный всяческого доверия.

Юный Каупервуд был свидетелем успехов отца. Ему часто разрешали приходить в банк по субботам, где он с большим интересом наблюдал за стремительным оборотом денег на брокерских счетах. Ему хотелось знать, откуда приходят денежные средства, зачем требуют и принимают скидки при учете векселей и что люди делают с деньгами, которые они получают. Отец, довольный его интересом, с радостью давал объяснения, поэтому уже в юном возрасте – от десяти до пятнадцати лет – мальчик приобрел глубокие знания о финансовой системе страны: что такое банк штата и национальный банк, чем занимаются брокеры, что такое акции и почему их цена колеблется. Он рано понял, что означают деньги как средство обмена и каким образом все виды стоимости исчисляются по отношению к первичной – к стоимости золота. Он был прирожденным финансистом, и любые знания, связанные с этим великим ремеслом, были для него такими же естественными, как тонкости чувствования для поэта. Золото как средство обмена особенно интересовало его. Когда отец объяснил, как добывают золото, он видел себя во сне владельцем золотого прииска и просыпался с желанием, чтобы это стало правдой. Он также проявлял интерес к акциям и облигациям, поэтому вскоре узнал, что некоторые не стоят даже бумаги, на которой они напечатаны, зато другие стоят гораздо больше своей номинальной стоимости.

– Вот, сынок, – однажды обратился к нему отец, – такое добро нечасто можно увидеть в наших местах.

Он имел в виду серию акций Британской Ист-Индской компании, заложенных под две трети их номинальной стоимости под ссуду в сто тысяч долларов. Магнат из Филадельфии оставил их в залог под наличные средства. Юный Каупервуд с любопытством разглядывал их.

⁴ Дрексли – семья банкиров, выходцев из Австрии, имевшая банки и инвестиционные фирмы в Филадельфии, Чикаго и Нью-Йорке. Во время действия романа во главе банка стоял Энтони Джозеф Дрексель (1826–1893), который основал университет Дрекслея.

⁵ Альберт Галлатин Эдвардс (1812–1892) был секретарем казначейства США при президенте Линкольне и основал банковский дом своего имени, предшественник современного банка «Уэллс Фарго».

– На вид они не особенно ценные, правда?

– Они стоят в четыре раза больше номинала, – насмешливо ответил отец.

Фрэнк по-новому посмотрел на акции.

– Британская Ист-Индская компания, – прочитал он. – Десять фунтов. Это почти пятьдесят долларов.

– Сорок восемь долларов тридцать пять центов, – деловито поправил его отец. – Так что если бы у нас была пачка таких бумаг, нам не пришлось бы трудиться. Обрати внимание, они почти без булавочных отметок. Это значит, что они редко были в обращении; думаю, их впервые использовали в качестве залога.

Тогда Каупервуд-младший с особенной остротой почувствовал, как огромен финансовый мир. Что это за Ист-Индская компания? Чем она занимается? Отец рассказал ему об этом.

Дома он часто слышал разговоры о финансовых инвестициях и рискованных операциях. К примеру, он слышал о любопытном персонаже по имени Стимбергер, крупном спекулянте на мясном рынке из Виргинии, который в те дни приехал в Филадельфию, надеясь на большие легкие кредиты. По словам отца, Стимбергер был близок с Николасом Биддлом, Лэрднером и другими важными персонами из Банка США, по крайней мере, состоял в дружеских отношениях с ними, поэтому мог получить практически все, о чем он просил. Он закупал скот в Виргинии, Огайо и в других местах в огромных количествах и фактически монополизировал поставки говядины в восточные штаты. Он был румяным здоровяком, лицо его, по словам отца Фрэнка, смахивало на свиное рыло; он носил высокую бобровую шапку и длинный сюртук, свободно болтавшийся на его широкой груди и толстом животе. Он поднял цену на мясо до тридцати центов за фунт, что возмущало розничных продавцов и покупателей и привлекало к нему всеобщее внимание. Он обращался в брокерский отдел банка Каупервуда-старшего за годовыми займами в сто или двести тысяч долларов под гарантийные кредитные обязательства Банка США на тысячу, пять или десять тысяч долларов, которые он обналичивал с дисконтом десять-двенадцать процентов от номинала, предварительно оставив в Банке США собственный четырехмесячный вексель на всю сумму сделки. Деньги он получал по номиналу в брокерской конторе Третьего Национального банка пачками банкнот, выпущенных банками Виргинии, Огайо и Западной Пенсильвании, так как оплачивал свои расходы преимущественно в этих штатах. Первоначальная комиссия Третьего Национального банка составляла от четырех до пяти процентов, а поскольку он принимал западные банкноты с дисконтом, то получал прибыль еще и оттуда.

Был еще один человек, о котором говорил отец, – Фрэнсис Гранд, знаменитый газетчик и лоббист из Вашингтона, обладавший талантом раскапывать всевозможные секреты и лазейки, особенно связанные с финансовым законодательством. Казалось, тайны президентского кабинета, сената и палаты представителей были открытой книгой для него. Несколько лет назад Гранд приобрел через брокеров значительное количество техасских облигаций и долговых сертификатов. В борьбе с Мексикой за независимость республика Техас выпускала разнообразные сертификаты и облигации ценой от десяти до пятнадцати миллионов долларов. Позднее в связи с планом присоединения Техаса к Соединенным Штатам был опубликован законопроект, обеспечивающий возмещение в размере пяти миллионов долларов для погашения этой старой задолженности. Гранд знал об этом, как и о том, что часть долга из-за особых условий выпуска предусматривала полную выплату, а остальное подлежало деноминации и что на одной из сессий будет предпринята попытка провалить законопроект, чтобы отпугнуть посторонних, которые могли прослышать о планах правительства и скупать техасские сертификаты с целью получить прибыль. Он ознакомил Третий Национальный банк с этим обстоятельством, и, разумеется, информация дошла до Каупервуда, занимавшего должность кассира. Он рассказал об этом своей жене, и когда его рассказ дошел до Фрэнка, его большие, ясные глаза загорелись. Он гадал, почему отец не хочет воспользоваться благоприятной ситуацией и приобрести

несколько техасских сертификатов лично для себя. По словам отца, Гранд и еще три-четыре человека отхватили по сотне тысяч долларов. Это было не вполне законно, но если подумать, то все-таки законно. Почему служебная осведомленность не должна быть источником вознаграждения? Фрэнк понимал, что отец был слишком честным и осторожным человеком, но он обещал себе, что когда вырастет, то станет брокером, или финансистом, или банкиром и провернет такую сделку.

Примерно в то время к Каупервудам приехал дядя, которого никогда раньше не видели. Сенека Дэвис был братом миссис Каупервуд: грузный, ростом пять футов и десять дюймов, с большим округлым телом, румяный, голубоглазый, с остатками золотистых волос на круглой голове. Он одевался элегантно и по моде щеголял в жилетах в цветочек и длинных светлых сюртуках, носил цилиндр, этот символ преуспевающего человека. Фрэнк сразу же пленился его видом. Дядя был плантатором на Кубе, имел там большое ранчо и рассказывал мальчику истории о кубинской жизни – о бунтах, засадах, рукопашных схватках с мачете на его собственной плантации и тому подобных вещах. Он привез с собой коллекцию индейских диковинок, много денег и нескольких рабов, один из которых, высокий и костлявый негр по имени Мануэль, был его слугой и телохранителем. Суда, нагруженные сахаром-сырцом с его плантации, разгружались на пристанях Саутарка в Филадельфии. Фрэнку нравилось бодрое, добродушное отношение дяди к жизни, грубоватое и довольно бесцеремонное, что было не принято в их спокойной и сдержанной семье.

– Ну, Нэнси-Арабелла, – обратился он к миссис Каупервуд в воскресный день, после того как поверг семейство в радостное изумление своим неожиданным появлением, – ты не раздалась ни на дюйм! Когда ты вышла за старину Генри, я думал, что ты раздобреешь, как твой брат, но только посмотри на себя! Небом клянусь, ты не набрала и пяти фунтов! – и он подкинул ее, обхватив за талию, чем смутил детей, не привыкших к такому фамильярному обращению с матерью.

Генри Каупервуд был доволен прибытием преуспевающего родственника, поскольку двенадцать лет назад, когда состоялась свадьба, Сенека Дэвис почти не обратил на него внимания.

– Только посмотрите на этих бледных филадельфийцев, – продолжал он. – Им нужно приехать ко мне на Кубу и как следует поджариться у меня на ранчо. Тогда они не будут похожи на восковых куколок, – и он ущипнул за щеку Анну-Аделаиду, которой исполнилось пять лет. – Что сказать, Генри, у тебя здесь довольно-таки приятное место!

Он обвел критическим взглядом большую гостиную в целом непримечательного трехэтажного дома. Комната размером двадцать на двадцать четыре фута, отделанная деревянными панелями с имитацией под вишню и обставленная салонной мебелью в стиле шератон⁶, выглядела необычно старомодной. Когда Генри стал кассиром, семья приобрела пианино, доставленное из Европы, что в те дни было несомненной роскошью. Инструмент предназначался для Анны-Аделаиды, когда она достаточно подрастет, чтобы учиться музыке. В комнате было несколько необычных украшений, к примеру, газовая люстра, круглый аквариум с золотыми рыбками, редкие полированные раковины и мраморный купидон с корзинкой цветов. Стояло лето, и раскидистые зеленые ветви деревьев за распахнутыми окнами отбрасывали приятную тень на тротуар. Дядюшка вышел на задний двор.

– Вполне уютный вид, – заметил он, обратив внимание на большой вяз и отметив, что двор был частично вымощен кирпичом и огорожен кирпичными стенами, увитыми плющом. – А где ваш гамак? Вы вешаете здесь гамак летом? На моей веранде в Сан-Педро я обычно вешаю шесть или семь штук.

⁶ Стиль шератон – английский неоклассический стиль конца XVIII в., названный в чаходившийся на пике популярности в 1780-е – 1820-е гг.

– Мы как-то не думали об этом из-за соседей, но думаю, будет замечательно, – согласилась миссис Каупервуд. – Генри сделает все, что нужно.

– У меня есть два-три гамака в чемоданах; мои негры вешают их, где удобно. Завтра утром я пришлю Мануэля с гамаком.

Он подергал плечо, дернул Эдварда за ухо, сказал его брату Джозефу, что привезет ему индейский томагавк, и вернулся в дом.

– Вот паренек, который мне нравится, – сказал он немного спустя и положил руку на плечо Фрэнка. – Какое у него полное имя, Генри?

– Фрэнк Алджернон.

– Ну, ты мог бы назвать его в мою честь. В этом парнишке что-то есть. Ты хотел бы отправиться на Кубу и стать плантатором, мой мальчик?

– Не уверен, что мне это нравится, – ответил Каупервуд-младший.

– Что ж, откровенно сказано. Что ты имеешь против?

– Ничего, кроме того, что я об этом понятия не имею.

– А что тебе известно?

Мальчик благоразумно улыбнулся.

– Пожалуй, совсем немного.

– Тогда что тебя интересует?

– Деньги!

– Ага! Яблочко от яблони недалеко падает. Ты кое-что узнал от отца, так? Ну что же, это хорошее качество. И сказано по-мужски! Ладно, мы еще с тобой потолкуем. Думаю, Нэнси, ты растишь будущего финансиста, он и разговаривает как деловой человек.

Теперь он внимательно присмотрелся к Фрэнку. Не было сомнений, что в этом крепком юном теле заключена настоящая сила. В больших серых глазах светился ясный ум. Они выражали многое, но ничего не раскрывали.

– Умный паренек! – обратился он к шуруину. – Мне он нравится. У вас смышленная семья.

Генри Каупервуд сдержанно улыбнулся. Если этому человеку нравится Фрэнк, он может многое сделать для мальчика. Возможно, он даже оставит ему часть своего состояния. Сенека Дэвис был богатым холостяком.

Вскоре дядя Сенека стал частым гостем в доме вместе со своим чернокожим телохранителем Мануэлем, который хорошо говорил по-английски и по-испански, к изумлению детей. Дядя проявлял все больший интерес к Фрэнку.

– Когда этот мальчик достаточно подрастет и решит, чем он хочет заниматься, думаю, я помогу ему это сделать, – однажды сказал он своей сестре и услышал в ответ искреннюю благодарность. Он расспрашивал Фрэнка о его интересах и обнаружил, что тому нет дела до книг и большинства школьных предметов, которыми он был вынужден заниматься. Грамматика была отвратительной, литература – глупой, латынь – бесполезной. История... ну, история была довольно интересной.

– Мне нравится счетоводство и арифметика, – сказал Фрэнк. – Но я хочу работать и заниматься делом – вот чего я хочу.

– Ты еще слишком мал, сынок, – заметил его дядя. – Сколько тебе лет, четырнадцать?

– Тринадцать.

– Ты не можешь оставить учебу, пока тебе не исполнится шестнадцать лет. Еще лучше, если ты подождешь до семнадцати или восемнадцати, от этого не будет вреда. Ты ведь больше не будешь ребенком.

– Не хочу быть ребенком. Я хочу работать!

– Не так быстро, сынок. Довольно скоро ты станешь мужчиной. Ты ведь хочешь стать банкиром, не так ли?

– Да, сэр!

– Ну, когда придет время, и если у тебя все будет в порядке, если ты будешь хорошо себя вести и сохранишь свое желание, я помогу тебе приступить к делу. Если бы я хотел стать банкиром, то на твоём месте я бы сначала провел год-два в комиссионной зерновой конторе⁷. Там ты узнаешь многое, что нужно знать. А пока что береги здоровье и учись как следует. Где бы я ни был, давай мне знать, как продвигаются твои дела, и я напишу тебе.

Он вручил мальчику десятидолларовую золотую монету, чтобы открыть счет в банке. Неудивительно, что семья Каупервудов произвела на него приятное впечатление благодаря этому энергичному, самоуверенному и искреннему юнцу.

⁷ В XIX в. многие небольшие производители зерна и мукомольни продавали свою продукцию через специализированные маклерские конторы, которые обеспечивали устойчивый сбыт в обмен на комиссионные проценты.

Глава 3

На тринадцатом году жизни молодой Каупервуд осуществил свое первое деловое предприятие. Прогуливаясь по Фронт-стрит, где находилось много таможенных и оптовых контор, он увидел аукционный флажок, висевший перед оптовым бакалейным магазином, и услышал голос распорядителя торгов:

– Предлагается партия прекрасного яванского кофе – двадцать два мешка, продается на рынке по семь долларов и тридцать два цента за мешок. Ваши предложения. Кто сколько даст? Партия продается одним лотом. Кто сколько даст?

– Восемнадцать долларов, – сказал один, стоявший у двери, скорее для того, чтобы начать торги, чем для чего-то еще.

Фрэнк остановился посмотреть.

– Двадцать два доллара! – произнес другой голос.

– Тридцать! – выкрикнул третий.

Потом кто-то еще крикнул «Тридцать пять!», и торги продолжились до семидесяти пяти долларов, что составляло менее половины рыночной цены за мешок.

– Предложено семьдесят пять долларов! – выкрикнул аукционист. – Семьдесят пять долларов! Есть другие предложения? Семьдесят пять долларов – раз; может быть, кто-то даст восемьдесят? Семьдесят пять долларов – два, и... – Он помедлил с театрально поднятой рукой, а потом громко хлопнул в ладоши. – Итак, продано мистеру Сайласу за семьдесят пять долларов. Запиши это, Джерри, – обратился он к веснушчатому рыжеволосому клерку, сидевшему рядом с ним. Потом он перешел к другому лоту бакалейных товаров, на этот раз к партии из одиннадцати баррелей⁸ крахмала.

Каупервуд-младший произвел быстрый расчет. Если, по словам аукциониста, кофе на рынке стоил семь долларов и тридцать два цента за мешок, а покупатель забрал всю партию за семьдесят пять долларов, то он заработал восемьдесят шесть долларов и четыре цента за одну сделку, уже не говоря о прибыли, которую он мог получить при торговле в розницу. Насколько он помнил, его мать платила по двадцать восемь центов за фунт кофе. Он подошел ближе, держа учебники под мышкой, и стал внимательно наблюдать за торгами. Крахмал, как он вскоре услышал, стоил по десять долларов за баррель, но партия ушла по шесть долларов за баррель. Бочонки с уксусом ушли за треть от рыночной цены и так далее. Ему захотелось принять участие в торгах, но у него не было денег, только карманная мелочь. Аукционист заметил мальчика, стоявшего у него под носом, чье внимательное и бесстрастное лицо произвело на него впечатление.

– Теперь я собираюсь предложить вашему вниманию отличную партию кастильского мыла – семь коробок, не больше и не меньше, – которое, как вам известно, если вы что-нибудь знаете о мыле, сейчас продается по четырнадцать центов за брусок. Коробка мыла в данный момент стоит от одиннадцати долларов и семидесяти пяти центов. Кто сколько даст? Кто сколько даст? Кто сколько даст?

Он быстро расхаживал в обычной для аукционистов манере и вкладывал в свои слова преувеличенное воодушевление, но Фрэнк Каупервуд не обратил на это особого внимания. Он уже произвел быстрый расчет. Семь коробок по одиннадцать долларов и семьдесят пять центов будут стоить на рынке восемьдесят два доллара и двадцать пять центов, и если взять хотя бы за полцены... если дойдет до половины...

– Двенадцать долларов, – произнес один участник торгов.

– Пятнадцать, – откликнулся другой.

⁸ Баррель (от *англ.* barrel – бочка) – мера объема, равная 42 галлонам, или примерно 159 л.

– Двадцать! – крикнул третий.

– Двадцать пять, – откликнулся четвертый.

Ставки поднимались по доллару, так как кастильское мыло не было товаром первой необходимости. «Двадцать шесть». «Двадцать семь». «Двадцать восемь». «Двадцать девять». Наступила пауза.

– Тридцать, – решительно объявил Каупервуд-младший.

Аукционист, невысокий худощавый человек с усталым лицом, взъерошенными волосами и внимательным взглядом, с любопытством, едва ли доверчиво посмотрел на него, но не стал медлить. Мальчик произвел на него впечатление. Теперь же, сам не зная почему, он чувствовал, что предложение вполне законное и у мальчика есть деньги. Должно быть, это сын бакалейщика.

– Тридцать долларов! Тридцать долларов! Предложено тридцать долларов за превосходную партию кастильского мыла. Оно стоит четырнадцать центов за брусок. Кто даст больше? Кто даст на доллар больше? Кто даст тридцать один доллар?

– Тридцать один, – произнес голос.

– Тридцать два, – откликнулся Каупервуд, и торги продолжились.

– Дают тридцать два доллара! Тридцать два доллара! Кто даст тридцать три? Прекрасное мыло! Семь коробок превосходного кастильского мыла. Кто даст тридцать три доллара?

Юный Каупервуд напряженно думал. У него с собой не было денег, но отец был кассиром Третьего национального банка, и он мог сослаться на отцовский авторитет. Разумеется, он мог продать это мыло бакалейщику, у которого покупала семья, а если не ему, то другим бакалейщикам. Люди были готовы покупать мыло по такой цене, так почему он не может это сделать?

– Тридцать два доллара – раз! Есть желающие купить по тридцать три? Тридцать два доллара – два! Есть желающие по тридцать три доллара? Тридцать два доллара – три! Еще желающие? И... – он снова поднял руку, – ...продано мистеру... – Он наклонился и с любопытством взглянул в лицо юному покупателю.

– Фрэнк Каупервуд, сын кассира Третьего Национального банка, – решительно ответил мальчик.

– Ох ты! – произнес аукционист, пригвожденный к месту его взглядом.

– Вы подождете, пока я сбегаю в банк за деньгами?

– Да, но недолго. Если ты не вернешься через час, я снова выставлю этот лот на продажу.

Каупервуд-младший не ответил. Он повернулся и побежал со всех ног, сначала к бакалейщику своей матери, чья лавка находилась в одном квартале от дома Каупервудов.

В тридцати шагах от входа он приостановился, напустил на себя небрежный вид, зашел внутрь и первым делом поискал взглядом кастильское мыло. Оно было выставлено на витринном прилавке и выглядело точно так же, как его мыло.

– Сколько стоит такой кусок, мистер Далримпл? – поинтересовался он.

– Шестнадцать центов, – чинно ответил бакалейщик.

– Если я предложу вам семь коробок такого же мыла за шестьдесят два доллара, вы возьмете?

– Такого же мыла?

– Да, сэр.

Мистер Далримпл что-то подсчитал в уме.

– Пожалуй, возьму, – осторожно ответил он.

– Вы расплатитесь со мной сегодня?

– Я дам тебе долговую расписку. Где мыло?

Бакалейщик был изумлен и озадачен неожиданным предложением сына его соседа. Он хорошо знал мистера Каупервуда и думал, что знает Фрэнка.

– Вы заберете мыло, если я сегодня принесу его?

– Да, – ответил он. – Ты собираешься заняться продажей мыла?

– Нет. Но я знаю, где можно достать мыла дешевле.

Попрощавшись с бакалейщиком, он побежал в банк к отцу. Время работы уже закончилось, но он знал, как попасть внутрь, и понимал, что отец будет рад видеть, как он заработает тридцать долларов. Он собирался занять деньги только на один день.

– В чем дело, Фрэнк? – спросил сидевший за столом отец, когда появился сын, запыхавшийся, с покрасневшим лицом.

– Я хочу попросить у тебя займы тридцать два доллара. Ты можешь их дать?

– Да, могу. Зачем тебе понадобились деньги?

– Я собираюсь купить семь коробок кастильского мыла. Я знаю, где его купить и кому его продать. Мистер Далримпл возьмет мыло; он уже предложил мне шестьдесят два доллара. Я могу купить мыло по тридцать два доллара. Ты дашь мне деньги? Мне нужно бежать обратно и рассчитаться с аукционистом.

Мистер Каупервуд улыбнулся, довольный таким непосредственным проявлением делового подхода. Мальчик был очень деловитым и сообразительным для своих тринадцати лет.

– Ну что, Фрэнк, ты собираешься стать финансистом? – поинтересовался он, направляясь к ящику, где лежали деньги. – Ты уверен, что не потеряешь на этом деньги? Ты знаешь, что делаешь, верно?

– Только дай мне деньги, и я тебе кое-что покажу, – пообещал его сын. – Хорошо? Ты можешь мне доверять.

Он был похож на молодую гончую, почуявшую дичь. Отец не мог устоять перед его напором.

– Конечно, Фрэнк, я тебе доверяю, – ответил он и отсчитал шесть пятидолларовых купюр Третьего Национального банка и две купюры по одному доллару. – Вот, возьми.

Скороговоркой пробормотав благодарность, Фрэнк выбежал из здания и быстро вернулся на аукцион. Когда он вошел, на продажу выставили партию сахара. Он пробрался к клерку, записывавшему результаты сделок.

– Я хочу заплатить за мыло, – сказал он.

– Сейчас?

– Да. Я получу квитанцию?

– Само собой.

– Вы доставляете товар?

– Нет, у нас нет доставки. Вам нужно забрать товар в течение суток.

Это затруднение не смутило Фрэнка.

– Хорошо, – сказал он и положил в карман бумажное свидетельство о своей покупке.

Аукционист проводил его взглядом. Через полчаса он вернулся в сопровождении ломового извозчика, который околачивался у причала в ожидании случайного заработка.

Фрэнк договорился с ним о доставке мыла за шестьдесят центов. Еще через полчаса он оказался у двери ошарашенного мистера Далримпла, которого пригласил выйти на улицу и взглянуть на коробки, прежде чем их выгрузить. Фрэнк собирался отвезти мыло домой, если сделка сорвется. И хотя это была его первая крупная денежная операция, он сохранял полнейшее спокойствие.

– Да, – произнес мистер Далримпл, задумчиво почесывая седую голову. – Да, то самое мыло. Я возьму его. Свое слово нужно держать. Где ты достал его, Фрэнк?

– На аукционе у Биксома, – честно и невозмутимо ответил мальчик.

Мистер Далримпл распорядился, чтобы извозчик занес мыло, и после некоторых формальностей – все-таки торговый агент не был взрослый – выписал вексель с тридцатидневным погашением.

Фрэнк поблагодарил его и положил расписку в карман. Он собирался вернуться в отцовский банк и погасить вексель, как делали многие на его глазах. Он возвращал отцу деньги и получал прибыль наличными. Как правило, этого было нельзя сделать после закрытия банка, но отец должен был сделать исключение.

Насвистывая, он поспешно отправился назад; он предстал перед отцом с улыбкой на лице.

– Ну, Фрэнк, как прошла сделка? – спросил мистер Каупервуд.

– Вот вексель на тридцать дней, – ответил Фрэнк и протянул расписку, полученную от Далримпла. – Ты можешь погасить его и забрать свои тридцать два доллара.

Отец внимательно изучил вексель.

– Шестьдесят два доллара! – заметил он. – Мистер Далримпл! Вексель выписан по всем правилам, и я могу погасить его. Это обойдется тебе в десять процентов, – шутливо добавил он. – Но почему бы тебе не придержать его у себя, а я выплачу тебе тридцать два доллара до конца месяца.

– Ну, нет, – ответил сын. – Погаси вексель и заberi свои деньги, а мои мне могут понадобиться.

Отец улыбнулся такому деловому подходу.

– Хорошо, – сказал он. – Я это сделаю завтра. Теперь расскажи мне, как ты это сделал.

И сын рассказал. В семь часов вечера об этом узнала мать Фрэнка, а вскоре узнал и дядя Сенека.

– Что я тебе говорил, Каупервуд! – воскликнул он. – В этом парне есть толк. Присмотрись к нему.

За ужином миссис Каупервуд с интересом наблюдала за сыном. Разве это не тот мальчик, которого она еще недавно прикладывала к груди? Как он быстро растет.

– Надеюсь, Фрэнк, ты сможешь часто это делать, – сказала она.

– Я тоже надеюсь, мама, – уклончиво ответил он.

Конечно, аукционные торги случались не каждый день, и домашний бакалейщик в течение определенного времени оставался единственным клиентом для таких сделок, но Каупервуд-младший с самого начала понимал, как нужно зарабатывать деньги. Он собирал подписку на молодежную газету, работал в агентстве по продаже новой модели коньков и даже организовал профсоюз из группы соседских подростков, чтобы оптом закупить летние соломенные шляпы. Идея достижения богатства с помощью экономии не привлекала его. С самого начала он считал, что щедрые затраты лучше окупаются и что он так или иначе найдет выход из положения.

В том году или немного раньше он начал проявлять интерес к девочкам. Его зоркий взгляд выделял женскую красоту, а поскольку он сам был обаятелен и хорош собой, ему было нетрудно пробуждать ответную симпатию у тех, кем он интересовался. Двенадцатилетняя Пэйшенс Барлоу, жившая на той же улице, первой привлекла его внимание и откликнулась на это. В наследство от родителей ей достались живые черные глаза, черные волосы, заплетенные в две милые косички, и изящные лодыжки вкупе с тонкой фигуркой. Она была дочерью квакеров и носила чопорную шляпку, но у нее был веселый и жизнерадостный нрав, и ей понравился этот уверенный, самостоятельный и прямодушный мальчик. Однажды после очередного обмена взглядами он с улыбкой и непринужденной смелостью обратился к ней:

– Вы живете на этой улице, не так ли?

– Да, – ответила она, немного взволнованная, что проявлялось в нервном покачивании ее школьного портфеля. – Я живу в доме номер сорок один.

– Я знаю этот дом и видел, как вы входили туда, – сказал он. – Вы ходите в одну школу с моей сестрой, верно? И вас зовут Пэйшенс Барлоу? – Он слышал ее имя от других мальчиков.

– Да. Откуда вы знаете?

– О, я слышал. – Он улыбнулся. – И я часто видел вас. Хотите лакрицы?

Он поискал в кармане пиджака и достал несколько палочек свежей лакрицы.

– Спасибо, – умильным тоном произнесла она и взяла одну палочку.

– Она немного выдохлась, потому что я уже долго ношу ее. На днях у меня были ириски.

– Нет, она очень вкусная, – ответила девочка, пожевывая конец палочки.

– Вы знакомы с моей сестрой Анной Каупервуд? – Он вернулся к предыдущей теме, чтобы продолжить знакомство. – Она учится классом младше вас, но, может быть, вы ее видели.

– Думаю, я знаю, кто это. Я видела, как она ходит домой из школы.

– Я живу вон там, – указал он на свой дом, к которому они приближались, как будто она не знала этого. – Надеюсь, теперь мы будем встречаться.

– Вы знакомы с Рут Мерриам? – спросила она, когда он уже собирался свернуть с булыжной мостовой к своей двери.

– Нет, а что?

– Она приглашает гостей в следующий вторник. – Это замечание казалось случайным, но только на первый взгляд.

– Где она живет?

– Вон там, в доме номер двадцать восемь.

– Мне бы хотелось пойти, – горячо заверил он и снова повернулся к двери.

– Может быть, она пригласит вас! – крикнула она ему вслед, смелея по мере того, как увеличивалось расстояние между ними. – Я попрошу ее.

– Спасибо! – Он улыбнулся.

И она вприпрыжку убежала по улице. Фрэнк смотрел ей вслед, продолжая улыбаться. Он испытывал острое желание поцеловать ее, и возможные сцены того, что могло произойти на вечеринке у Рут Мерриам, ярко разворачивались у него перед глазами.

Это был лишь один из случаев детской влюбленности или мальчишеского увлечения, которое время от времени завладевало им в гуще будущих событий. Он много раз тайне целовался с Пэйшенс Барлоу, прежде чем нашел другую девушку. Она с другими подростками часто выбегала на улицу поиграть в снегу зимними вечерами или задерживалась у своей двери после заката, когда дни становились короткими. Тогда ему было легко ненароком встретиться с ней и поцеловать ее или развлекать ее дурацкими разговорами на вечеринках. Дора Фитлер появилась, когда ему было шестнадцать лет, а ей четырнадцать, и Марджори Стаффорд – когда ему было семнадцать лет, а ей пятнадцать. Дора была брюнеткой, а Марджори Стаффорд – белокурой и ясной, как утренняя заря, и пухленькой, как куропатка, с румяными щеками и голубовато-серыми глазами.

В семнадцать лет Фрэнк решил уйти из школы. Он так и не закончил обучение. Он отучился лишь три года в старших классах средней школы и решил, что этого достаточно. Начиная с тринадцати лет главным предметом для него были финансы в том виде, как он мог их изучать в банке своего отца. Время от времени он находил для себя разные занятия, с помощью которых можно было заработать немного денег. Его дядя Сенека доверил ему должность помощника весовщика на разгрузке сахара в доках Саутарка, где трехсотфунтовые мешки взвешивались перед отправкой на государственные склады в присутствии инспекторов. В некоторых случаях его звали помогать отцу и платили за это. Он заключил с мистером Далримплом договор, что будет помогать ему в лавке по субботам, но вскоре как ему исполнилось пятнадцать лет, а отец стал главным кассиром банка с доходом в четыре тысячи долларов годовых, стало ясно, что Фрэнк больше не может заниматься такой недостойной работой.

Примерно в то время дядя Сенека, вернувшийся в Филадельфию и ставший более дородным и властным, чем раньше, обратился к нему со следующими словами:

– Теперь, Фрэнк, если ты готов, я знаю, где есть хорошая возможность для тебя. В первый год ты не будешь получать зарплату, но если справишься, то, пожалуй, в конце срока получишь вознаграждение. Ты знаешь компанию Генри Уотермена на Второй улице?

– Я видел, где она находится.

– Так вот, они сказали, что могут взять тебя счетоводом. Они маклеры и владеют комиссионной зерновой фирмой. Ты говорил, что хочешь работать в этом бизнесе. После школы приходи к мистеру Уотермену; скажи, что от меня, и думаю, он найдет для тебя место. Дай мне знать, как все получится.

Теперь дядя Сенека был женат, так как его достаток привлек внимание одной бедной, но честолюбивой вдовы из светского общества Филадельфии; считалось, что благодаря этому событию связи семьи Каупервудов значительно укрепились. Генри Каупервуд планировал переехать вместе с семьей довольно далеко – на Норт-Фронт-стрит, откуда открывался замечательный вид на реку и где шло строительство красивых новых домов. Его четыре тысячи в год в те времена, до начала Гражданской войны, были значительной суммой. Он делал инвестиции, которые считал благоразумными и консервативными, и своим аккуратным, выверенным поведением, напоминавшим работу часового механизма, давал некоторым повод полагать, что может надеяться на пост вице-президента, а может, и президента своего банка.

Предложение Сенеки Дэвиса устроиться на работу в компанию Уотермена казалось Фрэнку как раз тем, в чем он нуждался для хорошего старта. Поэтому в июне он посетил это учреждение на Второй улице, где встретил радушный прием у мистера Генри Уотермена-старшего. Вскоре он узнал о существовании Генри Уотермена-младшего, молодого человека двадцати пяти лет, и Джорджа Уотермена, пятидесятилетнего брата владельца компании, который был доверенным лицом и занимался доверительными переговорами. Пятидесятипятiletний Генри Уотермен-старший осуществлял внешнее и внутреннее руководство компанией; при необходимости он совершал поездки по округе и встречался с клиентами, принимал окончательное решение в тех случаях, когда его брату не удавалось наладить дела, предлагал и согласовывал новые предприятия, которые выполняли его помощники и наемные работники. С виду он был флегматичным человеком, плотным и невысоким, с внушительным животом и морщинками вокруг глаз, с красной шеей, румяным лицом и выпуклыми глазами; на самом деле он был прозорливым, добродушным, благожелательным и остроумным. Благодаря природному здравому смыслу и довольно покладистому характеру он основал прочный и успешный бизнес. Он начинал стареть и радостно приветствовал бы тесное сотрудничество с сыном, если бы последний оказался пригоден к этому.

Увы, это было не так. Уотермен-младший был не таким демократичным, сметливым или довольным рутинной работой, как его отец; фактически бизнес претил ему, и если бы дело перешло в его руки, оно бы быстро пришло в упадок. Отец, предвидевший такой оборот событий, был глубоко опечален и надеялся, что в конце концов найдется какой-нибудь молодой человек, который заинтересуется его бизнесом, будет распоряжаться делами в том же духе, но не отгеснит его сына от руководства.

Потом появился молодой Каупервуд, рекомендованный ему Сенекой Дэвисом. Он критически осмотрел юношу и подумал: «Парень может подойти». Во Фрэнке Каупервуде ощущались достоинство и непринужденность. Он не выглядел ни взволнованным, ни смущенным. По его словам, он знал, как нужно вести учетные книги, хотя и не был искушен в подробностях зернового бизнеса. Дело казалось ему интересным, и он хотел попробовать свои силы.

– Мне нравится этот малый, – признался Генри Уотермен своему брату после того, как Фрэнк ушел с указанием явиться на следующее утро. – В нем что-то есть. Самый бодрый, сообразительный и живой человек, который заходил к нам за последнее время.

– Да, – согласился Джордж, который был стройнее и выше ростом, чем его брат, с темными, мутноватыми, вдумчивыми глазами и тонкой порослью каштановых волос, странно кон-

трастирующих с белизной яйцеобразной лысины. – Да, приятный молодой человек. Просто удивительно, что отец не пристроил его в своем банке.

– Наверное, у него не было такой возможности, – сказал его брат. – Он там всего лишь кассир.

– Это верно.

– Ладно, дадим ему испытательный срок; готов поспорить, он хорошо справится. Многообещающий юноша.

Генри встал и пошел к парадному входу, выходившему на Вторую улицу. Прохладная булыжная мостовая, затененная стеной домов с восточной стороны (в том числе и зданием компании), шумные коляски и подводы, оживленная толпа людей, спешивших в разные стороны, – все это радовало его. Он смотрел на ряды многоэтажных жилых домов, сложенных в основном из серого камня, и благодарил свою счастливую звезду за то, что устроился в таком благополучном районе. Если бы только он мог приобрести больше земельных участков, когда купил этот дом!

– Хотелось бы, чтобы юный Каупервуд оказался тем, кто мне нужен, – задумчиво пробормотал он. – Он сэкономил бы мне кучу времени.

Как ни странно, лишь нескольких минут разговора с Фрэнком хватило, чтобы догадаться о расторопности юноши. Что-то подсказывало ему, что это хороший выбор.

Глава 4

В то время внешность Фрэнка Каупервуда была без преувеличения приятной и располагающей к себе. Природа одарила его ростом в пять футов десять дюймов. У него была крупная голова с вьющимися темно-каштановыми волосами и хорошо вылепленным лицом, сидевшая на широких плечах и ладно скроенном теле. Глаза светились живым умом, но взгляд был непроницаемым и ничего не раскрывал собеседнику. Он передвигался легкой, уверенной, пружинистой походкой. В своей жизни он еще не ведал ни жестоких потрясений, ни утраты иллюзий. Ему не приходилось страдать от болезней, лишений и душевной боли. Он видел людей богаче себя и сам надеялся стать богатым. Его семья пользовалась уважением, отец имел хорошую работу. Однажды один из его векселей на незначительную сумму оказался просроченным, и отец устроил ему нагоняй, который он не забывал до конца своих дней. «Я скорее буду ползать на четвереньках, чем позволю опротестовать мой вексель», – сказал отец, и столь резкое высказывание на всю жизнь запечатлело в его сознании важность обязательств. С тех пор ни один вексель не был просрочен или опротестован по его небрежности.

Фрэнк оказался самым расторопным сотрудником компании Уотермена. Сначала его назначили помощником бухгалтера вместо уволенного мистера Томаса Триклера, но через две недели Джордж сказал:

– Почему бы нам не сделать Каупервуда главным бухгалтером? Он за минуту понимает больше, чем наш Сэмпсон понял за всю свою жизнь.

– Хорошо, Джордж, переведи его, но не слишком распространяйся об этом. Он все равно долго не пробудет бухгалтером. Скоро я посмотрю, не сможет ли он заменить меня в некоторых делах.

Хотя бухгалтерия компании Уотермена оказалась весьма запутанной, для Фрэнка это было детской игрой. Он занимался учетом с легкостью и быстротой, изумлявшей его бывшего начальника, мистера Сэмпсона.

– Этот парень слишком проворный, – сказал Сэмпсон другому клерку в первый же день, когда увидел Каупервуда за работой. – Скоро он попадет впросак. Я знаю таких ловкачей. Посмотрим, что будет, когда начнется настоящая спешка с кредитами и перечислениями.

Но предсказание мистера Сэмпсона не сбылось. К концу недели Каупервуд знал финансовое положение мистера Уотермена и его компаньонов не хуже, чем они сами, или лучше – с точностью до одного доллара. Он знал, как распределены их счета, где бизнес идет наиболее удачно, кто поставяет хорошую и кто плохую продукцию – об этом свидетельствовали колебания цен в течение года. Ради удовольствия он перепроверил некоторые счета в гроссбухе, подтверждая свои догадки. Бухгалтерия интересовала его только как летопись, как история компании. Он понимал, что недолго будет заниматься этой работой. Должно случиться что-то еще, но он быстро и тщательно разбирался во всех подробностях комиссионного зернового бизнеса. Он видел, как из-за недостаточно быстрого сбыта товара, неудовлетворительных контактов поставщиков и покупателей, непродуманных деловых договоренностей с агентами компания – вернее, ее клиенты, так как компании не принадлежали никакие товары, – несла большие убытки. Человек может отправить баржу или вагон фруктов и овощей на предположительно выгодный рынок, но если десять других людей одновременно делают то же самое или другие агенты выбрасывают на рынок горы фруктов и овощей и нет возможности избавиться от товаров в разумные сроки, то цена обязательно упадет. Каждый день прибывали новые партии товаров, каждая со своими особенностями. Ему моментально пришло в голову, что он может принести компании гораздо больше пользы как агент, сбывающий крупные партии товара, но он не торопил события. Скоро все само встанет на свои места.

Генри и Джордж Уотермены были чрезвычайно довольны его бухгалтерской работой. Само его присутствие создавало ощущение надежности. Вскоре Фрэнк стал привлекать внимание Джорджа к состоянию некоторых счетов и давать рекомендации об обращении с ними, что чрезвычайно радовало пожилого господина. Он радовался также возможности облегчить свои заботы в сотрудничестве с этим разумным юношей.

Генри Уотермен решил испытать Фрэнка. Заказы клиентов не всегда получалось удовлетворять за счет имеющихся товаров, поэтому приходилось обращаться к другим поставщикам или на торговую биржу, и обычно это делал сам Генри. Однажды утром, когда накладные указывали на излишек муки и нехватку зерна – Фрэнк первым заметил это, – Уотермен-старший пригласил его в свой кабинет и сказал:

– Фрэнк, я хочу, чтобы ты разобрался, что можно сделать в этой ситуации. Завтра у нас будет завал муки. Мы не можем оплачивать складские расходы, а заказы не покроют излишки. С другой стороны, у нас нехватка зерна. Может, тебе удастся сбыть муку кому-то из брокеров и получить достаточно зерна для имеющихся заказов.

– Я постараюсь, – заверил Фрэнк.

Он знал из учетных книг адреса комиссионных контор. Ему было известно, что выставляют на торги местные коммерсанты и что могут предложить агенты, которые занимаются такими сделками. Это было как раз то, что ему нравилось: разрешать торговые затруднения, возникающие на рынке. Приятно было снова оказаться на свежем воздухе и ходить от двери к двери. Ему претили сидячая работа, писанина и бдение над книгами. Как он сам сказал годы спустя, «моя работа – это мои мозги». Сейчас он поспешил к основным комиссионерам, знавшим состояние мучного рынка и предлагавшим купить его излишки по той самой цене, которую он ожидал получить, так как в ближайшей перспективе затоваривания не ожидалось. Желают ли они приобрести с немедленной доставкой (то есть в течение сорока восьми часов) шестьсот баррелей превосходной муки? Он предлагает ровно девять долларов за баррель. Они не захотели приобрести всю партию целиком. Тогда он стал предлагать муку по частям, и одни согласились купить определенную часть, а другие – что-то еще. Через час все сделки были закрыты, кроме одного лота в двести баррелей, который он решил предложить оптом знаменитому маклеру по фамилии Гендерман, с которым его компания не вела никаких дел. Гендерман, здоровенный мужчина с курчавыми седыми волосами, обрюзгшим лицом и маленькими глазками, живо смотревшими из-под набрякших век, с любопытством уставился на Каупервуда, когда тот вошел в его кабинет.

– Как вас зовут, молодой человек? – спросил он, откинувшись на спинку массивного стула.

– Каупервуд.

– Так это вы работаете на Уотермена? Хотите украсить свой послужной список, поэтому явились ко мне?

Каупервуд лишь улыбнулся.

– Хорошо, я возьму вашу муку; она мне нужна. Выставляйте мне счет.

Каупервуд поспешил дальше. Он направился в брокерскую фирму на Уолнат-стрит, с которой вела дела его компания, там он заключил сделку о поставке необходимого количества зерна по средней рыночной цене. Потом он вернулся в свой офис.

– Ну что же, ты быстро управился, – сказал Генри Уинтерман, выслушав его отчет. – Продам старому Гендерману сразу двести баррелей, так? Это отличная сделка. Его нет в наших учетных книгах, верно?

– Да, сэр.

– Я так и думал. Ну, если ты можешь делать такие дела на улице, то долго не задержишься бухгалтером.

Со временем Каупервуд стал знаменитостью среди маклеров и на бирже. Он делал отчеты для своего хозяина, приобретал случайные партии нужного товара, привлекал новых клиентов и разгребал затоваренность, сбывая партии товара неожиданным покупателям. Братья Уотермены только дивились его проворству. Он обладал необычной способностью заранее узнавать положение дел, заводить друзей и новые деловые связи. Новое вино заструилось в старые мехи компании Уотермена. Клиенты всегда оставались довольны. Джордж посылал Фрэнка в сельскую местность для поощрения поставщиков, что в результате и происходило.

Незадолго до Рождества Генри обратился к Джорджу:

– Нам нужно сделать Каупервуду щедрый подарок. До сих пор он работал бесплатно. Как думаешь, пятисот долларов будет достаточно?

– Многовато по нынешним временам, но, думаю, он это заслужил. Он делает все, чего мы от него ожидали, и даже больше. Он будто создан для этого бизнеса.

– Что он сам говорит? Ты когда-нибудь слышал от него, доволен ли он?

– Полагаю, ему это очень нравится. Ты видишь его не реже меня.

– Ладно, тогда пусть будет пятьсот долларов. Паренек когда-нибудь станет неплохим партнером в нашем бизнесе. У него есть талант. Позаботься, чтобы он получил деньги с нашей благодарностью.

Вечером перед Рождеством, когда Каупервуд просматривал накладные и счета, чтобы оставить дела в порядке перед наступающим праздником, Джордж Уотермен подошел к его столу.

– Ты все трудишься, – сказал он, стоя под яркой газовой лампой и с довольным видом глядя на бойкого сотрудника. Был ранний вечер, и падающий снег чертил пестрые узоры за окнами.

– Еще немного, и закончу, – улыбнулся Каупервуд.

– Мы с братом очень довольны тем, как ты справляешься с работой за последние полгода. Нам хочется поблагодарить тебя, и мы решили, что пятьсот долларов будет подходящей суммой. Начиная с первого января мы будем выплачивать тебе регулярное жалованье по тридцать долларов в неделю.

– Чрезвычайно вам обязан, – сказал Фрэнк. – Я не ожидал такой щедрости. Это хорошие условия, и здесь я научился многому, что мне хотелось узнать.

– Ну, не будем об этом. Ты заслужил поощрение и можешь оставаться здесь, сколько пожелаешь. Мы рады, что ты с нами.

Улыбка Каупервуда была искренней и сердечной. Одобрение было ему очень приятно. Он выглядел бодрым и жизнерадостным в хорошо пошитом костюме из английского твида.

В тот вечер по пути домой он размышлял о том, чем занимался. Он понимал, что не останется там надолго, несмотря на вознаграждение и обещание приличной зарплаты. Разумеется, они были благодарны, почему бы и нет. Он знал, что работает эффективно, что при его участии дела идут отлично. Ему никогда не приходило в голову стать наемным работником. На него должны работать и будут работать на него. В его взглядах не было жестокости, противостояния судьбе или страха перед неудачей. Те двое, на которых он работал, были для него не более чем типажам, олицетворением бизнеса. Он видел их слабости и недостатки, как если бы взрослый человек замечал слабости и недостатки подростка.

В тот вечер после ужина и перед визитом к своей девушке Марджори Стаффорд он рассказал отцу о подарке в пятьсот долларов и обещанном жалованье.

– Великолепно! – сказал отец. – Ты продвигаешься лучше, чем я ожидал. Полагаю, ты останешься там.

– Нет, не останусь. Думаю, в следующем году я попрощаюсь с ними.

– Почему?

– Видишь ли, это не совсем то, чем я хотел бы заниматься.

– Тебе не кажется, что ты несправедлив, не говоря им о своем решении?

– Вовсе нет. Я им нужен. – Говоря это, он изучал себя в зеркале, поправляя галстук и одергивая пиджак.

– Ты уже сказал матери?

– Нет, но собираюсь сделать это сейчас.

Он вышел в гостиную, где стояла его мать, обвил руками ее хрупкие плечи и сказал:

– Как тебе это, мама?

– Что? – спросила она, нежно глядя ему в глаза.

– Сегодня вечером я получил пятьсот долларов, а со следующего года буду получать по тридцать долларов в неделю. Что ты хочешь получить на Рождество?

– Да что ты говоришь! Ну разве не замечательно? Разве не прекрасно? Должно быть, ты им очень нравишься. Ты становишься настоящим мужчиной!

– Что ты хочешь получить на Рождество?

– Ничего. Мне ничего не нужно, кроме моих детей.

Он улыбнулся.

– Ладно, пусть будет ничего.

Но она знала, что он купит ей подарок.

Фрэнк вышел на улицу, задержавшись у двери, чтобы шутливо приобнять сестру и сказать, что он вернется около полуночи, а потом поспешил к дому Марджори, он обещал отвести ее на представление.

– Что ты хочешь на Рождество в этом году, Марджи? – спросил он, поцеловав ее в темной прихожей. – Сегодня вечером я получил пятьсот долларов.

Она была невинным пятнадцатилетним созданием, не знавшим притворства и хитростей.

– Ох, тебе не нужно мне ничего дарить.

– Не нужно? – спросил он, обнял ее за талию и снова поцеловал в губы.

Было славно ощущать себя хозяином жизни и получать удовольствия.

Глава 5

В следующем октябре, почти через полгода после своего восемнадцатилетия, Каупервуд был уверен, что больше не хочет служить в компании Уотермена, он решил уйти оттуда и поступить на службу в фирму «Тай и К^о», которая занималась банковским и брокерским бизнесом.

Знакомство Каупервуда с «Тай и К^о» произошло, когда он еще работал агентом по внешним сделкам у Уотерменов. С самого начала мистер Тай испытывал живой интерес к проницательному молодому посланнику.

– Как идут ваши дела? – добродушно интересовался он или спрашивал: – Наверное, сейчас вы стали получать больше долговых расписок?

Неустойчивое положение дел в стране, высокая инфляция, бурные дискуссии о рабовладении и другие обстоятельства предвещали непростые времена, и мистер Тай был уверен – хотя и не смог бы объяснить почему, – что этот молодой человек заслуживает серьезного внимания. Он был слишком молод, чтобы разобраться в ситуации, но каким-то образом все понимал.

– Спасибо, мистер Тай, наши дела идут совсем неплохо, – отвечал Каупервуд.

– Вот что я вам скажу, – обратился к нему мистер Тай однажды утром. – Если эти волнения из-за рабства не прекратятся, то будут неприятности.

Негр-невольник, принадлежавший одному приезжему с Кубы, был похищен и освобожден, поскольку законы Пенсильвании давали право на свободу каждому негру, попадавшему в штат даже проездом в другую часть страны, и это вызвало беспокойство у многих. Несколько человек были арестованы, в газетах шли постоянные дискуссии.

– Не думаю, что Юг потерпит такое. Это вредит нашему бизнесу и вызывает трудности у других. Рано или поздно нам не миновать отделения южных штатов. – В его голосе угадывался легкий намек на ирландский акцент.

– Полагаю, так и будет, – тихо сказал Каупервуд. – На мой взгляд, положение уже не исправить. Негр не стоит всей этой шумихи, но они будут и дальше агитировать за него; эмоциональные люди всегда так делают. Им нечем больше заняться. Но это вредит нашей торговле с Югом.

– Думаю, да. Именно так мне и говорили.

Когда молодой Каупервуд ушел, он повернулся к новому клиенту. Однако юноша снова поразил его удивительным здравомыслием и глубоким пониманием финансовых вопросов. «Если этот парень захочет получить у нас место, то я приму его», – подумал он.

Наконец мистер Тай обратился к нему напрямик:

– Вы хотели бы попробовать свои силы в операциях на бирже? Мне нужен молодой человек, а один из моих сотрудников собирается покинуть нас.

– С удовольствием, – ответил Каупервуд и широко улыбнулся. – Я сам думал обратиться к вам.

– Ну, если вы готовы к переменам, то место свободно. Приходите в любое время.

– Мне придется заблаговременно уведомить своих хозяев, – спокойно сказал Каупервуд. – Вы не возражаете подождать неделю-другую?

– Естественно. Срок не имеет значения. Приходите, как только уладите все свои дела; я не хочу причинять неудобство вашим работодателям.

Каупервуд уволился из компании Уотермена только через две недели, увлеченный, но не взволнованный новыми перспективами. Горе мистера Джорджа Уотермена было поистине велико. Что касается мистера Генри Уотермена, то он был уязвлен таким предательством.

– А я-то думал, что тебе здесь нравится! – горячился он, когда узнал о решении Каупервуда. – Дело в зарплате?

– Вовсе нет, мистер Уотермен. Просто я хочу заниматься прямыми брокерскими операциями.

– Это нехорошо. Мне жаль. Не хочу препятствовать твоим интересам, тебе виднее. Но мы с Джорджем намеревались через некоторое время предложить тебе долю в нашем деле. Проклятье, дружище, в этом бизнесе можно заработать приличные деньги!

– Знаю, – улыбнулся Каупервуд. – Но мне он не по душе, и у меня другие планы. Я никогда не стану зерновым маклером.

Генри Уотермен не мог понять, почему столь очевидный успех не интересовал Каупервуда. Он опасался, что уход юноши не лучшим образом скажется на их с братом бизнесе.

Вскоре Каупервуд убедился, что новая работа больше устраивает его во всех отношениях: он была не более трудной, но более выгодной. В отличие от компании Уотермена фирма «Тай и К^о» располагалась в красивом здании из зеленовато-серого камня на Третей улице, которая тогда и еще долгое время была финансовым центром Филадельфии. Здесь находились крупные национальные банки и компании с мировой репутацией: банкирские дома Дрекслея и Эдварда Кларка, Третий Национальный банк, Первый Национальный банк, фондовая биржа и другие подобные учреждения. Эдвард Тай, глава и мозг своей фирмы, был ирландцем из Бостона, сыном иммигрантов, который добился успеха и процветания в этом консервативном городе. Он приехал в Филадельфию, привлеченный местным спекулятивным бумом. «Это хорошее и правильное место для тех, кто держит ухо востро», – с легким ирландским акцентом говорил он своим друзьям, полагая, что сам держит ухо востро. Это был человек среднего роста, не очень полный, с преждевременной сединой, оживленный и добродушный, вместе с тем независимый и боевитый. Над его верхней губой красовались короткие седые усы.

– Да хранят меня небеса, – сказал он вскоре после прибытия в город, – эти пенсильванцы никогда не платят наличными, а расплачиваются векселями.

Дело было в те времена, когда кредитная история Пенсильвании, как и Филадельфии, была очень плохой, несмотря на огромные богатства штата.

– Если начнется война, то батальоны пенсильванцев будут маршировать с векселями наперевес, чтобы оплачивать свои пайки, – ворчал мистер Тай. – Если бы я собирался жить вечно, стал бы богачом, скупая их векселя и облигации. Думаю, когда-нибудь они заплатят, но, бог мой, как они с этим тянут! Я сойду в могилу, когда правительство штата рассчитается хотя бы с процентами по своим долгам.

Он был прав: городские финансы находились в плачевном состоянии. И город и штат были достаточно богаты, но существовало так много способов казнокрадства, что любое новое предприятие неизбежно сопровождалось выпуском облигаций. Эти облигации, или «гарантии», как их называли, ходили под шесть процентов годовых, но когда наступал срок платежа, казначей города или штата ставил штамп с датой предъявления, после чего «гарантийные» проценты начислялись не только на первоначальную сумму, но и на проценты по ней. Иными словами, шло постепенное накопление процента. Но это не помогало человеку, который хотел получить свои деньги, так как ценные бумаги нельзя было заложить более чем по семьдесят процентов от их рыночной стоимости, а продавались они по цене девяносто процентов от номинала. Человек мог купить или принять их для принудительного взыскания заложенного имущества, но ему приходилось долго ждать. Кроме того, при окончательном выкупе большинства из них процветало кумовство, поскольку лишь казначей знал, что определенные «гарантии» находятся в руках его добрых знакомых, и мог объявить им о погашении той или иной серии облигаций.

Более того, денежная система Соединенных Штатов тогда лишь начинала переходить от хаоса к некоторому порядку. Банк США, у истоков которого стоял Николас Биддл, прекратил свое существование в 1841 году, а казначейство США с отделениями в штатах появилось в 1846 году. Тем не менее оставалось множество банков с необеспеченным капиталом, так что

любой биржевой брокер становился знатоком платежеспособных и неплатежеспособных учреждений. Однако положение постепенно менялось к лучшему, поскольку телеграф ускорил расчеты и обмен биржевыми котировками не только между Нью-Йорком, Бостоном и Филадельфией, но и между местным брокером и его фондовой биржей. Появились частные телеграфные линии, и коммуникация становилась лучше, быстрее и свободнее.

На всех концах США были построены железные дороги. Биржевые сводки и телефоны еще не появились, создание расчетной палаты лишь недавно было задумано в Нью-Йорке и еще не представлено в Филадельфии. Вместо расчетно-клиринговой службы между банками и брокерскими фирмами ежедневно сновали курьеры, которые сводили балансы в банковских книжках, обменивали векселя и раз в неделю доставляли золотую монету – единственное средство для погашения балансовой задолженности, так как устойчивой национальной валюты еще не существовало. Когда биржевой гонг возвещал об окончании дневных торгов, молодые люди, называвшиеся расчетными клерками, на манер, позаимствованный из Лондона, собирались в центре зала и сверяли сделки между некоторыми фирмами по первичным и вторичным продажам, взаимно аннулируя их. Они просматривали счетные книги и объявляли названия сделок: «Делавэр и Мэриленд, продано Тай и К^о», «Делавэр и Мэриленд, продано Бомонт и К^о», и так далее. Это упрощало бухгалтерские расчеты и ускоряло коммерческие операции.

Место на бирже стоило две тысячи долларов. Учредители биржи недавно ввели правило, ограничивавшее время торгов между десятью часами утра и тремя часами дня (раньше они происходили в любое время с утра до полуночи), и устанавливали жесткие ставки на брокерские услуги, в отличие от прежних грабительских схем. Нарушители подвергались крупным штрафам. Иными словами, биржевая торговля приобретала ясные очертания, и Эдвард Тай вместе с другими брокерами полагал, что его делу суждено великое будущее.

Глава 6

К тому времени семья Каупервудов обосновалась в новом, более просторном и красиво обставленном доме на Норт-Фронт-стрит с видом на реку. Этот четырехэтажный дом с фасадом в двадцать пять футов не имел двора.

Здесь семья стала устраивать небольшие приемы, и время от времени их навещали представители разных кругов, с которыми Генри Каупервуд познакомился, двигаясь по служебной лестнице к должности главного кассира. Они не принадлежали к высшему обществу, но многие из них добились не меньшего успеха, чем он сам, – хозяева небольших фирм, которые вели дела с его банком, торговцы мануфактурой и кожей, оптовые агенты по продаже зерна и бакалейных товаров. Дети завели собственные близкие знакомства. Миссис Каупервуд тоже иногда устраивала для знакомых прихожан дневные чаепития или званые вечера, на которых даже Каупервуд пытался изображать светского кавалера, стоя с глуповато-благодарным видом и приветствуя гостей, приглашенных его женой. Поскольку при этом он мог сохранять серьезное и торжественное выражение лица и ограничивался несколькими фразами, это ему не слишком досаждало. Гости иногда пели, немного танцевали, и за ужином собиралась значительно более неформальная компания, чем раньше.

Здесь, в первый же год жизни в новом доме, Фрэнк познакомился с некой миссис Сэмпл, которая чрезвычайно заинтересовала его. Ее муж держал модный обувной магазин на Честнат-стрит недалеко от Третьей улицы и собирался открыть второй магазин на той же улице.

Они познакомились во время вечернего визита супружеской четы; мистер Сэмпл желал обсудить с Генри Каупервудом новое транспортное средство, недавно представленное широкой публике, а именно трамвай на конной тяге. Пробная линия Северо-Пенсильванской железнодорожной компании была запущена на участке длиной в полторы мили от Уиллоу-стрит и вдоль Фронт-стрит до Джермантаун-роуд, а оттуда по разным улицам до так называемой станции Кохоксинк. Считалось, что со временем этот вид транспорта вытеснит сотни омнибусов, которые создавали заторы и делали центральные улицы практически непроходимыми. Каупервуд-младший с самого начала заинтересовался этой темой. Железнодорожные перевозки в целом уже давно привлекали его внимание, но этот конкретный случай был особенно увлекательным. Он уже вызвал широкую дискуссию, и Фрэнк, как и остальные, ходил посмотреть на новинку. Трамвайный вагон выглядел необычно, но привлекательно: длиной четырнадцать футов, шириной семь футов и почти такой же высоты, он катился на маленьких железных колесах и, к всеобщему одобрению, передвигался гораздо тише и легче, чем омнибусы. Альфред Сэмпл рассматривал возможность капиталовложения в другую перспективную линию, которая в случае получения разрешения от законодательного собрания должна была пройти по Пятой и Шестой улицам.

Каупервуд-старший тоже предрекал большое будущее для трамвайных линий, но пока не видел, каким образом можно будет собрать необходимые средства. Фрэнк полагал, что фирма «Тай и К^о» должна попытаться выступить в качестве агента по продаже новых акций трамвайной компании Пятой и Шестой улиц в том случае, если будет получено разрешение на строительство. Он понимал, что компания уже сформирована, что под обеспечение перспективного предприятия будет выпущено большое количество акций и что эти акции будут продаваться по пять долларов с предельным номиналом в сто долларов. Ему хотелось лишь иметь достаточно денег для покупки крупного пакета таких акций.

Между тем и Лилиан Сэмпл завладела его вниманием. Трудно сказать, что именно в ней привлекало молодого Каупервуда, поскольку она не была ему ровней ни в каком отношении. Он был не лишен опыта в общении с девушками и женщинами и до сих пор поддерживал дружеские отношения с Марджори Стаффорд. Но, несмотря на то что Лилиан Сэмпл была

замужем (что оправдывало лишь уважительный интерес к ней) и не казалась умнее или рассудительнее других, это не делало ее менее привлекательной. Ей было двадцать четыре года, а Фрэнку исполнилось девятнадцать, однако по складу ума и внешнему облику она казалась моложе своего возраста. Она была немного выше него, хотя он уже перестал расти (пять футов и десять с половиной дюймов), и, несмотря на свой рост, хорошо сложенной и грациозной в жестах и манерах. Ей было свойственно природное душевное спокойствие, происходившее скорее из-за недостатка понимания, чем от силы характера. Ее пышные, густые волосы были цвета сухого английского каштана, а лицо – матово-бледным с нежно-розовыми губами; оттенок глаз менялся от серого к голубому и от серого к карему в зависимости от освещения. Ее руки были тонкие и изящные, нос – прямой, лицо – артистически узкое. Она не казалась блистательной или оживленной, но скорее выглядела спокойной и величавой, сама не зная об этом. Каупервуд-младший был пленен ее внешностью. Ее красота соответствовала его тогдашнему художественному вкусу. Она была прекрасной, думал он, милой и одновременно полной достоинства. Если бы он мог выбирать будущую жену, то его выбор пал бы на такую девушку.

До сих пор суждение Каупервуда о женщинах было скорее импульсивным, нежели рассудочным. Хотя он был устремлен к достижению богатства, престижу и превосходству над другими, его смущали и некоторым образом сдерживали соображения, связанные с респектабельностью, положением в обществе и тому подобными вещами. Скромная женщина ничего не значила для него; с другой стороны, пылкая женщина могла означать многое. В семье он часто слышал разговоры о женщинах, которые жертвовали собой ради мужа, детей и семьи в целом, изнуряли душу и тело подневольным трудом и в тяжелые времена поступались всем ради друзей или родственников, потому что это было правильно и великодушно. Но эти истории почему-то не трогали его. Он предпочитал думать, что все люди, в том числе женщины, должны искренне руководствоваться своими личными интересами. Он не мог объяснить, почему это так. Люди, не знавшие, как поступать в любых обстоятельствах и как защитить себя, казались ему глупыми или, в лучшем случае, очень несчастными. Были возвышенные рассуждения о нравственности, восхваление добродетели и благопристойности и праведный ужас с воздетыми к небу руками по отношению к людям, которые нарушают седьмую заповедь⁹ или хотя бы дают основания для подозрений. Он не воспринимал эту болтовню всерьез. Втайне он уже не раз нарушал седьмую заповедь, как делали и другие юноши. Тем не менее он испытывал отвращение к уличным женщинам и обитательницам публичных домов. В связи с ними ощущалось нечто грубое и нечистое. Короткое время показная мишура борделей привлекала его, поскольку в их роскоши присутствовала определенная сила: мебель, обитая алым бархатом, ярко-красные портьеры, аляповатые картины в нарядных рамах, но самое главное – крепко сложенные или чувственно-флегматичные женщины, которые, по словам его матери, питались мужчинами и жили за их счет. Их телесная сила и душевная похотливость, как и то обстоятельство, что они могли с одинаковой нежностью или добросердечием принимать одного мужчину за другим, поначалу изумляла его, но потом опротивела ему. В конце концов они не блистали умом и в них не было живого движения мысли. По его мнению, они годились только для одного. Он представлял унылую беспросветность, сопровождавшую их поутру, когда лишь сон и мысли о деньгах могли немного смягчить их жалкую жизнь, и качал головой. Он стремился к чему-то более личному и сокровенному, особенному и утонченному.

Так появилась Лилиан Сэмпл, которая для него была лишь тенью заветного идеала. Однако она проявила некоторые его представления о женщинах. Физически она не была такой же энергичной или brutальной, как женщины, с которыми он встречался в публичных домах и которые бесстыдно нарушали общепринятые взгляды и теории, но именно по этой причине она нравилась ему. Он продолжал мысленно возвращаться к ней, несмотря на суматошные

⁹ «Не прелюбодействуй» (Втор.: 5.18).

будни своей новой службы, мелькавшие, как короткие вспышки света. Хотя мир фондовой биржи, в котором оказался молодой Каупервуд, в наши дни может показаться примитивным, для него он был необыкновенно увлекательным. Помещение на перекрестке Третьей улицы и Док-стрит, где собирались брокеры, их агенты и клерки числом до полутора сотен человек, в архитектурном отношении не представляло собой ничего особенного – квадратный зал шестьдесят на шестьдесят футов, высотой от второго этажа до крыши четырехэтажного дома, – но ему оно казалось значительным. Окна были высокими и узкими; часы с большим циферблатом висели напротив западного входа, куда вела лестница. Скопище телеграфных аппаратов, столы и табуреты занимали северо-восточный угол. В те ранние времена биржевой торговли на полу стояли ряды стульев, где сидели брокеры, рассматривавшие заявки на продажу акций. Впоследствии стулья были убраны, и в разных местах появились столбики или иные метки на полу, указывавшие, где проходила торговля определенными акциями. Вокруг них собирались люди, заинтересованные в их покупке или продаже. Дверь в коридоре на третьем этаже вела на галерею для посетителей, тесную и скудно обставленную, а на западной стене находилась большая грифельная доска с текущими котировками акций, получаемыми по телеграфу из Бостона и Нью-Йорка. За решетчатой оградой в центре зала стоял стол официального регистратора, а маленький балкон с западной стороны на третьем этаже предназначался для секретаря совета директоров биржи, когда ему нужно было сделать специальное объявление. Дверь в юго-западном углу вела в комнату, где хранились отчеты, ежегодные протоколы заседаний совета биржи и перечни акций, доступных для участников торгов.

Каупервуд-младший вообще не получил бы места на бирже в качестве брокера, брокерского агента или помощника, если бы мистер Тай, поверивший в его расторопность и пользу от сотрудничества с ним, не купил бы ему место в кредит за две тысячи долларов и не представил бы его как своего партнера. Такое фиктивное партнерство противоречило уставу биржи, но брокеры пользовались им. Людей, известных как младшие партнеры и ассистенты, пренебрежительно называли «осьмушками» и «двухдолларовыми брокерами», потому что они постоянно искали мелкие заказы и были готовы покупать или продавать для кого угодно за проценты от сделки, – разумеется, отчитываясь о результатах своей деятельности перед фирмой. Поэтому Каупервуд, невзирая на свои несомненные достоинства, сначала был помещен под начало мистера Артура Риверса, официального биржевого представителя фирмы «Тай и К^о».

Риверс был чрезвычайно импозантным тридцатипятилетним мужчиной, хорошо сложенным и прекрасно одетым, с жестким точеным лицом, украшенным щеточкой черных усов и тонкими, безупречно ровными черными бровями. Его волосы были разделены на пробор посередине, а на подбородке выделялась маленькая привлекательная ямочка. Он говорил тихо, аккуратно выбирая слова, и сохранял хорошие манеры как на бирже, так и за ее пределами. Сначала Каупервуд удивлялся, почему Риверс работает на Тая, хотя обладает не меньшим опытом, но потом узнал, что они были партнерами. Тай был организатором и лицом фирмы, а Риверс заключал сделки и вел внешние операции.

Вскоре Фрэнк обнаружил, что бесполезно даже пытаться выяснить, почему акции растут или падают в цене. Разумеется, по словам мистера Тая, существовали некоторые общие причины, но на них не всегда можно было полагаться.

– Что угодно может поднять или обрушить рынок, – объяснил Тай со своим мягким ирландским акцентом, – банкротство банка или слухи о простуде вашей двоюродной бабушки. Фондовая биржа – это особенный мир, Каупервуд. Я видел вообще необъяснимые обвалы рынка. Невозможно было узнать, почему это произошло. И я видел такой же бурный рост. Бог ты мой, что за слухи ходят на фондовой бирже! Они дадут фору самому дьяволу. В обычное время, если курс падает, значит, кто-то сбрасывает крупные пакеты акций или играет против рынка. Если курс растет, то либо конъюнктура благоприятная, либо кто-то покупает по-круп-

ному, это точно. А насчет остального пусть Риверс введет вас в курс дела. Но боже упаси принести мне убыток: это смертный грех в нашей фирме.

Он добродушно, но многозначительно улыбнулся, и Каупервуд понял намек. Такое отношение ему нравилось, поскольку оно соответствовало его темпераменту.

Биржа наполнилась слухами: о большой железной дороге и трамвайных компаниях, о землеустройстве, о пересмотре правительственных тарифов, о войне между Францией и Турцией, о голоде в России и так далее. Первый трансатлантический кабель еще не был проложен, и любые зарубежные новости шли медленно и были довольно скудными. На слуху были имена великих финансистов, таких как Сайрус Филд, Уильям Генри Вандербильт¹⁰ или Ф. Г. Дрексель, которые совершали чудеса, поэтому слухи об их предприятиях многое значили для рынка.

Вскоре Фрэнк освоил техническую сторону дела. «Быками» называли брокеров, купавших в предвкушении более высокой цены; если «бык» вкладывался в «портфель» перспективных акций, про него говорили, что он занимает длинную позицию. Он продавал акции для получения прибыли; если пределы доходности оказывались исчерпанными и требовались дополнительные вложения, то он разорялся. «Медведем» называли брокера, который гораздо чаще продавал акции в предчувствии более низкой цены, при которой он мог покупать с прибылью, чтобы компенсировать свои издержки. Он вставал в «короткую позицию», когда продавал то, чего на самом деле больше не имел, и «закрывал позицию», когда продавал акции для реализации прибыли или для защиты от дальнейших убытков, если цены росли, а не снижались. Он попадал в «корнер»¹¹, когда обнаруживал, что не может с прибылью продать акции, взятые под обеспечение и востребованные обратно. Тогда ему приходилось соглашаться на цену, предлагаемую покупателями, стоящими на «короткой позиции».

Фрэнк усмехался, наблюдая, как молодые люди напускали на себя таинственность и всезнайство. Они были так искренне и нелепо подозрительны друг к другу! Опытные люди, как правило, имели непроницаемые лица. Они умели казаться равнодушными и нерешительными. Впрочем, они были похожи на рыб, клюющих на определенную наживку. Хлоп! – и шанс упущен. Кто-то другой забрал то, что ты хотел. Все имели при себе маленькие блокноты. У каждого был особый прищур, поза или движение, означавшее: «Дело сделано! Я провел тебя!» Иногда они как будто не подтверждали свои сделки – ведь они очень хорошо знали друг друга. Если рынок оживлялся, брокеров и агентов было больше, чем в те дни, когда торговля шла вяло, а рынок стоял. В десять часов утра звук гонга открывал торги, и если наблюдался заметный подъем или падение акций какой-либо компании, можно было наблюдать бурные сцены. От пятидесяти до ста человек кричали, жестикулировали и на первый взгляд беспечно толкались друг с другом, стремясь извлечь преимущество из спроса или предложения на акции.

– Пять восьмых за пятьсот штук «П и У»! – восклицал Риверс, Каупервуд или другой брокер.

– Три четверти за пятьсот! – доносился ответ от того, кто либо имел указание продать акции по такой цене, либо хотел открыть короткую позицию в надежде со временем скупить достаточно акций по более низкой цене, чтобы закрыть позицию и остаться с прибылью. Если предложение по такой цене было большим, Риверс обычно продолжал держать цену покупки по пять восьмых. С другой стороны, если он замечал растущий спрос, мог предложить и три четверти. Если брокеры верили, что у Риверса большой заказ на покупку, они, возможно, попы-

¹⁰ Сайрус Филд (1819–1892) – американский бизнесмен, проложивший первый трансатлантический кабель; Уильям Генри Вандербильт (1821–1885) – богатейший бизнесмен США XIX в., оставивший состояние более 200 млн долларов.

¹¹ «Корнер», или короткое сжатие, возникает при дефиците предложения на рынке акций, которое ведет к повышению цены актива. Игроки, у которых открыты короткие позиции, закрывают их, выкупая бумагу с рынка, чтобы сократить свои потери, но количество акций ограничено, что ведет к дальнейшему росту цен. На современном рынке такие позиции обычно защищаются хеджированием рисков, например покупкой колл-опционов.

тались бы раньше него выкупить акции по три четверти, полагая, что потом смогут продать их ему по чуть более высокой цене. Разумеется, профессионалы хорошо разбирались в психологии, и их успех зависел от способности угадать, может ли крупный заказчик, такой как Тай, повлиять на котировки и позволить им «войти и выйти» с прибылью, прежде чем его представитель завершит сделки. Они были похожи на ястребов, намеренных выхватить добычу прямо из когтей конкурентов.

Группы по четыре, пять, десять, пятнадцать, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят человек, а иногда и все одновременно пытались играть на кратковременном подъеме тех или иных акций, выходя с предложением продажи или покупки, и тогда шум становился просто оглушительным. Некоторые группы могли торговать определенными бумагами, но в большинстве случаев они бросали свои дела, чтобы не упустить выгодного случая. Энтузиазм молодых брокеров и агентов и желание быть в курсе всего, что происходит вокруг, заставлял их бегать туда-сюда, вскидывать руки с растопыренными пальцами, обозначая цену. Искривленные лица выглядывали из-за чужих плеч или из-под локтей. Они умышленно или неосознанно корчили самые нелепые гримасы. Иногда случалось, что какой-нибудь брокер буквально задыхался под напором тел, устремлявшихся к нему, когда он проявлял намерение что-то купить или продать по выгодной цене. Сначала молодому Каупервуду нравилась такая суматоха, поскольку он вообще любил оживление, но впоследствии эти драматические картины немного надоели, и он обрел более ясное понимание проблем. Он быстро усвоил, что покупка и продажа акций была сложным искусством, тонкой эмоциональной игрой. Эмоции, подозрение, интуиция – вот что требовалось для того, чтобы держать «длинную позицию».

Со временем он стал задаваться вопросом: кто же делает настоящие деньги? Биржевые брокеры? Ничего подобного. Да, некоторые из них неплохо зарабатывали, но он замечал, что они были похожи на стаю голодных чаек, круживших с подветренной стороны, готовых схватить любую неосторожную рыбу. За ними стояли другие люди – с хитроумными идеями и скрытыми ресурсами. Люди с большими средствами, чьи предприятия были представлены ценными бумагами, – люди, которые планировали и строили железные дороги, открывали шахты, организовывали торговые дома и строили огромные заводы. Они могли пользоваться услугами брокеров или других посредников для биржевой торговли, но все покупки и продажи были вторичны по отношению к главному – шахте, железной дороге, урожаю, мукомольной фабрике и так далее. Все, кроме прямых продаж для получения прибыли, было игрой, а брокеры – игроками. Фрэнк и сам был только лишь агентом, представлявшим интересы другого игрока. В данный момент это его не беспокоило, но и не являлось тайной для него. Как и в случае с компанией Уотермена, он видел этих людей насквозь с их слабостью и ошибками, умными или не очень, но в целом мелкими и ограниченными, потому что они были посредниками, орудием в чужих руках, просто азартными игроками. Настоящий человек не должен быть посредником или игроком, действующим в чьих-либо интересах, – он должен сам нанимать таких людей. Настоящий финансист не может быть чьим-то инструментом. Он пользуется инструментами. Он созидает и руководит.

В промежутке между девятнадцатью и двадцатью одним годами он понял все это с исчерпывающей ясностью, но был еще не готов к самостоятельным действиям. Тем не менее он был уверен, что его день настанет.

Глава 7

Между тем его тайный интерес к миссис Сэмпл, как ни странно, продолжал расти. Когда он получил приглашение в гости к Сэмплам, то с удовольствием принял его. Их дом находился недалеко от его собственного дома на Норт-Фронт-стрит и летом утопал в зелени. От маленькой боковой веранды с южной стороны открывался прекрасный вид на реку; все окна и двери сверху были украшены полукруглыми арочками с мелкими стеклянными вставками. Интерьер дома был не таким приятным, как можно было ожидать. Ему не хватало изысканности, по крайней мере в том, что касалось мебели, но он был новым и благопристойным. О картинах не стоило и говорить. То же самое относилось к библиотеке: Библия, несколько современных романов и более или менее интересных исторических трудов, а также ветхий хлам, унаследованный от родственников. Фарфор был хорош – тонкий, с изящным рисунком. Ковры и обои контрастировали со скудной обстановкой. Лилиан Сэмпл затмевала общее впечатление, на нее было приятно смотреть, она являла собой живую картину везде, где бы ни находилась.

У Сэмпов не было детей, но миссис Сэмпл очень хотелось иметь ребенка. Она почти не общалась с людьми, не считая ее родной семьи Уиггин, нескольких других родственников и соседей, заходивших в гости. Лилиан Сэмпл, в девичестве Уиггин, имела двух братьев и сестру, которые жили в Филадельфии и тоже были семейными людьми. Они считали, что она удачно вышла замуж.

Нельзя сказать, что она когда-либо страстно любила мистера Сэмпла. Она охотно вышла за него замуж, но он не принадлежал к числу мужчин, способных пробудить страсть в женщине. Он был практичным и педантичным. В его обувном магазине продавались модные фасоны, а просторный торговый зал являл собой образец порядка. Если он вступал в разговор, то любил поговорить о производстве обуви, новых колодках и модных направлениях. Обувь, частично изготовленная по фабричным шаблонам, уже начала входить в обиход, но мистер Сэмпл пользовался и услугами обувных мастеров, которые делали обувь по заказу клиента.

Миссис Сэмпл читала, но совсем немного. Иногда она как будто впадала в задумчивость, но не глубокомыслие. Она обладала особой красотой, которая делала ее похожей на фигуру с античной вазы или древнегреческого хора. Несомненно, Каупервуд видел ее в таком свете, ибо он с самого начала не мог отвести от нее взгляд. Она вроде бы замечала его внимание, но не придавала этому никакого значения. Неизменно вежливая и довольная своей семейной жизнью, она вела тихую и степенную жизнь.

Во время первых визитов Фрэнк она почти всегда молчала. Она была любезна, но беседой гостя занимал хозяин дома. Каупервуд исподтишка любовался меняющимся выражением ее лица, и будь она повнимательнее, она должна была это заметить. К счастью, она ничего не замечала. Сэмпл учтиво беседовал с ним: Фрэнк становился обеспеченным человеком, был обходительным и располагал к себе, а Сэмпл очень хотел разбогатеть, и Фрэнк был для него примером успешности. Однажды весенним вечером они сидели на веранде и разговаривали, не затрагивая особенно важных тем, таких как проблема рабовладения, конка, биржевая паника 1857 года и развитие Запада. Мистер Сэмпл хотел как можно больше узнать о фондовой бирже. В свою очередь, Фрэнк интересовался обувным делом, которое на самом деле было ему безразлично. Все это время он незаметно наблюдал за миссис Сэмпл. Ее манеры казались ему прелестными, умиротворяющими и просто восхитительными. Она подала им чай с кексами. Спустя какое-то время они ушли в дом, чтобы не досаждали комары. Она поиграла на пианино. В десять вечера Фрэнк ушел.

Около года после этого Каупервуд-младший покупал обувь у мистера Сэмпла, а иногда просто заходил в магазин на Честнат-стрит побеседовать о текущих делах. Сэмпл интересовался его мнением о выгодности покупки акций трамвайной компании Пятой и Шестой улиц,

которые после получения подряда на строительство вызвали большой ажиотаж. Каупервуд отвечал, что с учетом всех обстоятельств дело, несомненно, будет прибыльным. Он сам купил сто акций по пять долларов за штуку и предложил Сэмплу сделать то же самое. Однако сам по себе этот человек был ему безразличен; ему нравилась миссис Сэмпл, хотя он не часто встречался с ней.

Примерно через год мистер Сэмпл умер. Это была безвременная кончина, один из случайных и в определенном смысле незначительных эпизодов, тягостных и драматичных для ближайших родственников. Поздней осенью он подхватил легочную простуду, какую обычно подхватывают, промочив ноги или выбегая без пальто в ненастный день, но продолжал бывать в магазине, хотя миссис Сэмпл убеждала его остаться дома. По-своему он был решительным человеком, но сдержанным, предпочитавшим тихую настойчивость. Дела требовали его внимания, и он рассчитывал вскоре довести свое состояние до пятидесяти тысяч долларов. В результате простуда обернулась воспалением легких, и через девять дней он скончался. Обувной магазин закрылся на несколько дней, дом наполнился сочувствующими друзьями и церковнослужителями. Состоялись похороны с заупокойной службой в Кэллоухиллской пресвитерианской церкви, к которой он принадлежал. После погребения миссис Сэмпл горько плакала. Смерть мужа глубоко потрясла ее и на какое-то время повергла в уныние. Ее брат Дэвид Уиггин временно взял на себя заботу об управлении доставшимся ей обувным бизнесом. Покойный не оставил завещания, но по окончательному соглашению, включавшему продажу обувных магазинов, никто не пожелал оспорить ее право на основное имущество, и она получила более восемнадцати тысяч долларов. Она продолжала жить в доме на Фронт-стрит, и ее считали интересной и привлекательной молодой вдовой.

Все это время Каупервуд-младший, которому тогда было двадцать лет, ненавязчиво обозначал свое присутствие. Он наносил визиты во время болезни и присутствовал на похоронах. Он помог ее брату Дэвиду Уиггину избавиться от обувного бизнеса. После похорон он раз или два заглянул в гости, а потом довольно долго держался в стороне. Он появился снова через пять месяцев и с тех пор стал наносить регулярные визиты раз в неделю или в десять дней.

Трудно сказать, что он нашел во вдове Сэмпл. Возможно, ее прелестная бледная красота зачаровывала его, а ее безразличие трогало его возбудимую душу. Сам не зная почему, он страстно и настоятельно желал ее. Он не мог спокойно думать о ней и почти ни с кем не говорил о ней. Его родные знали, что он заходит к ней, но в семье Каупервудов постепенно сложилось глубокое уважение к разумности Фрэнка. Обыкновенно он был человеком добродушным, веселым и общительным, но не болтливым и, безусловно, успешным. Все знали, что он неплохо зарабатывает. Его жалованье составляло пятьдесят долларов в неделю, и он с полным основанием рассчитывал на прибавку. Несколько земельных участков на западе Филадельфии, которые он купил тремя годами ранее, заметно выросли в цене. Его капиталовложения в строительство конки, подкрепленные покупкой дополнительных пакетов по пятьдесят, сто и сто пятьдесят акций, понемногу росли, несмотря на трудные времена, – начиная от первоначальных пяти долларов за акцию до десяти, пятнадцати и двадцати пяти долларов по будущему номиналу. Он пользовался расположением в финансовых кругах и был уверен, что его ждет успешное будущее. Хорошо разобравшись с биржевыми правилами, он понял, что не хочет быть биржевым игроком. Он подумывал заняться продажей векселей, которую считал прибыльным делом и которая не подразумевала риска при наличии собственного капитала. Благодаря своей службе и отцовским связям он встречался со многими коммерсантами, банкирами и предпринимателями. Он знал, что может получить их бизнес либо долю в нем. Люди из банковских домов Дрекслея и Кларка дружелюбно относились к нему, а Джей Кук, восходящая звезда банковского дела, был его личным другом.

Между тем чем больше он навещал миссис Сэмпл, тем больше она ему нравилась. Они не вели увлекательных диалогов, но общество Фрэнка, когда он этого хотел, могло быть уте-

шительным. Его советы в деловых вопросах были так разумны, что встретили одобрение даже со стороны ее родственников. Понемногу он стал нравиться ей, поскольку был спокойным, участливым и надежным, всегда готовым терпеливо объяснять что-либо, пока все не станет совершенно ясно. Она могла понять, что он заботится о ее делах, как о собственных, и старается сделать ее положение устойчивым и безопасным.

– Вы так добры, Фрэнк, – сказала она ему однажды вечером. – Я безмерно благодарна вам. Не знаю, как бы я обходилась без вас.

Она с детским простодушием смотрела на его красивое лицо, повернутое к ней.

– Не стоит благодарности, я делаю это с удовольствием. Мне было бы не по себе, если бы не мог помочь вам.

В его глазах не было взволнованного блеска, они озарялись особенным мягким сиянием. Она испытывала к нему теплоту и была довольна тем, что может полагаться на него.

– Я очень благодарна. С вами приятно проводить время. Если хотите, приходите в следующее воскресенье или в любой вечер. Я буду дома.

Пока Фрэнк навещал ее, стало известно, что его дядя Сенека умер на Кубе и оставил ему пятнадцать тысяч долларов. С этими деньгами его состояние составляло около двадцати пяти тысяч, и он точно знал, как распорядиться этими средствами. Вскоре после смерти мистера Сэмпла на бирже случилась очередная паника, подтвердившая, как ненадежно брокерское дело. Наступил период серьезного экономического упадка. Свободные деньги стали такой редкостью, что их как бы вообще не существовало. Капитал, напуганный неопределенностью в торговых делах и денежном обращении, отступил, попрятавшись в банки, сейфы, железные чайники и вязанные чулки. Казалось, страна катится в пропасть. На горизонте смутно маячила война с Югом или отделение южных штатов. Общее настроение было тревожным. Люди выставляли на рынок свои ценности в надежде получить деньги. Тай уволил трех своих клерков. Он максимально урезал расходы и использовал личные сбережения для защиты своего капитала. Он заложил дом, земельные владения и другую недвижимость, и во многих случаях Каупервуд-младший был его посредником, распределявшим акции по разным банкам, чтобы получить за них сколько удастся.

– Постарайтесь узнать, сможет ли банк вашего отца ссудить мне пятнадцать тысяч долларов вот за это, – однажды обратился он к Фрэнку и достал пачку акций «Филадельфия и Уилмингтон». В прошлом Фрэнк слышал, как его отец называл эти ценные бумаги превосходными.

– В сущности, это хорошие бумаги, – с сомнением произнес Каупервуд-старший, когда сын показал ему пачку акций. – Им цены бы не было в любое другое время, но с деньгами сейчас очень туго. В такие времена чрезвычайно трудно выполнять наши обязательства. Я поговорю с мистером Кугелем.

Мистер Кугель был президентом банка. Состоялась долгая беседа, за которой последовало еще более долгое ожидание. По возвращении отец сообщил, что ссуда под восемь процентов весьма сомнительна. Мистер Кугель может предоставить онкольную ссуду¹² под десять процентов. Фрэнк вернулся к своему работодателю, который дал волю своему предпринимательскому гневу.

– Ради всего святого, в этом городе вообще нет денег? – сварливо осведомился он. – Такой процент разорителен для меня! Я этого не потерплю! Ладно, отнеси их назад и принеси мне деньги. Боже правый, это просто грабеж среди бела дня!

Фрэнк вернулся в банк.

– Мистер Тай согласен на десять процентов, – спокойно сказал он.

¹² Онкольная ссуда – заем с выплатой долга по первому требованию.

Тай получил депозит на пятнадцать тысяч долларов с правом возврата по первому требованию. Он сразу же перевел всю сумму в Джирардский Национальный банк, чтобы закрыть образовавшуюся там недостачу. Так шли дела.

В эти дни молодой Каупервуд с интересом наблюдал за перипетиями финансовой жизни. Его не беспокоил вопрос рабовладения, разговоры об отделении южных штатов и даже общее направление прогресса или упадка в стране, если это не касалось его непосредственных интересов. Он жаждал состояться как финансист, но теперь, когда он познакомился с изнанкой брокерского дела, у него не было уверенности, что он хочет оставаться биржевым игроком. Игра на бирже в соответствии с условиями, созданными паникой, представлялась очень опасной. Многие брокеры потерпели крах. Он видел, как они устремляются к Таю с потерянными лицами и просят аннулировать некоторые сделки. Они говорили, что находятся в опасности. Они станут банкротами, а их жены и дети окажутся выброшенными на улицу.

Некоторым образом эта паника лишь укрепила уверенность Фрэнка в том, чем он на самом деле хотел заниматься. Теперь, когда у него были свободные деньги, он мог начать собственный бизнес. Даже предложение Тая о младшем партнерстве не могло соблазнить его.

– Думаю, у вас замечательный бизнес, – объяснял он, – но я хочу начать свое дело по торговле векселями. Я не доверяю биржевой игре. Лучше иметь свой небольшой бизнес, чем торговаться на любой бирже.

– Но вы еще очень молоды, Фрэнк, – возразил мистер Тай. – У вас впереди еще много времени, чтобы начать работать на себя.

В конце концов Фрэнк по-дружески расстался с Таем и Риверсом.

– Вот толковый малый, – сокрушенно заметил Тай.

– Он своего добьется, – согласился Риверс. – Ушлый малый для своего возраста, которого я когда-либо видел.

Глава 8

В то время мир рисовался Каупервуду в розовых тонах. Он был влюблен и имел деньги для начала собственного предприятия. Под акции конной линии, которые неуклонно повышались в цене, он мог получить семьдесят процентов от их рыночной стоимости. При необходимости он мог заложить свои земельные участки и получить деньги. Он установил связи с Джирардским Национальным банком, где понравился президенту Дэвисону, и предполагал в дальнейшем стать заемщиком в этом учреждении. Ему были нужны инвестиции, которые он мог бы быстро и уверенно реализовать на рынке. В перспективе он надеялся на хорошую прибыль от трамвайных линий, которые могли в скором времени стать развитой транспортной системой.

Примерно в то же время он приобрел лошадь и легкую двухместную коляску с откидным верхом – самое красивое животное и самый комфортабельный экипаж, который смог найти. Это сочетание обошлось ему в пятьсот долларов, и он тут же предложил миссис Сэмпл показаться. Сначала она отказывалась, но вскоре согласилась. Он говорил ей о своих успехах и перспективах, о неожиданном наследстве в пятнадцать тысяч долларов и о намерении заняться вексельной торговлей. Он знала, что его отец с большой вероятностью займет пост вице-президента Третьего Национального банка. Ей нравилась семья Каупервудов. Теперь она начала понимать, что за отношением Каупервуда-младшего кроется нечто большее, нежели обычная дружба. Бывший мальчик превратился в мужчину, который регулярно навещал ее. Это выглядело почти нелепо, принимая во внимание обстоятельства – разницу в возрасте, ее вдовство, ее безмятежный, уединенный образ жизни, – но спокойная решимость этого молодого человека давала понять, что ее приверженность к условностям не будет для него помехой.

Каупервуд не морочил себе голову какими бы то ни было теориями благородного поведения по отношению к ней. Она была красива, а его умственная и физическая тяга к ней была неудержимой, и это было все, что он хотел знать. Ни одна женщина так прочно не завладела его мыслями. Ему не приходило в голову, что он не может или не должен в то же время интересоваться другими женщинами. Расхожих слов о святости семейного очага он не понимал. Он не думал о ее деньгах, хотя прекрасно знал о них и полагал, что может выгодно приумножить их. Его влекло к ней физически. Он испытывал острую, почти первобытную мечту о детях, которых они могут иметь. Ему хотелось выяснить, сможет ли он заставить ее неистово любить себя и стереть воспоминания о предыдущей жизни. Это было странное желание, которое можно было бы назвать почти извращенным.

Несмотря на свою неуверенность и опасения, Лилиан Сэмпл поощряла его интерес и знаки внимания, потому что сама невольно тянулась к нему. Однажды вечером, собираясь в постель, она остановилась перед туалетным столиком и посмотрела на свое лицо, обнаженные руки и шею. Они были очень красивыми. Легкий трепет пробежал по ее телу, когда она рассматривала в зеркале свои чудесные шелковистые волосы. Она подумала о молодом Каупервуде, но ей сразу вспомнился покойный мистер Сэмпл, и она устыдилась, представив пересуды на свой счет.

– Почему вы так часто приходите ко мне? – спросила она, когда Фрэнк пришел на следующий вечер.

– О, разве вы не знаете? – двусмысленно откликнулся он.

– Нет.

– Уверены, что не знаете?

– Я знаю, что вам нравился мистер Сэмпл, и всегда думала, что нравлюсь вам, будучи его женой. Но его больше нет.

– А вы здесь, – заметил он.

– Я?

– Да. Вы мне нравитесь. Мне нравится быть с вами. Разве вы этого не чувствуете?

– Право, я не думала об этом. Ведь вы так молоды, я на пять лет старше вас.

– Безусловно, если судить по возрасту, – ответил он. – Но в других отношениях я лет на пятнадцать старше вас. В некотором смысле я больше знаю о жизни, чем вы когда-либо сможете узнать. Разве не так? – мягко, но убедительно добавил он.

– Что ж, это верно. Зато я знаю много вещей, неведомых вам. – Она тихо засмеялась, показав чудесные зубы.

Уже вечерело. Они сидели на веранде и смотрели на реку.

– Да, но это лишь потому, что вы женщина. Мужчина не может надеяться на понимание женской точки зрения, но я говорю о практических делах. В этом смысле вы моложе меня.

– И что с того?

– Ничего. Вы спросили, почему я прихожу к вам. Вот почему... отчасти.

Фрэнк замолчал и уставился на текущую воду.

Лириан посмотрела на него. Его красивая фигура, постепенно наливавшаяся силой, теперь обрела зрелые очертания. Большие, ясные глаза ничем не выдавали его и придавали лицу почти детское выражение. Его щеки были румяными, руки некрупными, но мускулистыми и сильными. Ее хрупкое, нежное тело даже на таком расстоянии впитывало его энергию.

– Полагаю, вам не стоит так часто приходить ко мне. Люди могут плохо подумать об этом. – Она попыталась принять спокойный, сдержанный вид, который первоначально сохраняла в общении с ним.

– Люди... – проворчал он. – Не беспокойтесь о них. Люди думают то, чего вы от них хотите. И не надо так отчужденно держаться со мной.

– Почему?

– Потому что вы мне нравитесь.

– Но так не должно быть. Это неправильно. Я не могу выйти замуж за вас, вы слишком молоды.

– Не говорите так! – властно произнес он. – Это сущие пустяки. Я хочу жениться на вас, и вы знаете об этом. Вопрос в том, когда это будет.

– Что за глупость! – воскликнула она. – В жизни не слыхала ничего подобного! Этого не может быть, Фрэнк, просто не может!

– Почему нет? – спросил он.

– Потому что... ну, потому что я старше. Люди этого не поймут. И потом, я еще недостаточно свободна.

– Достаточно или нет, какая разница? – раздраженно откликнулся он. – Это единственная ваша черта, которая мне не нравится: вы слишком беспокоитесь, что подумают другие люди. Они не часть вашей жизни и не имеют отношения к моей жизни. Думайте в первую очередь о себе. Вы должны жить своей жизнью. Неужели вы позволите чьим-то мнениям преградить путь к тому, что вы хотите сделать?

– Но я не хочу, – улыбнулась она.

Фрэнк встал, подошел к ней и заглянул в глаза.

– Что? – Ее вопрос прозвучал нервно и озадаченно.

Он продолжал глядеть на нее.

– Что? – повторила она, смутившись еще больше.

Он наклонился, собираясь взять ее за руки, но она встала.

– Вы не должны так приближаться ко мне, – твердо заявила она. – Сейчас я уйду в дом и больше не позволю вам приходить ко мне. Это ужасно! Вы ведете себя очень глупо, вы не должны интересоваться мною.

Она выказала немалую решительность, и он отступил, но лишь на какое-то время. Он приходил снова и снова. Однажды вечером, когда они были в комнатах из-за комаров, она повторила, что он должен прекратить свои визиты, что его ухаживания видны окружающим и что она будет опозорена, он заключил ее в объятия, несмотря на ее бурный протест.

– Послушайте, я же говорила! – возмутилась она. – Что за глупость! Вы не должны целовать меня! Как вы смеете! О-о-о!

Она вырвалась и бегом поднялась в свою комнату. Каупервуд стремительно последовал за ней. Когда она потянула дверь на себя, он силой распахнул ее и снова оказался рядом. Потом он приподнял ее и подхватил на руки.

– О, как вы могли! – воскликнула она. – Я больше никогда не буду разговаривать с вами. Я запрещаю вам приходить сюда, если высию же минуту не отпустите меня. Ну же, отпустите!

– Я отпущу вас, милая, – сказал он, – сейчас отпущу, – и он поцеловал ее.

Он был чрезвычайно взволнован и возбужден. Она протестовала и рвалась, он, крепко держа ее в своих руках, спустился по лестнице в гостиную и сел в большое кресло, по-прежнему сжимая ее в своих объятиях.

– Ох! – вздохнула она и бессильно припала к его плечу, когда он отказался отпустить ее. Потом она улыбнулась, увидев, как серьезно его лицо.

– Если я выйду за вас, как я это объясню? – слабым голосом спросила она. – Вашему отцу, вашей матери?

– Вам не понадобится ничего объяснять; я сам это сделаю. И не волнуйтесь за моих родителей, они не будут возражать.

– Но мои родственники... – Она вздрогнула.

– Не беспокойтесь о них. Я женюсь на вас, а не на ваших родственниках. У нас есть собственные средства.

Лилиан продолжала протестовать, но он только целовал ее. В его ласках был неумолимый напор. Мистер Сэмпл никогда не проявлял такой пылкости. Каупервуд пробудил в ней новые, доселе неведомые чувства. Она боялась и стыдилась их.

– Вы выйдете за меня через месяц? – радостно спросил он, когда она умолкла.

– Вы же знаете, что я не могу! – взволнованно воскликнула она. – Что за мысль!

– Мы все равно поженимся. – Он подумал, какой привлекательной она станет в другой обстановке. Ни она, ни его семья не умели жить с блеском.

– Нет-нет, не через месяц. Нужно немного подождать. Я выйду за вас, когда вы убедитесь, что я действительно нужна вам.

Каупервуд крепко прижал ее к себе.

– Я покажу тебе, – прошептал он.

– Пожалуйста, перестаньте! Вы делаете мне больно.

– Через два месяца?

– Конечно нет.

– Через три?

– Ну, может быть.

– Никаких «может быть». Мы поженимся, и точка.

– Но ты же еще мальчик.

– Не волнуйся за меня. Ты узнаешь, что я большой мальчик!

Он как будто распахнул перед ней новый мир, она поняла, что до сих пор никогда не жила по-настоящему. Этот человек воплощал в себе нечто такое, о чем ее муж не мог и мечтать. Он был по-юношески сильным и необоримым.

– Хорошо, тогда через три месяца, – прошептала она, пока он нежно обнимал ее.

Глава 9

Каупервуд открыл свой бизнес по вексельной торговле в небольшом офисе в доме № 64 на Третьей Южной улице и вскоре с удовольствием обнаружил, что известные деловые клиенты, с которыми он завел связи раньше, хорошо помнили его. Он отправлялся в банкирский дом или фирму, где, как полагал, была нужда в наличных средствах, и предлагал операции с ценными бумагами под шесть процентов комиссионных, а затем продавал эти бумаги с небольшой комиссией тому, кто хотел сделать надежное капиталовложение. Иногда отец или знакомые помогали ему советами. По сделкам он получал от четырех до пяти процентов прибыли. За первый год его выручка составила более шести тысяч долларов с учетом всех издержек. Это было немного, но он укреплял свой капитал другим способом, который, по его мнению, должен был принести большую прибыль в будущем.

До того как на Фронт-стрит была проложена первая, еще довольно медленная линия конки, улицы Филадельфии были запружены безрессорными омнибусами, грохочущими по булыжным мостовым. Теперь, благодаря идее Джона Стивенсона из Нью-Йорка, появились рельсовые пути, и кроме линии на Пятой и Шестой улицах (конка отправлялась по одной улице и возвращалась по другой), которая блестяще окупилась с самого начала, началось проектирование и укладка многих других линий. Город стремился заменить омнибусы конкой так же энергично, как раньше стремился заменить водные каналы железными дорогами. Разумеется, были и противники, как всегда происходит в подобных случаях. Начали кричать о грядущей монополии; громче всех стонали недовольные владельцы и кучера омнибусов.

Каупервуд безоговорочно верил в будущее городской железной дороги. Для поддержания этого убеждения он рискнул купить акции новых трамвайных компаний. Он хотел по возможности оставаться в этом бизнесе, хотя это было затруднительно: он был еще слишком молод при его зарождении, а его финансовые связи были еще недостаточно крепки, чтобы оказывать существенное влияние. Недавно стартовавшая линия на Пятой и Шестой улицах приносила шестьсот долларов в день. Проект для Западной Филадельфии (Уолнат-стрит и Честнат-стрит) шел полным ходом, как и линии для Второй и Третьей улиц, Рейс-стрит и Вайн-стрит, Спрюз-стрит и Пайн-стрит, Грин-стрит и Коут-стрит, Десятой и Одиннадцатой улиц и так далее. Проект финансировался могущественными капиталистами, имевшими влиятельные связи в Законодательном собрании штата и способными получать подряды на строительство, несмотря на бурные общественные протесты. Обвинения в коррупции висели в воздухе. Утверждалось, что улицы — ценное общественное достояние, поэтому компании должны платить дорожный налог в тысячу долларов за милю. Но каким-то образом удавалось получать безвозмездные ссуды, и люди, прознавшие о прибылях от линии Пятой и Шестой улиц, были готовы вкладывать деньги. Каупервуд был одним из них, и когда проектировалась линия Второй и Третьей улиц, он вложился в нее, а также в линию вокруг Уолнат-стрит и Честнат-стрит. У него появились смутные мечты о том, что однажды он сам будет управлять конной линией, но пока что не представлял, как этого можно добиться, ибо на его собственный бизнес еще не пролился золотой дождь.

Посреди этих забот он женился на миссис Сэмпл. Свадьба была скромной, поскольку он не хотел шумихи, а его невеста нервничала и опасалась общественного мнения. Родственники не вполне одобряли их бракосочетание. Родители считали невесту слишком старой и полагали, что Фрэнк с его блестящими перспективами мог бы найти лучшую партию. Сестра Анна считала миссис Сэмпл расчетливой приживалкой, но, разумеется, это было неправдой. Братья Джозеф и Эдвард живо интересовались этим событием, но толком не понимали, какого мнения держаться, ибо миссис Сэмпл обладала кое-каким состоянием и казалась им хорошенькой.

Стоял теплый октябрьский день, когда Каупервуд и Лилиан подошли к алтарю Первой пресвитерианской церкви на Кэллоухилл-стрит. Фрэнк был доволен тем, как изысканно выгля-

дела его невеста в кремовом кружевном платье с длинной фатой – этот шедевр стоил месяцев труда. На свадьбе присутствовали его родители, миссис Сенека Дэвис, семья Уигган, братья и сестры и некоторые друзья. Он не был особенно доволен, но так хотела Лилиан. Он стоял, прямой и собранный, в черном сюртуке, надетом для свадебной церемонии по желанию невесты, но потом переоделся в элегантный деловой костюм. Он привел в порядок свои дела перед двухнедельным путешествием в Нью-Йорк и Бостон. Во второй половине дня они сели на поезд до Нью-Йорка, который шел пять часов. Когда они наконец остались наедине в Астор-Хаусе после нескольких часов притворства и наигранного безразличия, он заключил ее в объятия.

– Как восхитительно, что ты теперь моя! – воскликнул он.

Она откликнулась на его пылкость робкой улыбкой, соблазнительностью которой он восхищался, теперь в этой покорности сквозило желание, которое передавалось от него. Ему казалось, что он никогда не насытится ее прекрасным лицом, чудесными руками, ее нежным, податливым телом. Они были похожи на двух детей, когда ворковали и ласкались, катались по городу, ели и осматривали достопримечательности.

Каупервуду было любопытно посетить финансовые кварталы обоих городов. Нью-Йорк и Бостон привлекали его своим финансовым благополучием. Осматривая Нью-Йорк, он гадал, покинет ли он когда-нибудь Филадельфию. Он полагал, что будет там вполне счастлив вместе с Лилиан и, возможно, с выводком маленьких Каупервудов. Он собирался упорно работать и делать деньги. С их совместными средствами, находившимися в его распоряжении, он вскоре может стать исключительно богатым человеком.

Глава 10

Домашняя обстановка, которой они окружили себя, когда вернулись после медового месяца, была гораздо более изысканной, чем в прежней жизни миссис Каупервуд в качестве миссис Сэмпл. Они решили пожить в ее доме на Норт-Фронт-стрит, по крайней мере некоторое время. Каупервуд, энергия которого была ключом, сразу же после помолвки выразил неодобрение мебели и украшений или отсутствием оных и настоял на том, чтобы ему было позволено привести дом в большее соответствие со своими представлениями о красоте. За годы взросления он интуитивно приобрел собственные представления об утонченности и художественном вкусе. Он повидал много домов, более изысканных и гармоничных, чем его собственное жилище. В ту пору любой, кто проходил или проезжал через Филадельфию, не мог не заметить общей склонности к более культурной и разборчивой светской жизни. Появилось множество превосходных дорогих домов. Парадные лужайки с некоторыми попытками ландшафтного садоводства набирали популярность. В домах Тая, Лейфа, Артура Риверса и других он видел довольно изысканные художественные вещи: бронзу, мрамор, драпировки, картины, часы и ковры.

По мнению Фрэнка, его сравнительно заурядный дом можно было превратить в нечто более привлекательное за относительно небольшие деньги. К примеру, столовая с двумя непримечательными окнами в боковой стене за верандой смотрела на юг с небольшой лужайкой, несколькими деревьями и кустами, упиравшимися в забор, отделявший участок Сэмпла от соседского. Этот серый частокол нужно было снести и заменить живой изгородью. В стене, отделявшей столовую от гостиной, можно было сделать проем, завешенный красивой портьерой. Два узких окна можно было заменить одним большим эркерным, доходившим до пола и смотревшим на лужайку через ромбовидные стеклянные панели в свинцовых решетках. Всю ветхую невзрачную мебель, собранную бог знает откуда (частично унаследованную от Сэмпл и Уиггинов, частично купленную), следовало выбросить или продать и поставить нечто новое и более красивое. Каупервуд знал молодого человека по фамилии Элсуорт, архитектора, недавно закончившего местный колледж, с которым у них вышел взаимный интерес друг к другу. Уилтон Элсуорт был художник в душе, тихий, задумчивый и утонченный. От обсуждения достоинств одного из зданий на Честнат-стрит, которое было построено совсем недавно и которое Элсуорт назвал отвратительным, они перешли к обсуждению искусства вообще и отсутствия такового в Америке. Тогда Фрэнку пришло в голову, что Элсуорт был тем человеком, который воплотит его замыслы по переделке дома. Когда он рекомендовал Лилиан этого молодого человека, она смиренно согласилась с идеями мужа насчет благоустройства.

Пока они проводили свой медовый месяц, Элсуорт приступил к реконструкции, имея в общей сложности три тысячи долларов на расходы, включая мебель. Работы были завершены лишь через три недели после их возвращения, и они оказались в почти новом доме. Как и хотел Фрэнк, эркер в столовой нависал над самой травой, а окна с ромбовидными панелями в свинцовых переплетах раскрывались на латунных шарнирах. Столовая была отделена от гостиной раздвижной дверью, которую еще следовало занавесить шелковой портьерой с изображением свадебной сцены в Нормандии. В столовой стояла мебель из старого английского дуба, а гостиная и спальни были обставлены американской имитацией в стиле чиппендейл и шератон. Тут и там можно было видеть несколько простых акварелей, бронзовые статуэтки Осмера и Пауэрса, мраморную Венеру работы ныне забытого скульптора Поттера и другие предметы искусства, но ничего особенно примечательного. На полу лежали ковры приятной, со вкусом подобранной расцветки. Миссис Каупервуд была немного шокирована наготой Венеры, сообщавшей дух европейской фривольности, непривычный для Америки, но ничего не сказала. Все выглядело уютно и гармонично, и она не считала себя вправе прекословить. Фрэнк гораздо лучше нее

разбирался в таких вещах. Когда в доме появились горничная и лакей, супруги стали устраивать небольшие приемы.

Те, кто помнит первые годы своей супружеской жизни, лучше всего поймут малозаметные перемены, которые произошли с Фрэнком в силу его нового положения; подобно всем, кто связывает себя узами Гименея, он в определенной степени подпал под влияние своего домашнего окружения. Судя по некоторым чертам его характера, можно было представить, что ему суждено стать весьма респектабельным и достойным гражданином. Он оказался идеальным семьянином. Его радовало возвращение к жене по вечерам, когда он покидал оживленный центр города с шумным движением и спешащими прохожими. Здесь он мог чувствовать себя вполне благополучным и счастливым человеком. Мысль о накрытом обеденном столе со свечами (его идея); мысль о Лилиан в длинном платье из голубого или зеленого шелка (он любил, когда она носила эти цвета); мысль о большом камине с пылающими поленьями и о жене, свернувшейся в его объятиях, – все это будоражило его незрелое воображение. Как уже было сказано, книги его не волновали, но кроме сложных и хитроумных финансовых комбинаций его захватывало и само ощущение жизни – картины, деревья, нежные объятия. Все его существо стремилось к богатой, радостной и полноценной жизни.

Миссис Каупервуд, несмотря на разницу в возрасте, в то время оказалась подходящей для него спутницей. Однажды она проснулась к жизни и с тех пор была ласковой, отзывчивой и мечтательной. Оба хотели завести ребенка, и через некоторое время она шепотом сообщила ему счастливую новость. Она считала себя виновной в своей предыдущей бездетности и была удивлена и обрадована, когда убедилась, что это не так. Перед ней открылись новые возможности: образ прекрасного будущего, перед которым она не испытывала страха. Ему нравилась мысль о продолжении рода; для него она была окрашена в почти собственнические тона. В течение дней, недель, месяцев и лет – по меньшей мере, первых четырех или пяти, – он испытывал живое удовольствие от вечернего возвращения домой, прогулок во дворе, катания вместе с женой, приглашения друзей на ужин, разговоров с ней и перечисления тех вещей, которые он собирался сделать. Она не понимала его сложных финансовых ухищрений, и он не трудился объяснять их.

Но ее любовь, ее чудесное тело, ее губы и спокойные манеры, двое детей, появившихся на свет за четыре года, продолжали восхищать его. Он качал на колене своего первенца Фрэнка-младшего, глядя на его пухлые ножки, блестящие глаза и младенческий ротик, похожий на бутон, и гадал о чуде появления детей на свет. В этой связи многое давало пищу для размышлений: зарождение через крошечный сперматозоид, удивительный период созревания плода в материнской утробе, недомогания и опасности, связанные с родами. Ему пришлось пережить действительно напряженный период перед рождением Фрэнка-младшего, потому что миссис Каупервуд была испугана. Он страшился потерять ее и тревожился о возможной утрате ею красоты; первое настоящее беспокойство он испытал, когда стоял за дверью в день рождения младенца. Чувство было не таким уж сильным – он умел держать себя в руках, однако он беспокоился, отгоняя мысли о смерти и конце их счастливой жизни. Затем, после страшных ее криков, ему сказали, что все в порядке, и разрешили посмотреть на новорожденного. Эти переживания расширили его представление о мире и сделали его размышления о жизни более основательными. Его понимание того, что жизнь таит в себе трагедию, словно рисунок дерева, покрытый слоем лака, наполнилось особым смыслом. Маленький Фрэнк, а потом голубоглазая и златокудрая Лилиан на какое-то время завладели его воображением. Идея семейной жизни была очень важна. Так устроена жизнь, и домашний очаг по праву считается ее краеугольным камнем.

Существенные перемены, произошедшие за эти годы, не поддаются точному определению; они были постепенными, почти незаметными, как слабое колыхание воды. Но в конце концов они оказались значительными, принимая во внимание, с какой малости ему пришлось

начинать. Его деловые связи ознаменовались близким знакомством с некоторыми влиятельными фигурами в постоянно развивающемся финансовом мире. В дни своей службы у Тая и на фондовой бирже ему представили множество важных людей: городских чиновников и представителей штата, которые «кое-что значили в политике», а также государственных чинов, иногда приезжавших в Филадельфию из Вашингтона для личных встреч с руководством «Дрексель и К^о», «Кларк и К^о» и даже «Тай и К^о». Эти люди, как он узнал, обладали полезными сведениями о возможных законодательных или экономических реформах, несомненно, влиявших на стоимость акций или торговые перспективы. Однажды у Тая молодой клерк дернул его за рукав:

– Видишь того человека?

– Да.

– Это Муртаг, городской казначей. Могу сказать, что он играет только наверняка. Он распоряжается всеми деньгами городского бюджета, а отчитывается только за основной капитал. Проценты достаются ему.

Каупервуд понял, о чем речь. Все чиновники города и штата занимались спекуляциями. Они имели привычку размещать средства городского бюджета или штата у определенных банкиров и брокеров, назначая их уполномоченными или ответственными хранителями государственных фондов. Банки не платили проценты по этим средствам, проценты доставались лично чиновникам. Они ссужали деньги доверенным брокерам по секретному распоряжению чиновников, а те инвестировали государственные деньги в «бумаги с гарантированным доходом». Таким образом, сначала банки бесплатно пользовались деньгами, а затем то же самое делали брокеры: чиновники получали доход, а брокеры получали солидные комиссионные. В Филадельфии существовал круг политиков, к которому принадлежали мэр, некоторые члены городского совета, казначей, начальник полиции, распорядитель общественных работ и другие, действовавший по принципу «ты мне, я тебе». Сначала Каупервуд считал это довольно мелочным и бесчестным делом, но многие люди быстро богатели, и никому до этого не было дела. В газетах постоянно болтали о патриотизме и гражданской гордости, но там не было ни слова о махинациях. А люди, делавшие эти вещи, были влиятельными и уважаемыми.

Во многих банках Каупервуда считали весьма надежным посредником для размещения вексельных обязательств или выплат по облигациям. Он знал, куда можно обратиться, чтобы быстро получить деньги. С самого начала он завел правило держать под рукой двадцать тысяч долларов наличными, чтобы иметь возможность немедленно и без обсуждения браться за исполнение тех или иных предложений. Поэтому он часто мог сказать: «Разумеется, я могу это сделать», тогда как в противном случае, с учетом обстоятельств, это было бы невозможно. К нему обращались с запросами о проведении определенных сделок на фондовой бирже. У него не было своего места на бирже, и сначала он не рассматривал такую возможность, но потом приобрел место не только в Филадельфии, но и в Нью-Йорке. Некий Джозеф Циммерман, торговец мануфактурой, для которого Каупервуд разместил несколько выпусков векселей, предложил ему доверительное управление своими акциями трамвайных компаний, и это стало началом его возвращения на биржу.

Между тем в его семейной жизни наступали перемены, можно сказать, что она становилась более утонченной и одновременно более прочной. К примеру, миссис Каупервуд время от времени была вынуждена пересматривать свои отношения с некоторыми знакомыми, и он поступал так же. При жизни мистера Сэмпла круг ее общения состоял главным образом из мелких торговцев, весьма ограниченный. Некоторые прихожанки Первой пресвитерианской церкви, в которой она состояла, имели дружеские отношения с ней. С мистером Сэмплом она принимала приглашения на приходские чаепития и скромные вечеринки, делала скучные визиты к его и своим родственникам. Каупервуды, Уотермены и несколько других семей того же круга были видным исключением. Теперь все изменилось. Молодой Каупервуд не проявлял интереса к ее родственникам. Сэмплы, возмущенные ее вторым браком, тоже постепенно

отделились от нее. Члены его собственной семьи были привязаны друг к другу и поддерживали взаимное благополучие. Однако он привлекал интерес некоторых действительно влиятельных людей. Он приглашал их в дом для светского общения, а не для деловых разговоров – ему не нравилась такая идея, – это были банкиры, инвесторы, настоящие или перспективные клиенты. На Скулкилле¹³, в Уиссахиконе¹⁴ и в других местах имелись знаменитые рестораны, куда можно было приезжать по воскресеньям. Они с миссис Каупервуд часто приезжали к миссис Сенека Дэвис, к судье Китчену, в дом знакомого адвоката Эндрю Шарплесса, в дом юриста Харпера Стеджера и к другим. Каупервуд обладал даром сердечного добродушия. Никто из этих мужчин и женщин не прозревал глубину его личности; он много размышлял, но и умело наслаждался жизнью.

Одним из его главных и наиболее искренних увлечений была живопись. Он восхищался природой, но – сам не зная почему – полагал, что можно составить наилучшее представление о ней через восприятие художника, так же как мы получаем представление о политике и законах от других людей. Миссис Каупервуд была бесконечно далека от этого, однако сопровождала его на художественные выставки, считая Фрэнка немного экстравагантным человеком. Поскольку он любил ее, то старался пробудить в ней духовный интерес к таким вещам, но она, как ни старалась, не могла по-настоящему понять или оценить произведение искусства.

Дети занимали большую часть ее времени. Впрочем, Каупервуд не беспокоился по этому поводу. Ее материнское рвение поражало его как нечто восхитительное и чрезвычайно достойное. В то же время ее спокойные манеры, нежная улыбка и внешняя отстраненность, проистекавшие главным образом от ощущения надежности своего положения, тоже привлекали его. Она так отличалась от него! Она относилась к своему второму браку точно так же, как к первому, – как к священному факту, исключавшему возможность душевной перестройки. В то же время сам он старался повсюду поспевать в мире, который, по крайней мере в финансовом отношении, находился в постоянном движении и был порой полон неслыханных перемен. Время от времени он начинал задумчиво поглядывать на Лилиан (не очень критично, так как любил ее), пытаясь понять ее личность и характер. Они были женаты уже более пяти лет, но что он знал о ней? Юношеская страсть многое не замечала, но теперь, когда она безраздельно принадлежала ему...

Медленно наступила и наконец была объявлена война между Севером и Югом и вызвала всеобщее возбуждение умов. Это было потрясающее время. Вскоре начались митинги, собрания, волнения и бунты: инцидент с телом Джона Брауна¹⁵, прибытие «великого общинника» Линкольна¹⁶ в Вашингтон через Филадельфию из Спрингфилда в штате Иллинойс, чтобы принести президентскую присягу, битва при Булл-Ран, битва при Вicksburg, битва при Геттисберге и так далее. Каупервуду было всего двадцать пять лет; хладнокровный и целеустремленный, он полагал, что агитация против рабства вполне сочетается с правами человека, но чрезвычайно опасна для коммерции. Он надеялся на победу Севера, однако она могла дорого обойтись ему самому и другим финансистам. Он был равнодушен к военной службе, считая ее глупостью для предприимчивого человека. Пусть это будет уделом для других; вокруг было много бедных и глуповатых людей, готовых подставлять себя под огонь; они были годны лишь на то, чтобы подчиняться и дать себя использовать как пушечное мясо. Собственную жизнь он считал священной ради семьи и своих личных интересов. Он помнил, как однажды увидел в одном из тихих переулков небольшой отряд вербовщиков в синих мундирах, с энтузи-

¹³ Скулкилл – река в Пенсильвании, главный приток Делавэра.

¹⁴ Уиссахикон – парк в Филадельфии, где протекает одноименная река.

¹⁵ Джон Браун (1800–1859) – американский аболиционист, борец за отмену рабства. Был казнен в Виргинии за подстрекательство к бунту.

¹⁶ Прозвищем Линкольна было Великий освободитель (The Great Emancipator). «Великий общинник» (The Great Commoner) – прозвище Уильяма Питта.

азмом маршировавших под бой барабанов и звуки флейты. Разумеется, идея заключалась в том, чтобы произвести впечатление на равнодушных и сомневающихся, заставить их забыть о собственной выгоде, о семье и доме, возбудить патриотизм. Он видел, как рабочий, который возвращался домой, помахивая обеденным котелком, вдруг остановился и прислушался к звукам музыки и как, когда отряд прошел мимо, пристроился в хвост с выражением то ли сомнения, то ли восторга во взгляде. Фрэнк спрашивал себя, что могло подвигнуть этого человека. Почему он так легко поддался? Ведь он же не собирался идти на вербовочный пункт. Человек этот, на лице которого были следы копоты и пота, на вид был литейщиком или машинистом лет двадцати пяти. Фрэнк смотрел, как маленький отряд исчезает за деревьями в конце улицы.

Ему было непонятно это всеобщее возбуждение воинственности. Казалось, люди не хотят слышать ничего, кроме барабанного боя и звуков флейты, не хотят видеть ничего, кроме солдат, которые тысячами уходили на фронт, водрузив на плечо холодную сталь ружей и штыков, и не интересуются ничем, кроме войны и слухов о войне. Без сомнения, это было завораживающее проявление чувств, но совершенно невыгодное. Он не понимал подобного самопожертвования. Если он уйдет на войну, его могут застрелить, и какой прок тогда будет от его благородных чувств? Лучше он будет управляться с текущими политическими, общественными и финансовыми делами. Бедный глупец, увязавшийся за вербовщиками, – нет, не глупец, не следует его так называть, – бедный замученный трудяга – пусть Бог смилуется над ним. Да смилуется Бог над всеми ними! Воистину они не ведают, что творят.

Однажды он видел Линкольна – высокого нелепого человека, худого, долговязого, но производившего внушительное впечатление. Это случилось промозглым утром в конце февраля, когда великий президент военной эпохи только что произнес свое торжественное обращение к народу о связующих узах, которые могут быть натянуты, но не разорваны¹⁷. Когда он выходил из Капитолия, этой знаменитой колыбели свободы, его лицо было грустным и задумчиво-спокойным. Каупервуд внимательно смотрел на него, окруженного высокопоставленными советниками, представителями местных властей, сыскными агентами и любопытными или сочувствующими зеваками. Глядя на грубо высеченное лицо Линкольна, он проникся величием и достоинством, исходившими от этого человека.

«Вот настоящий мужчина, – думал он. – Удивительная натура!» Поражал каждый жест Линкольна. Когда президент садился в экипаж, Фрэнк подумал: «Значит, вот каков этот Дровосек¹⁸, этот провинциальный адвокат. Что ж, в критический момент судьба избрала великого человека».

Еще много дней лицо Линкольна являлось его внутреннему взору, и во время войны его мысли часто обращались к этой необыкновенной фигуре. Казалось неоспоримым, что ему выпала удача увидеть одного из поистине великих людей. Дела войны и государственного управления были не для него, но он понимал, как важны порой бывают эти вещи.

¹⁷ Речь идет о первой инаугурационной речи Авраама Линкольна 4 марта 1861 г. На самом деле он сказал: «Мы друзья, а не враги. Мы не должны враждовать. Хотя страсти могут быть накаленными, они не разорвут узы взаимной привязанности».

¹⁸ «Дровосек» – прозвище Линкольна, который в юности зарабатывал колкой дров. Его друзья использовали это прозвище на плакате для предвыборной кампании.

Глава 11

Первая значительная финансовая возможность представилась Каупервуду во время войны, когда стало ясно, что боевые действия займут больше нескольких дней. Спрос на деньги в государстве, в городе и обществе в целом значительно вырос. В июле 1861 года конгресс утвердил заем в пятьдесят миллионов долларов, обеспеченный в течение двадцати лет облигациями с годовым доходом не более семи процентов, а штат утвердил заем на три миллиона долларов примерно с такими же процентами. Первый заем был размещен через финансистов в Бостоне, Нью-Йорке и Филадельфии, а второй – только среди филадельфийских банкиров. Каупервуд не принимал в этом участия, так как не обладал достаточными средствами. Он читал в газетах о собраниях людей, которых он знал лично или слышал о них, где «рассматривались способы помощи государству или штату», но он не входил в число этих людей. Однако его душа стремилась к этому. Он замечал, как часто одного поручительства богатого человека бывает достаточно для успеха. Ни денег, ни гарантийных обязательств, ни залога – одно лишь слово. Если ходили слухи, что за чем-то стоит «Дрексель и К^о», «Джей Кук и К^о» или «Гоулд и Фиск», то дело уже считалось надежным. Джей Кук, молодой человек из Филадельфии, совершил крупную ставку, взявшись за размещение филадельфийского займа вместе с «Дрексель и К^о» и продавая его по номиналу. Общее мнение сводилось к тому, что облигации можно будет продать лишь по девяносто центов за доллар, но Кук не поверил этому. Он считал, что гордость и патриотизм гарантируют предложение займа мелким банкам и отдельным гражданам и что сумма подписки может даже перекрыть обязательства по выпуску. Его ожидания с блеском оправдались, а общественная репутация укрепилась. Каупервуд, разумеется, хотел бы сделать такую же ставку, но был слишком практичен для беспокойства о чем-либо, кроме фактов и условий, поставленных перед ним.

Удачная возможность появилась примерно через полгода, когда выяснилось, что штат испытывает значительную потребность в деньгах. Нужно было выполнить обязательства по снаряжению и выплатить жалованье в войсках. Необходимо было предпринять меры для обороны и пополнения запасов казначейства. В конце концов Законодательное собрание штата утвердило выпуск нового займа на двадцать три миллиона долларов. Были предположения о тех, кто будет заниматься размещением облигаций, – «Дрексель и К^о» или «Джей Кук и К^о». О других не было и речи.

Каупервуд обдумал эту ситуацию. Если бы ему удалось разместить небольшую часть этого огромного займа – разумеется, не целиком, поскольку он не обладал необходимыми связями, – он бы значительно укрепил свою брокерскую репутацию и в то же время заработал приличные деньги. Вопрос заключался в том, какую сумму он мог взять на себя. Кто будет покупать облигации? Банк отца? Возможно. «Уотермен и К^о»? Вероятно, но немного. Судья Китчен? Совсем чуть-чуть. «Миллс-Дэвид Компани»? Да. Он думал о разных людях и учреждениях, которые по той или иной причине – личная дружба, хорошие отношения, благодарность за прошлые услуги – могут приобрести при его посредничестве часть семипроцентных облигаций. Затем он подытожил свои возможности и обнаружил, что после небольшой предварительной работы, скорее всего, может разместить миллион долларов, если личное влияние на местных политиков позволит выделить ему такую часть займа.

Наибольшие надежды он возлагал на Эдварда Мэлию Батлера, имевшего на первый взгляд незаметные, но влиятельные политические связи. Батлер был подрядчиком, принимал заказы на сооружение канализационных систем и водопроводных сетей, постройку фундаментов, укладку мостовых. Еще раньше, задолго до знакомства с Каупервудом, он по личной договоренности выполнял заказы на вывоз мусора. В то время в городе не было централизованной службы по уборке улиц, особенно на окраинах и в некоторых старых и бедных районах. Эдвард

Батлер, бедный молодой ирландец, начинал с бесплатного сбора и вывоза пищевых отходов, которые он скормливал своим свиньям и рогатому скоту. Впоследствии он обнаружил, что некоторые люди готовы платить небольшие деньги за эту услугу. Потом один мелкий политик, его друг и член городского совета (они оба были католиками), увидел новый смысл в его занятии. Батлер мог стать официальным сборщиком мусора. Городской совет мог проголосовать за ежегодный подряд на эту услугу. Таким образом, Батлер получал возможность использовать больше телег для вывоза мусора, чем раньше, – десятки, если не сотни. Более того, никто другой не получал разрешения на эту работу. Тогда в городе были и другие сборщики мусора, но официальный контракт, помимо всего прочего, давал ему право покончить со всеми конкурентами. Некоторая часть выручки от этого прибыльного бизнеса выделялась для смягчения оскорбленных чувств оказавшихся за бортом. Еще кое-какие средства выделялись в виде ссуды во время выборов для определенных деятелей и организаций, но это уже не имело значения. Суммы все равно были небольшими. Так Батлер и Патрик Гэвин Комиски (тот самый член городского совета) вступили в негласные деловые отношения. Батлер перестал возить телеги с мусором. Для этой цели он нанял Джимми Шинана, сообразительного ирландского паренька, который стал его помощником, распорядителем, главным конюхом и счетоводом. Вскоре он стал зарабатывать от четырех до пяти тысяч долларов в год, в то время как раньше не дотягивал и до двух тысяч. Он переселился в кирпичный дом на южной окраине города и отдал своих детей в школу. Миссис Батлер перестала варить мыло и кормить свиней, и с тех пор дела Эдварда Батлера продвигались чрезвычайно хорошо.

Сначала он не умел читать и писать, но потом, конечно, научился тому и другому. Благодаря сотрудничеству с мистером Комиски он узнал, что существуют другие контракты: на прокладку канализации, водопровода и газопровода, на укладку мостовых и прочее. Кто мог сделать это лучше, чем Эдвард Батлер? Он познакомился со многими членами городского совета, встречался с ними в задних комнатах или салунах, на политических пикниках по субботам и воскресеньям, на предвыборных совещаниях и конференциях. Будучи получателем городских льгот, он способствовал благополучию города не только деньгами, но и советами. Со временем у него развилось тонкое политическое чутье: он с первого взгляда мог распознать успешного или перспективного человека. Поэтому многие его счетоводы, табельщики и управляющие становились членами городского совета и Законодательного собрания штата. Кандидаты, которых он продвигал на политических собраниях, часто оправдывали ожидания. Сначала он приобрел влияние в районном совете, потом в избирательном округе и, наконец, в городских отделениях партии – разумеется, республиканской, – пока его не стали считать главой местной партийной организации.

Загадочные силы работали на него в городском совете. Он получал важные контракты и всегда принимал участие в торгах. Мусорный бизнес теперь был пережитком прошлого. Его старший сын Оуэн был членом Законодательного собрания штата и деловым партнером. Его второй сын Кэллам был клерком в городском департаменте водоснабжения и тоже помогал отцу. Его старшая дочь Эйлин, пятнадцати лет от роду, училась в католической школе Св. Агаты в Джермантауне. Его вторая дочь и младший ребенок в семье, тринадцатилетняя Норма, посещала частную школу при местной католической общине. Семья Батлеров переехала из южной части Филадельфии на Джирард-авеню поближе к центру города, где уже зарождалась довольно оживленная светская жизнь. Они не принимали в ней участия, но у Эдварда Батлера, которому теперь было пятьдесят пять лет и состояние около полумиллиона долларов, имелось много друзей в политических и финансовых кругах. Из «ирландского выскочки» он превратился в солидного мужчину: загорелый, широкоплечий, с мощной грудью, сероглазый и седовласый, с лицом типичного ирландца, жизненный опыт которого сделал его мудрым, спокойным и невозмутимым. Несуразно большие руки и ступни свидетельствовали о временах, когда он не носил костюмы из лучших английских тканей и обувь из хорошей кожи, но в его манерах

не было ничего мужицкого, скорее наоборот. Несмотря на акцент, его голос был приятным, негромким и убедительным.

Он был одним из первых, кто заинтересовался развитием трамвайной линии, и, как Каупервуд и многие другие, пришел к выводу, что это великое дело. Доказательством тому служила прибыль от купленных на бирже ценных бумаг. Ему приходилось вести дела с разными брокерами, так как он не успел принять участие в первоначальном формировании корпоративного капитала. Он намеревался приобрести как можно больше акций трамвайных компаний, но больше всего ему хотелось установить контроль над одной или двумя линиями. В связи с этим намерением он искал надежного, честного и способного молодого человека, который бы работал под его руководством и делал то, что ему говорят. Затем он узнал о Каупервуде и пригласил его к себе домой.

Каупервуд не замедлил принять приглашение, так как знал о Батлере, знал о его карьере, его связях и влиянии. Он явился в дом Батлера морозным, ясным февральским утром. Впоследствии он вспоминал, как выглядела улица: широкие тротуары, вымощенные кирпичом, проезжая часть со щебеночным покрытием, присыпанная легким снежком и обсаженная молодыми, чахлыми, голыми деревьями, фонарные столбы. Дом Батлера не был новым – он купил его и сделал ремонт, но представлял собой примечательный образец архитектуры того времени. Длинной в пятьдесят футов и высотой в четыре этажа, он был облицован серым гранитом, а к парадной двери вели четыре белокаменные ступени. Арочные окна с наличниками из такого же белого камня. За кружевными занавесками виднелась мебель с красной плюшевой обивкой, создававшая ощущение тепла на фоне холода и снега снаружи. Дверь открыла опрятная горничная-ирландка; он вручил ей визитную карточку и был приглашен войти.

– Мистер Батлер дома?

– Не уверена, сэр. Я спрошу; возможно, он вышел.

Спустя недолгое время его попросили подняться наверх, где он обнаружил Батлера в комнате, напоминавшей контору. Там был стол и стул, немного кожаной мебели и книжный шкаф, но обстановка не оставляла впечатления полноты или гармонии, как в гостиной или в рабочем кабинете. На стене висело несколько картин: на редкость унылый, темный пейзаж, писанный маслом, невыразительная сцена с розовой баржей и бурно-зеленой водой канала, а также неплохие дагерротипы друзей и родственников. Каупервуд обратил внимание на портреты двух девушек: одна с рыжевато-золотистыми, другая с каштановыми и, казалось, шелковистыми волосами. Красивый серебристый эффект дагерротипов был тонирован вручную. Это были красивые, пышущие здоровьем девушки с явно кельтской внешностью; они улыбались, склонив головки друг к другу, и смотрели прямо на зрителя. Он мимолетно восхитился ими и решил, что это, наверное, дочери Батлера.

– Мистер Каупервуд? – осведомился Батлер, тщательно выговаривая фамилию с особым ударением на гласных звуках. Он производил впечатление неторопливого, серьезного и спокойного человека. Каупервуд отметил, что он здоров и крепок телом, как старое дерево, кожа рук задубела от ветра и дождя. Кожа на лице была туго натянута – ни намек на мягкость или дряблость.

– Собственной персоной.

– Я собирался обсудить с вами кое-какие вопросы насчет акций (слово «акции» прозвучало как «акцизы») и решил, что лучше вы придете ко мне, чем посетить вашу контору. Здесь более непринужденная обстановка, и кроме того, я уже не так молод.

В его глазах промелькнул озорной огонек, и Каупервуд улыбнулся.

– Надеюсь, я смогу быть вам полезен, – искренне отозвался он.

– В настоящий момент меня интересуют акции некоторых трамвайных компаний, но к этому можно перейти позже. Не хотите чего-нибудь выпить? Сегодня холодное утро.

– Спасибо, но я никогда не пью.

– Никогда? Трудное решение, если речь идет о виски. Впрочем, не важно; это хорошее правило. Мои мальчики не прикасаются к спиртному, чему я только рад. Так вот, меня интересует покупка некоторых акций на бирже, но сказать по правде, я больше заинтересован в умном молодом человеке вроде вас, с которым я мог бы сработаться. Как известно, в нашем мире одно влечет за собой другое, – уклончиво произнес он, но с откровенным интересом взглянул на гостя.

– Именно так, – ответил Каупервуд, глядя дружелюбно.

– Ну так вот. – Батлер ненадолго задумался, отчасти всерьез, отчасти напоказ. – Есть кое-что, что сообразительный молодой человек мог бы сделать для меня на рынке, если бы имел такую склонность. У меня есть два собственных смысленных паренька, но я не хочу, чтобы они становились биржевыми игроками, а если бы и захотел, то не знаю, согласились бы они или смогли бы это сделать. Впрочем, речь не идет о биржевых играх. Я чрезвычайно занятой человек и, как уже говорил, не так легок на подъем, как в былые времена. Но если бы у меня был подходящий юноша, – кстати, не волнуйтесь, я заглянул в ваш послужной список, – он мог бы заняться кое-какими мелочами – займами, капиталовложениями, которые могли бы принести некоторую пользу каждому из нас. Иногда молодые люди обращаются ко мне за тем или иным советом; у них есть небольшой капитал для инвестиций, поэтому...

Он выдержал драматическую паузу и уставился в окно, прекрасно понимая, что Каупервуд весьма заинтересован и что разговоры о связях и политическом влиянии могут только подогреть его аппетит. Батлер хотел, чтобы он ясно понял, что в основе дела находится преданность – сочетание верности, тактичности, скрытности и деликатности.

– Ну что же, если вы видели мой послужной список... – произнес Каупервуд со своей мимолетной улыбкой и оставил фразу висеть в воздухе.

Батлер ощутил силу этого аргумента, как и личности, стоявшей за ним. Ему понравились выдержка и уравновешенность молодого человека. Многие люди уже говорили с ним о Каупервуде (теперь его компания называлась «Каупервуд и К^о», но она была абсолютно фиктивной). Батлер задал ему несколько вопросов о бирже, о состоянии рынка, о его мнении насчет линий конного трамвая. В конце концов он обрисовал свой план выкупа акций двух линий – Девятой-Десятой и Пятнадцатой-Шестнадцатой: по возможности не привлекать внимания. Выкуп нужно было производить постепенно, частично на бирже, частично у частных лиц. Он не сказал Каупервуду, что надеется оказать некоторое давление на законодателей для получения права на продолжение линий за пределы нынешних конечных остановок, чтобы со временем, когда возникнет потребность в расширении трамвайной сети, подрядчики обратились бы к нему или к его сыновьям, которые станут держателями крупных пакетов акций. Это был дальновидный план, который подразумевал, что в конце концов линии достанутся ему самому или его сыновьям.

– Мистер Батлер, я рад сотрудничать с вами в любом деле, какое вам будет угодно предложить, – заметил Каупервуд. – Не могу сказать, что сейчас я активно развиваю свой бизнес; в основном это планы и намерения. Но у меня есть хорошие связи и членство на биржах в Нью-Йорке и Филадельфии. Те, кто имел дело со мной, в целом остались довольны результатом.

– Мне кое-что известно о вашей работе, – благоразумно повторил Батлер.

– Замечательно, в таком случае, если у вас будет поручение, вы можете зайти в мою контору, написать мне, либо я сам приду к вам. Я дам вам свой тайный шифр, так что наша переписка останется строго конфиденциальной.

– Хорошо, не будем больше об этом. Через несколько дней у меня появится кое-что для вас. Когда это произойдет, вы сможете обратиться в мой банк за необходимой суммой.

Он встал и посмотрел на улицу; Каупервуд тоже поднялся.

– Прекрасный денек, не правда ли?

– Безусловно.

– Уверен, скоро мы ближе познакомимся друг с другом.

Он протянул руку.

– Надеюсь на это.

Батлер проводил Каупервуда до двери. Когда он ее распахнул, с улицы влетела юная голубоглазая девушка с раскрасневшимися щеками в алой пелерине с капюшоном, наброшенным на рыжевато-золотистые волосы.

– Ох, папа, я чуть не сшибла тебя с ног!

Она наградила отца, а заодно и Каупервуда широкой лучезарной улыбкой пунцово-красных губ, показав мелкие блестящие зубы.

– Ты рано вернулась. Кажется, ты говорила, что останешься до вечера?

– Я собиралась, но потом передумала.

Она прошла мимо, энергично размахивая руками.

– Ну вот, – продолжал Батлер, когда она ушла. – У нас остается еще день-другой. Всего хорошего.

– Всего доброго.

Каупервуд, согретый перспективой финансового благополучия, спустился с крыльца, но вдруг вспомнил мимолетное видение беззаботной юности, явившейся в образе румяной девушки. Что за живое, здоровое, энергичное существо! В ее голосе звучали звонкие нотки беззаботного подростка пятнадцати-шестнадцати лет. Счастливая находка для какого-нибудь молодого человека. Несомненно, отец сделает его богачом или посодействует его успеху.

Глава 12

Теперь, спустя полтора года, когда Каупервуд размышлял о влиянии, которое позволит ему заполучить часть военных облигаций штата Пенсильвания, он обратился к Эдварду Мэлии Батлеру. Может быть, Батлер захочет приобрести немного облигаций или поможет с их размещением. Он проникся большим доверием к Каупервуду и теперь значился в его учетных книгах как перспективный покупатель больших пакетов акций. Сам Каупервуд тоже привязался к этому большому невозмутимому ирландцу. Ему нравилась его история. Он познакомился с миссис Батлер, довольно полной, флегматичной ирландкой, которая жила в мире здравого смысла, не обращая внимания на показуху, и которой до сих пор нравилось ходить на кухню и руководить готовкой. Он познакомился с Оуэном и Кэлламом Батлерами и девушками Эйлин и Норой. Эйлин была та, что ворвалась в дом во время его первого визита к Батлеру.

На каминной решетке в импровизированной конторе Батлера уютно пылали дрова, когда Каупервуд пришел к нему. Приближалась весна, но вечера были прохладными. Батлер предложил Каупервуду одно из больших кожаных кресел перед камином и выслушал его доклад о намерениях.

– Не так-то это все просто, – заметил он в конце. – Вам об этом должно быть известно больше, чем мне. Я же не финансист, понимаете? – и он смущенно улыбнулся.

– Это вопрос влияния и протекции, – сказал Каупервуд. – «Дрексель и К^о» и «Кук и К^о» имеют связи в Гаррисберге¹⁹. На страже их интересов там стоят нужные люди – генеральный прокурор и казначей штата. Если я сделаю заявку и дам понять, что желаю разместить заем, это не поможет мне получить его. Другие уже пытались. Я должен иметь влиятельных друзей. Вы знаете, каково это.

– Такие вещи делаются достаточно просто, если знать, к кому нужно обратиться, – сказал Батлер. – Джимми Оливер, который должен кое-что знать об этом.

Джимми Оливер был предыдущим генеральным прокурором и по совместительству бескорыстным советником мистера Батлера. Весьма кстати он был еще и близким другом казначея штата.

– Какую часть займа вы хотите получить?

– Пять миллионов.

– Пять миллионов! – Батлер резко выпрямился. – Дружище, о чем вы толкуете? Это действительно большие деньги. Как вы собираетесь разместить их?

– Я собираюсь сделать заявку на пять миллионов, – мягко заверил Каупервуд. – На самом деле я хочу получить миллион, но мне нужен престиж, подтвержденный одобренной заявкой на пять миллионов. Это послужит моей репутации на бирже.

Батлер с некоторым облегчением опустил в кресле.

– Пять миллионов! Престиж! Но вам нужен миллион. Ладно, это другое дело и в общем-то недурная идея. Мы сможем получить такую сумму.

Он почесал подбородок и уставился на огонь в камине.

Когда в тот вечер Каупервуд выходил из дома, он был уверен в том, что Батлер не подведет его и приведет в движение необходимые шестеренки. Поэтому он не удивился (и точно понял, что происходит), когда через несколько дней его представили городскому казначею Джулиану Боду, который обещал познакомить его с казначеем штата Ван Нострандом и гарантировать, что его заявки будут приняты к рассмотрению.

– Разумеется, вы понимаете, каким влиянием обладает банковское сообщество, – обратился он к Каупервуду в присутствии Батлера, так как совещание происходило в его доме. –

¹⁹ Гаррисберг – административная столица штата Пенсильвания.

Вам известно, кто они такие. Они не желают постороннего вмешательства в этот заем. Я говорил с Томасом Рилайном, который представляет их интересы, – имелся в виду Гаррисберг, столица штата, – и он сказал, что это недопустимо. После получения займа у вас могут возникнуть неприятности в Филадельфии; как вы понимаете, у этих людей есть широкие возможности. Вы уверены, что знаете, где разместить облигации?

– Да, уверен, – ответил Каупервуд.

– Тогда, по-моему, лучше вообще ничего не говорить. Просто подайте заявку. Ван Ностранд утвердит ее с одобрения губернатора. Думаю, мы сможем уладить дела с губернатором. Вероятно, после утверждения они захотят лично побеседовать с вами, но это уже ваша забота.

Каупервуд улыбнулся своей непроницаемой улыбкой. В финансовом мире много тайных входов и выходов. Это была бесконечная сеть подземных ходов, по которым перемещались влиятельные лица. Немного проворства и сообразительности, немного удачи и благоприятных возможностей – иногда этого бывает достаточно. Так и он благодаря одному лишь стремлению двигаться дальше собирался наладить связи с казначеем и губернатором штата. Они лично рассмотрят его дело только потому, что он настойчиво добивался этого – не больше и не меньше. Другие люди, более влиятельные, чем он, имели точно такое же право на получение доли от займа, но они ее не получают. Хладнокровие, агрессивность и новые идеи – как много это значит, когда человеку улыбается удача!

Он ушел с мыслью о том, как удивятся в «Дрексель и К^о» и «Кук и К^о», когда увидят в нем конкурента. В своем доме, в маленькой комнате на втором этаже рядом со спальней, где Каупервуд устроил рабочий кабинет со столом, сейфом и кожаным стулом, он оценил свои ресурсы. Нужно было продумать еще много вещей. Он заново просмотрел список людей, с которыми он встречался и на которых мог рассчитывать во время подписки. Насколько он мог судить, размещение миллиона долларов было гарантировано. Он рассчитывал получить два процента от общей суммы сделки, или двадцать тысяч долларов. Если это случится, он собирался купить дом на Джирард-авеню за домом Батлеров, купить земельный участок и построить новый дом, даже если для этого понадобится заложить прежний дом и имущество. Его отец был преуспевающим человеком. Если отец захочет построить дом рядом, они заживут бок о бок. Его собственный бизнес, помимо текущей сделки, в этом году принес ему десять тысяч долларов. Его инвестиции в трамвайные линии, составлявшие пятьдесят тысяч долларов, приносили шесть процентов годовых. Собственность его жены: дом, правительственные облигации и кое-какая недвижимость в Западной Филадельфии – достигала сорока тысяч долларов. Они были богаты, но он собирался стать еще богаче. Сейчас нужно было лишь сохранять спокойствие. Если он добьется успеха с размещением займа, то сможет повторить эту операцию более масштабно. Будут и новые выпуски облигаций.

Через некоторое время он выключил свет и отправился в будуар своей жены, которая мирно спала. Дети и сиделка находились в соседней комнате.

– Ну вот, Лилиан, – сказал он, когда она проснулась и повернулась к нему, – думаю, я наконец организовал сделку с облигациями, о которой тебе рассказывал. Мне нужно будет разместить миллион долларов, а это значит, что мы получим двадцать тысяч. Если все пройдет удачно, мы построим дом на Джирардавеню. У этой улицы большое будущее, и колледж совсем рядом.

– Это будет замечательно, правда, Фрэнк? – Она погладила его руку, когда он уселся на краю кровати, но в ее голосе прозвучало легкое сомнение.

– Теперь нам надо быть внимательнее к Батлерам. Он был весьма обходителен со мной и может принести пользу в будущем, я это вижу. Он попросил меня когда-нибудь привести тебя с собой, и мы это сделаем. Будь мила с его женой. Если он захочет, то может многое сделать для меня. Кстати, у него есть две дочери, и нам придется пригласить их в гости.

– Мы пригласим их на обед, – с готовностью согласилась она. – А я заеду к ним и приглашу миссис Батлер покататься, если она захочет, или она покатает меня.

Она уже усвоила, что Батлеры – по крайней мере младшее поколение – склонны к показной роскоши, болезненно относятся к своему происхождению и что деньги, по их мнению, искупают все прочие недостатки.

– Батлер – очень респектабельный человек, – однажды сказал он ей. – Но миссис Батлер... В общем, она немного простодушна. Впрочем, она замечательная женщина, благожелательная и добросердечная.

Каупервуд также предупредил жену, чтобы она не забывала об Эйлин и Норе, потому что старшие Батлеры очень гордились своими дочерьми.

Миссис Каупервуд в то время было тридцать два года, а Каупервуду – двадцать семь. Роды и уход за двумя детьми несколько изменили ее внешность. Она во многом утратила прежнюю обаятельную мягкость. Ее щеки запали, а кожа на скулах туго натянулась, как у многих женщин на картинах Россетти и Берн-Джонса²⁰. Здоровье ее тоже было не таким прочным, как раньше; заботы о детях и хронический гастрит привели к заметному похуданию. Ее нервная система немного расстроилась, и она страдала от приступов депрессии. Каупервуд обратил на это внимание. Он старался быть деликатным и внимательным, его склад ума был достаточно практичным, чтобы понимать, что в будущем у него на руках окажется больная жена. Сочувствие и привязанность – великие вещи, но желание и обаяние должны выдерживать испытание временем, иначе человек с грустью осознает их утрату. Теперь Каупервуд часто замечал юных девушек, которые были вполне в его вкусе, были веселы и полны сил. Конечно, было разумно, желательно и практично придерживаться добродетелей, заложенных в общественной морали, но если у вас больная жена... Так или иначе, обязан ли мужчина иметь только одну жену? Обязан ли он вообще не смотреть на других женщин? А если ему кто-то придется по сердцу? В промежутках между трудами он размышлял над подобными вещами и пришел к выводу, что в этом нет ничего особенного. Если не быть разоблаченным, то все в порядке. Нужно соблюдать осторожность. Сегодня вечером, сидя на кровати рядом с женой, он снова задумался об этом, ибо недавно слышал, как Эйлин Батлер играла на пианино и пела, когда он проходил мимо гостиной. Она была похожа на яркую птицу, пышущую здоровьем и энтузиазмом, воплощенная юность.

«Как странно устроен мир», – подумал он. Но ни с кем не собирался делиться своими мыслями.

Вопрос о займе разрешился любопытным компромиссом. Хотя эта сделка принесла ему двадцать тысяч долларов, даже более того, и привлекла к нему внимание финансовых кругов Филадельфии и штата Пенсильвания, он не смог распорядиться подпиской на облигации так, как рассчитывал. Казначей штата встретился с ним в конторе одного знаменитого местного юриста, где он работал, когда приезжал в город. Как и следовало ожидать, он был очень любезен с Каупервудом. Он объяснил, как ведутся дела в Гаррисберге. Крупные финансисты изыскивали средства для подписной кампании. У них есть свои лоббисты в Законодательном собрании и сенате штата. Губернатор и казначей имели некоторую свободу действий, но им приходилось учитывать другие факторы: престиж, дружеские отношения, влияние в обществе, политические амбиции и так далее. Люди с большим капиталом могли формировать замкнутую корпорацию, что само по себе было несправедливо, но в конце концов именно они были законными поручителями для крупных денежных займов. Правительству штата приходилось поддерживать хорошие отношения с ними, особенно в столь беспокойные времена. Убедившись, что

²⁰ Габриэль Россетти (1828–1882) – поэт, переводчик, художник и иллюстратор; Эдвард Берн-Джонс (1833–1898) – художник, иллюстратор, создатель витражей. В разные периоды своего творчества Россетти и Берн-Джонс принимали участие в художественном движении прерафаэлитов.

мистер Каупервуд способен успешно разместить миллион долларов, который он надеялся получить, было бы вполне справедливо утвердить его заявку, но у мистера Ван Ностранда имелось встречное предложение. Согласится ли мистер Каупервуд в том случае, если его запрос будет утвержден, передать его на рассмотрение группе финансистов, которые сейчас занимаются размещением основной части займа, – за вознаграждение, равное тому, которое он ожидает получить? Таково желание некоторых людей. Противостоять им было бы опасно. Их абсолютно устраивает, чтобы он предъявил заявку на пять миллионов долларов и получил свой престиж; утверждение суммы в миллион долларов и престиж от этой сделки – тоже неплохой результат, но они хотят разместить двадцать три миллиона долларов одним лотом. Так будет лучше. Ему не нужно предавать огласке факт отзыва своей заявки. Они будут довольны той известностью, которая ему достанется за смелое предприятие. В то же время он может стать дурным примером, за которым последуют другие, если в узких кругах станет известно, что он был вынужден отказаться от заявки, тогда и другие воздержатся последовать ему. Кроме того, в случае отказа они могут доставить ему неприятности. Его ссуды будут предъявлены к оплате, банки будут менее дружелюбны к нему. Его доверители отвернутся от него.

Каупервуд понял суть предложения и согласился. Он поверг на колени стольких великих и могучих мира сего, и это кое-чего стоило. Итак, теперь они узнали о нем! Они увидели, на что он способен! Очень хорошо. Он возьмет деньги – двадцать тысяч долларов или около того – и отступит. Казначей был чрезвычайно доволен – для него это был выход из щекотливой ситуации.

– Очень рад познакомиться с вами, – сказал он. – Хорошо, что мы встретились. Я загляну к вам, когда в следующий раз буду в городе. Мы можем позавтракать и побеседовать.

По какой-то неясной причине казначей штата понимал, что мистер Каупервуд был человеком, который поможет ему заработать. Его взгляд был пронизательным, а выражение лица внимательным, но неопределенным. Казначей рассказал о нем губернатору и сослуживцам.

Итак, ставки были сделаны. После частных переговоров и встреч с сотрудниками «Дрексель и К^о» Каупервуд получил двадцать тысяч долларов и передал им свою долю. Теперь время от времени в его офисе появлялись новые лица, в том числе Ван Ностранд и Терренс Рилэйн, представлявший некие политические силы Гаррисберга. В один прекрасный день он был представлен губернатору за обедом. Его имя упоминалось в газетах, и его престиж рос на глазах.

Каупервуд немедленно приступил к планированию нового дома вместе с молодым Элсуортом. На этот раз он собирался построить что-то необычное, о чем сообщил Лилиан. Им предстояли светские приемы, гораздо более значительные, чем раньше. Норт-Фронт-стрит становилась слишком скучной. Каупервуд выставил дом на продажу, посоветовался с отцом и выяснил, что тот тоже хочет переехать на новое место. Благополучие сына способствовало кредитной благонадежности отца. Директора банка стали гораздо любезнее относиться к старику. В следующем году президент Кугель собирался отойти от дел. Благодаря финансовым успехам сына и своей долгой службе отец был главным кандидатом на эту должность. Фрэнк был крупным заемщиком в банке отца, но в то же время и крупным вкладчиком. Его связь с Эдвардом Батлером была хорошо известна и имела важное значение. Он направлял в отцовский банк некоторые счета, которые в противном случае не имели бы гарантии. Городской казначей интересовался этим вопросом точно так же, как и казначей штата. В качестве президента Каупервуд-старший должен был получать двадцать тысяч долларов в год, и в этом была немалая заслуга сына. Теперь обе семьи состояли в наилучших отношениях. Анна, которой исполнился двадцать один год, и Эдвард с Джозефом часто ночевали в доме Фрэнка. Лилиан почти ежедневно наносила визиты его матери. Там обменивались семейными сплетнями, и было решено, что они заживут рядом. Поэтому Каупервуд-старший купил земельный участок в пятьдесят футов рядом с тридцатипятифутовым участком сына, и они вместе приступили

к строительству двух красивых, просторных домов, которые планировали соединить крытой галереей или перголой, остекленной в зимнее время.

Для строительства был выбран зеленый гранит, самый популярный местный камень, и мистер Элсуорт пообещал обработать его самым приятным на вид образом. Каупервуд-старший решил, что может потратить семьдесят пять тысяч долларов (его состояние к тому времени достигало двухсот пятидесяти тысяч), а Фрэнк решил рискнуть суммой в пятьдесят тысяч долларов, убедившись, что может собрать деньги под закладную. В то же время он собирался перенести свою контору южнее по Третьей улице, в собственное здание. Он знал о предстоящих торгах старинного здания в двадцать пять футов длиной, фасад которого можно было отреставрировать темным песчаником для придания ему внушительного вида. Он представил себе великолепный дом с огромными стеклянными витринами, за которыми видна дубовая мебель, и надписью над дверью или сбоку от нее, выведенную бронзовыми буквами: «Каупервуд и К^о». Смутно, но уверенно, словно кудрявое облачко на горизонте, он предвидел свой будущий успех. Он будет богатым – очень, очень богатым.

Глава 13

Пока Каупервуд занимался строительством своего будущего, великая освободительная война неуклонно близилась к завершению. Настал октябрь 1864 года. Захват Мобила и «Битва в глуши»²¹ стали недавними воспоминаниями. Грант стоял перед Питерсбергом, а Роберт Ли, командовавший войсками Юга, совершал последнюю, блистательную, но безнадёжную демонстрацию своих военных и стратегических способностей. Иногда, к примеру, во время долгого и тоскливого периода, когда страна ожидала падения Висксберга, ибо армия Потوماка брала верх, когда Ли вторгся в Пенсильванию, ценные бумаги падали на бирже и условия для торговли в целом значительно ухудшались. В такие моменты вся коммерческая жилка Каупервуда напрягалась, и ему ежечасно приходилось следить, чтобы его состояние не было сокрушено неожиданными неприятными новостями.

Вместе с тем его личное отношение к войне, не считая патриотического настроя на сохранение союза, заключалось в том, что она была затратным и опустошительным мероприятием. Ему хватало проницательности и национальной гордости понимать, что союз северных и южных штатов, раскинувшийся на необъятных просторах от Атлантического до Тихого океана и от заснеженной Канады до Мексиканского залива, был оправдан и полезен. Рожденный в 1837 году, он был свидетелем развития и распространения нации (не считая Аляски) в тех границах, которыми она теперь обладала. В его ранней юности покупка Флориды у Испании расширила эти границы; после несправедливой войны 1848 года Мексика уступила Техас и территории к западу от него. Пограничные споры между Англией и США на далеком северо-западе в конце концов были разрешены. Факты эти имели большое значение для человека с широкими взглядами на финансовые проблемы общества, это давало ему понимание безграничных коммерческих возможностей, потенциально существовавших в такой огромной стране. Он не был финансовым авантюристом, которые во всем усматривают возможность для быстрой прибыли от любого неисследованного ручейка или уголка прерии, но само пространство страны подразумевало широкие перспективы, которые, как он надеялся, остаются неизведанными. Территория между двумя океанами, покрывавшая несколько климатических зон, обладала возможностями, которые она не сохранила бы в случае утраты южных штатов.

В то же время освобождение чернокожих не было для него важной проблемой. Он с детства наблюдал за представителями этой расы с большим интересом и отмечал достоинства и недостатки, которые ему казались врожденными и которые, как он полагал, определяют их жизнь.

К примеру, он был вовсе не уверен, что чернокожие заслуживают больше, чем имеют. В любом случае это потребует долгой борьбы, и вряд ли будущие поколения будут свидетелями ее завершения. Он не имел особых разногласий с теорией освобождения от рабства, но и не видел особой причины, почему южане не должны энергично протестовать против уничтожения их собственности и крушения общественной системы. Очень плохо, что с чернокожими рабами иногда обращались чрезмерно жестоко. Он полагал, что это положение нужно как-то исправить, но, помимо этого, он не видел прочной этической основы в притязаниях освободителей. Насколько он понимал, подавляющее большинство мужчин и женщин находились почти в таком же зависимом положении, хотя конституция была на их стороне. Это было духовное рабство слабых духом и телом. Он с интересом изучил высказывания таких людей, как Саммер, Гаррисон, Филипс и Бичер, и убедился, что эта проблема для него не важна. Он не испытывал желания стать солдатом или офицером и не обладал полемическим даром. По складу ума он

²¹ Битва в Глуши – сражение 5–7 мая 1864 г. между армией Союза под командованием Улисса Гранта и армией Конфедерации под командованием Роберта Ли во время Гражданской войны в США. Ее исход был в целом ничейным.

был не склонен к спорам и дискуссиям даже в финансовой области. Братоубийственная война никак не могла ему помочь. По его мнению, она серьезно замедлила коммерческое и финансовое развитие страны, и оставалось надеяться, что она скоро закончится. Он не принадлежал к тем, кто горько жаловался на непомерные военные налоги, хотя и знал, что они стали для многих тяжким испытанием. Некоторые истории о смертях и несчастьях глубоко трогали его, но они принадлежали к непостижимым прихотям судьбы и не могли быть исправлены с его участием. День за днем он шел своей дорогой, наблюдая за прибытием и отбытием войск. Он видел отряды грязных, растрепанных, изможденных и потерявших здоровье мужчин, возвращавшихся из госпиталей и с полей сражений, но он мог лишь пожалеть их. Война была не для него. Он не принимал в ней участия и был убежден, что обрадуется ее окончанию – не только как патриот, но и как финансист. Война была разрушительной, трагичной, никчемной.

Месяцы проходили один за другим. Прошли местные выборы, и появились новый мэр, новый городской казначей и налоговый инспектор, но влияние Эдварда Мэлии Батлера как будто оставалось прежним. Батлеры и Каупервуды стали дружить семьями. Миссис Батлер нравилась Лилиан, хотя они исповедовали разную веру. Они катались вместе в экипаже и ходили по магазинам, хотя Лилиан немного стыдилась старшей приятельницы из-за ее бедного словаря, ирландского акцента и плебейских вкусов, как будто сами Уиггины не были такими же плебеями. С другой стороны, она была вынуждена признать, что пожилая дама отличалась благодушием и добросердечностью. Она любила дарить подарки, так как была не стеснена в средствах, и осыпала ими Лилиан, детей и всех остальных. «Вы должны приехать и отобедать с нами», – говорила она, поскольку Батлеры наконец завели привычку поздних обедов, или: «Завтра вы должны обязательно прокатиться со мной».

Еще она говорила: «Эйлин, благослови ее Бог, такая чудная девушка» или «Наша милая Нора сегодня что-то занемогла».

Но Эйлин с ее апломбом, задорным нравом, тщеславием и стремлением привлекать к себе внимание раздражала и иногда возмущала миссис Каупервуд. Ей исполнилось восемнадцать лет, и ее фигура была неуловимо соблазнительной. Ее манера держаться была ребячливой, а иногда вульгарной, и, несмотря на воспитание в монастырской школе, она имела склонность преступать правила. Но в ее голубых глазах проглядывала деликатность, трогательная и человеческая.

Женская школа Св. Агаты в Джермантауне и церковь Св. Тимофея были выбраны ее родителями, желавшими, чтобы она получила хорошее католическое образование. Эйлин многое узнала о догматах и особенностях католического ритуала, но все равно не понимала их. Церковь с высокими, тускло поблескивавшими окнами и большим белым алтарем, по обе стороны которого стояли статуи св. Иосифа и Девы Марии в синих одеяниях с золотыми звездами, нимбами над головами и скипетрами в руках, производила на нее глубокое впечатление. Как и в любой католической церкви, там царила атмосфера утешительного покоя. Во время торжественной мессы на алтаре горело не менее полусотни свечей; священники и служки в богатых одеждах с кружевной отделкой выглядели величественно, а искусно расшитые и переливавшиеся яркими цветами ризы и палии, покровы и орари захватывали ее воображение и приковывали взор. Можно сказать, что в глубине ее существа всегда присутствовало ощущение величия, любовь к ярким краскам и «любовь к любви». С ранних лет она чувствовала себя женщиной. Она не испытывала тяги к педантичности или достоверности знания; это редко бывает свойственно людям с врожденной чувственностью. Такая чувственность купается в солнечном свете и ярких красках, упивается красотой и величием и не идет дальше этого. Педантичность не может быть обязательным качеством, если не считать людей с собственническими наклонностями, у которых она проявляется как желание обладать предметами и другими людьми. Подлинная чувственность недоступна активным и педантичным натурам.

Необходимо пояснить эти утверждения, поскольку они относятся к Эйлин. Было бы несправедливо говорить, что в то время она была определенно чувственной девушкой. Ее чувственность была еще недоразвитой, ведь любому урожаю необходимо время для созревания. Исповедальня, погруженная в сумрак по вечерам в пятницу и субботу, когда церковь была освещена лишь несколькими лампадами, а священник шептал о покаянии, епитимьях и отпущении грехов через узкую решетку, доставляла ей смутное удовольствие. Она не боялась своих грехов. Ад, описываемый в цветистых выражениях, тоже не пугал ее. Видения посмертных мук не имели власти над ее совестью. Пожилые мужчины и женщины, ковьялявшие в церковь и склонявшиеся в молитве, бормочущие над четками, интересовали ее точно так же, как панель с деревянными барельефами, изображавшими крестный путь Христа. Ей нравилось исповедоваться, особенно в возрасте от четырнадцати до пятнадцати лет, и слушать голос священника, увещевавшего ее: «Ну, ну, мое дорогое дитя...» Один пожилой священник, французский падре, приходивший в школу выслушивать исповеди, нравился ей своей добротой и учтивостью. Его отпущение грехов и благословение казались более искренними, чем ее молитвы, которые она произносила, не вникая в суть. Потом был отец Дэвид, молодой священник из церкви Св. Тимофея, – крепкий и румяный, с кудрявыми черными волосами надо лбом и щегольской манерой носить шляпу, проходивший между скамьями по воскресеньям и окроплявший паству святой водой широкими, уверенными взмахами руки, поражавшими ее воображение. Он тоже выслушивал исповеди, и время от времени ей нравилось шептать ему свои странные мысли и гадать, что он на самом деле думает об этом. Как ни пыталась, она не могла воспринимать его как духовное лицо. Он был слишком молод, слишком похож на мирянина. Было нечто едва ли не злонамеренное, провокационное в том, с каким восторгом она рассказывала ему о себе, а потом уходила с наигранно-скромным и покаянным видом.

В школе Св. Агаты ее считали довольно трудной воспитанницей. Благочестивые сестры быстро убедились, что она была слишком энергична и жизнерадостна, чтобы без усилий добиться ее послушного поведения.

– Эта мисс Батлер – очень бойкая девочка, и если ты не будешь особенно тактичной, она может доставить массу неприятностей, – однажды заметила настоятельница сестра Констанция, обращаясь к сестре Семпронии, наставнице Эйлин. – Можно задабривать ее маленькими уступками; так будет легче поладить с ней.

Поэтому сестра Семпрония старалась выяснить, чем больше всего интересуется Эйлин, чтобы ее задабривать. Это оказалось нелегко, Эйлин прекрасно понимала высокое положение своего отца и тщеславно гордилась своим превосходством. Время от времени она желала поехать домой; или она хотела, чтобы ей разрешили носить четки старшей сестры с большими бусинами и подвеской в виде креста из черного дерева с серебряным Христом, а это считалось большой привилегией. Эти и другие вознаграждения, такие как прогулки по субботам, разрешение приносить цветы, носить нарядные платья и украшения, разрешались ей за тихое поведение на уроках, тихий голос и походку – насколько это было в ее силах, за обещание не прокрадываться в комнаты других девушек после того, как гасили свет, не выказывать нежных чувств к той или иной доброжелательной сестре-наставнице. Ей нравились музыка и занятия живописью, хотя она не имела таланта; книги и романы интересовали ее, но она не могла достать их. Всем остальным: грамматикой, правописанием, шитьем, церковной и общей историей – она занималась с большой неохотой. Хорошие манеры... да, в этом что-то было. Ей нравились довольно вычурные реверансы, которым ее научили, и она часто думала, как будет пользоваться этим умением, когда вернется домой.

Когда она вернулась к городской жизни, нюансы образа жизни состоятельных людей не ускользнули от ее внимания, и она искренне желала, чтобы ее отец построил хороший дом – настоящий особняк, какие она видела у других, и ввел ее в светское общество. Не добившись в этом успеха, она могла думать лишь о новых нарядах и украшениях, скаковых лошадях и

экипажах и о соответствующей перемене нарядов для этой цели. Ее семья не могла устраивать достойные приемы, поэтому уже с восемнадцати лет она страдала от уязвленного самолюбия. Она жаждала новой жизни, но как она могла этого добиться?

Ее комната являла собой образец слабостей пылливой и честолюбивой натуры. Она была полна нарядов и всевозможных красивых вещей – украшений, которые она почти не имела возможности носить на людях, туфель, чулок, кружев и нижнего белья. Эйлин все знала о духах и косметике (хотя вовсе не нуждалась в ней), и это имелось у нее в изобилии. Она не была аккуратной, любила показную роскошь, поэтому ее занавески, драпировки, картины и безделушки отличались пышностью, плохо сочетавшейся с убранством всего дома.

Эйлин всегда напоминала Каупервуду гарцующую лошадку без поводьев. Он встречался с ней в разное время, делая покупки с ее матерью или катаясь в экипаже с ее отцом. Его неизменно привлекал и забавлял нарочито-утомленный тон, к которому она прибегала в его присутствии, – «Боже мой! Знаете ли, жизнь так скучна!» – хотя на самом деле она упивалась каждым мгновением бытия, жизнерадостная, романтическая, исполненная мыслей о любви и ее возможностях. Когда он смотрел на нее, то испытывал чувство, будто видит лучшее, чего может достигнуть природа, когда пытается создать физическое совершенство. Его посещала мысль, что какой-нибудь везучий юный прохвост скоро может жениться на ней и увезти ее прочь. Но кто бы ни заполучил ее, он должен был удерживать ее нежностью, тонкой лестью и вниманием, если вообще хотел, чтобы она оставалась с ним.

– Это маленькое ничтожество (она вовсе не была такой) считает, будто солнце всходит и заходит в кармане ее отца, – однажды обратилась Лилиан к своему мужу. – Послушать ее, так Батлеры происходят от королей Ирландии! Ее деланный интерес к музыке и живописи просто смешон.

– О, не будь слишком строга к ней, – дипломатично отозвался Каупервуд, Эйлин уже очень нравилась ему. – Она прекрасно играет на пианино, и у нее хороший голос.

– Верно, но у нее нет настоящей утонченности. Да и откуда? Только посмотри на ее родителей.

– Не вижу в этом ничего особенного, – настаивал Каупервуд. – Она смышленная девушка и хороша собой. Разумеется, она еще ребенок и немного тщеславна, но это пройдет. Она не лишена воли и здравого смысла.

Насколько он понимал, Эйлин весьма дружелюбно относилась к нему. Он нравился ей. Она завела привычку петь и играть на пианино, когда он приходил в гости, и пела только в его присутствии. В его ровной, уверенной походке, коренастой фигуре и гордо посаженной голове было нечто привлекательное для нее. Несмотря на тщеславие и эгоизм, она иногда испытывала робость в его обществе. Когда он был рядом, она как будто становилась веселее и задорнее.

Вероятно, самой тщетной вещью на свете является точное определение человеческого характера. Все люди сотканы из противоречий, а наиболее способные из них тем более.

В случае Эйлин Батлер было совершенно невозможно дать точное определение. Она несомненно обладала умом в грубом и первозданном смысле, силой воли, до некоторой степени усмирённой общественной моралью и условностями, но иногда прорывавшейся наружу самым непосредственным и откровенным образом. В то время ей было всего лишь восемнадцать лет, но она выглядела привлекательной для мужчин с темпераментом Фрэнка Каупервуда. Она воплощала то, чего он раньше не знал и к чему испытывал бессознательное стремление. Живость и бодрость духа. Ни одна другая женщина или девушка из его знакомых не обладала такой внутренней силой. Ее рыжевато-золотистые волосы – не столько рыжие, сколько золотистые с рыжкой, – поднимались надо лбом тяжелыми волнами и спадали узлом на шею. У нее был красивый нос, не чувственный, но прямой с маленькими ноздрями, и большие лучезарные глаза. Для него они имели приятный голубовато-серый или серо-голубой оттенок в зависимости от нарядов, которые в соответствии с ее темпераментом намекали на

непозволительную роскошь в виде ножных браслетов, серег и нагрудных украшений одалиски. Разумеется, все это было только в его воображении. Годы спустя она призналась ему, что хотела красить ногти и покрывать ладони красной хной. Здоровая и сильная, она неизменно интересовалась мужчинами, – тем, что они думают о ней, и сравнивала себя с другими женщинами.

То обстоятельство, что она могла ездить в экипаже, жить в красивом доме на Джирард-авеню и навещать Каупервудов и других важных людей, имело огромное значение для нее. Однако даже в этом возрасте она понимала, что жизнь гораздо интереснее – многие не имели всего этого и продолжали жить.

Но осознание своего богатства и преимущества над другими продолжало владеть ее мыслями. Сидела ли она за пианино, каталась ли в экипаже, гуляла или стояла перед зеркалом, она ощущала свою статность и привлекательность и сознавала, что это значит для мужчин и почему женщины завидуют ей. Иногда она видела бедных девушек с впалой грудью или неказистой внешностью и проникалась сочувствием к ним; в других случаях в ней вспыхивала необъяснимая враждебность к какой-нибудь прелестной девушке или женщине, которая осмеливалась затмить ее своей внешностью или положением в обществе. На Честнат-стрит были такие девушки из богатых семей, которые, будь то в дорогих магазинах, верхом или в коляске, демонстративно вскидывали голову и всем своим видом показывали, что они выше всех остальных и хорошо знают это. Когда такое случалось, они с вызовом смотрели друг на друга. Ей всегда хотелось подняться на высшую ступень общества, однако жеманные аристократы из старинных семей вовсе не привлекали ее. Ей был нужен мужчина. Время от времени попадался «кто-то похожий», но не вполне «тот самый», кто казался ей привлекательным, но большей частью это были политики или законодатели, знакомые ее отца, а не люди из светского круга, так что они утомляли и разочаровывали ее. Ее отец не имел связей с настоящей элитой общества. Но миссис Каупервуд выглядела утонченной, сдержанной и властной. Эйлин часто посматривала на миссис Каупервуд и думала о том, как ей повезло.

Глава 14

Успех «Каупервуда и К^о» после достопамятной сделки с облигациями в конце концов привел Каупервуда к знакомству с человеком, который впоследствии сыграл большую роль в его жизни – в моральном, финансовом и во многих других отношениях. Это был новый городской казначей Джордж У. Стинер, который был марионеткой в руках других людей, но, несмотря на этот факт, стал значительной персоной именно из-за своей слабости. До своего избрания Стинер занимался недвижимостью и мелким страховым бизнесом. Он был одним из тех людей, которых немало в каждом большом городе, – без широкого кругозора, без особой проницательности, не обладавшим практическими навыками или заметными талантами. Из уст Стинера не было высказано ни одной оригинальной идеи или мысли. Однако он был неплохим малым. Он выглядел тяжеловесным, неопределенным и каким-то безликим, что имело отношение скорее к складу ума, чем к физическому облику. Его глаза имели неопределенный голубовато-серый оттенок, волосы были светло-каштановыми и довольно жидкими. Он был довольно высоким, около шести футов, с умеренно широкими плечами, но его трудно было назвать статным. Он немного сутулился, живот слегка нависал над поясом, он говорил сплошные банальности: цитаты из газет, уличные и деловые сплетни. Соседи неплохо относились к нему. Его считали честным и вежливым; он и был таковым. Его жена и четверо детей были такими же посредственными, как это обычно бывает.

Тем не менее и несмотря на это – или с политической точки зрения благодаря этому, – к Джорджу У. Стинеру было приковано общественное внимание, чему способствовали политические методы, практиковавшиеся в Филадельфии на протяжении последних пятидесяти лет. Во-первых, он придерживался взглядов ведущей политической партии; он был известен членам городского совета и избирательного округа как верный сторонник, полезный при сборе голосов. Во-вторых, хотя он был совершенно бесполезен в качестве оратора из-за отсутствия идей, его можно было посылать от двери к двери, чтобы разузнать у бакалейщиков, мясников и кузнецов, что они думают о текущем положении вещей. Он без труда завязывал знакомства и в итоге довольно точно предсказывал результаты голосования. Республиканская партия, которая в то время только еще зарождалась, но уже занимала лидирующие позиции в Филадельфии, нуждалась в голосах избирателей. Было необходимо вытеснить бесчестных демократов, хотя он едва бы мог объяснить почему. Они выступали за рабство и свободу торговли. Ему не приходило в голову, что эти вещи не имеют никакого отношения к исполнительной власти и финансовой администрации Филадельфии. Предположим, демократы бы не делали этого, и что с того?

В то время в Филадельфии находился сенатор США, который вместе с Эдвардом Мэлией Батлером и Генри Э. Молинауэром, угольным воротилой и инвестором, распоряжался дальнейшей судьбой города. Они имели представителей, подручных, шпионов и всевозможные инструменты влияния. К числу последних принадлежал тот самый Стинер – крошечный винтик в безмолвном механизме их бизнеса.

Практически в любом городе, кроме этого, где население в целом весьма посредственно, такой человек, как Джордж Стинер, не мог быть избран городским казначеем. За редким исключением рядовые граждане мало интересовались политикой. За это отвечали члены узкого круга. Определенные посты доставались определенным людям из определенных фракций за определенные услуги. Кто же не знает, что такое политика?

В свое время Джордж У. Стинер стал *persona grata* для Эдварда Стробика, бывшего члена городского совета, который впоследствии стал главой избирательного округа, а потом президентом городского совета, а в частной жизни был агентом по продаже каменной облицовки и владельцем кирпичного завода. Стробик был ставленником Генри Э. Молинауэра, самого

жесткого и хладнокровного из трех политических лидеров. Последний имел личные интересы в решениях городского совета, и Стробик был его орудием. Он способствовал избранию Стинера, а поскольку голосование прошло как по маслу, Стинеру сообщили, что впоследствии его сделают помощником заведующего дорожным управлением.

Здесь он попался на глаза Эдварду Мэлии Батлеру и оказал ему кое-какие услуги. Потом центральный политический комитет во главе с Батлером принял решение, что приятный во всех отношениях, гибкий и абсолютно преданный человек подходит на должность городского казначея, и Стинера включили в бюллетень для голосования. Он плохо разбирался в финансах, но был превосходным бухгалтером; кроме того, разве корпоративный советник Риган, еще один политический инструмент этого великого триумвирата, не будет давать ему полезные советы при любом удобном случае? Все было очень просто. Попадание в бюллетень было равносильно избранию, поэтому через несколько недель изматывающих общественных слушаний, где он мямлил благодушные декларации о необходимости честного городского управления, его ввели в новую должность.

На самом деле административная и финансовая квалификация Джорджа У. Стинера не имела особого значения, но в то время Филадельфия страдала от неустойчивой финансовой системы, вернее, от ее отсутствия; налоговый инспектор и казначей имели право собирать и хранить городские деньги вне казначейского хранилища при полном отсутствии требования размещать эти суммы для пользы городского дохода. Вместо этого от них ожидалось, что они будут сохранять или возмещать основной капитал при каждом вступлении в должность и уходе в отставку. Не существовало правила или общественного требования сохранять налоговые отчисления либо средства, поступающие из других источников, в сейфах городского казначейства, где они находились бы в неприкосновенности. Эти деньги можно было давать займы, размещать в банках или использовать в личных интересах избранных людей при условии, что основной капитал подлежал возврату, и никто не задавал лишних вопросов. Разумеется, такая финансовая схема публично не одобрялась, но о ней знали в политических, журналистских и банковских кругах. Как можно было с этим покончить?

Сблизившись с Эдвардом Мэлией Батлером, Каупервуд, сам того не сознавая, погрузился в атмосферу этих хаотичных и нечистоплотных спекуляций. Семь лет назад, уйдя со службы в «Тай и К^о», он решил, что больше не будет иметь отношения к биржевой игре, но теперь вернулся с еще большим азартом, чем раньше. Теперь он работал на себя, на фирму «Каупервуд и К^о», и стремился удовлетворить запросы новых могущественных людей, в круг которых постепенно входил. У всех имелись кое-какие деньги. Все они обладали конфиденциальной информацией и хотели, чтобы он продавал определенные пакеты акций с выгодой для них, поскольку он был хорошо известен местным политикам и считался надежным человеком. Он и был таким. С другой стороны, до настоящего времени он не был биржевым спекулянтом или своекорыстным игроком. В сущности, он часто утешался мыслью, что за все эти годы он никогда не играл на бирже для себя и действовал только в чужих интересах. Но теперь появился Джордж У. Стинер с предложением, которое не вполне совпадало с понятием биржевой игры, но, по сути дела, являлось им.

Здесь следует напомнить, что задолго до начала Гражданской войны и в военные годы в Филадельфии при недостатке средств в казначействе существовал обычай выпускать так называемые городские залоговые обязательства, которые были не чем иным, как долговыми векселями под шесть процентов годовых с выплатой через тридцать дней, три месяца, а иногда и полгода; все зависело от объема необходимых средств и от мнения казначея, через какое время в казне будет достаточно средств для погашения залоговых обязательств. С мелкими торговцами и крупными подрядчиками часто расплачивались таким образом. К примеру, мелкий торговец, который продавал запасы для городских учреждений, был вынужден предъявлять эти векселя в банке, если он нуждался в наличных деньгах, обычно по девяносто центов

за доллар. С другой стороны, крупный подрядчик имел достаточно оборотных средств, чтобы подождать до конца срока. Легко понять, что это было невыгодно для мелких дилеров и торговцев, но прекрасно устраивало крупных подрядчиков или вексельных брокеров, ибо город через некоторое время гарантированно платил по своим залоговым обязательствам – а шесть процентов были выгодной ставкой – с учетом абсолютной надежности. Банкир или брокер, выкупавший такие векселя у мелких торговцев по девяносто центов за доллар, мог рассчитывать на отличную сделку; ему оставалось лишь подождать.

По всей вероятности, сначала у городского казначея не было намерения причинять кому-либо вред, и возможно, в городской казне действительно не хватало средств. Однако впоследствии не было уже никаких оправданий для выпуска залоговых обязательств, поскольку городское управление без труда могло быть гораздо более экономным. Но как можно представить, эти векселя стали прекрасным источником прибыли для банкиров, вексельных брокеров, крупных финансовых и партийных дельцов, поэтому они оставались частью налоговой политики города.

В этой схеме был лишь один недостаток. Для того чтобы извлечь выгоду, крупный банкир и держатель векселей должен был принадлежать к узкому кругу, близкому к властям Филадельфии. В противном случае, если он нуждался в деньгах и предъявлял свои залоговые обязательства городскому казначею, он обнаруживал, что не может получить наличные средства. Но если он передавал их банкиру или вексельному брокеру, близкому к влиятельным политикам, то все сразу же менялось. Казначейство находило средства для выплаты. Или же по желанию «правильного» банкира те векселя, которые следовало предъявить к оплате через три месяца, пролонгировались на долгие годы с сохранением процентного дохода, даже если у города было достаточно средств для выкупа. Разумеется, это подразумевало незаконное извлечение прибыли за счет городской казны, но никто не беспокоился по этому поводу. Отговорка «у города нет средств» прекрасно работала. Обычные горожане не подозревали об этом и не могли знать правду. Газетчики закрывали глаза, так как защищали интересы тех или иных политиков. В городе не было заинтересованных реформаторов, обладавших каким-либо политическим весом. Во время войны объем просроченных залоговых обязательств достигал двух миллионов долларов, и, разумеется, по ним выплачивалось шесть процентов годовых, но ситуация начала приобретать скандальный характер. Кроме того, у некоторых инвесторов появилось желание вернуть вложенные деньги.

Для очистки этой просроченной задолженности и наведения внешнего порядка было решено, что город выпустит заем, скажем, на два миллиона долларов – точная сумма не имеет значения. Этот заем будет оформлен в виде процентных сертификатов с номиналом сто долларов, подлежащих оплате через шесть, двенадцать или восемнадцать месяцев. Затем эти сертификаты будут выпущены в открытую продажу. Для их погашения будет создан амортизационный фонд, а полученные деньги будут использованы для оплаты давно просроченных залоговых обязательств, которые стали источником нежелательных слухов.

Ясно, что это был тот случай, когда нужно было отнять у одного, чтобы отдать другому. На самом деле не было и речи о погашении просроченного долга. Прожектеры собирались обеспечить финансовым политикам все тот же старый урожай, продавая сертификаты «нужным людям» по девяносто центов за доллар или того меньше под предлогом отсутствия спроса из-за плохого состояния городских финансов. В определенной степени так оно и было. Война только что закончилась, и спрос на деньги был высоким. Инвесторы могли получать больше шести процентов годовых на других сделках, если бы заем не продавался с дисконтом. Но нашлось несколько бдительных политиков, не связанных с городской администрацией, а также газетчиков и независимых финансистов, которые воззвали к еще не угасшему патриотизму и настояли на том, чтобы заем был выкуплен по номиналу. Поэтому пришлось внести соответствующий пункт в муниципальный указ, утверждавший выпуск ценных бумаг.

Нетрудно понять, что это разрушило хитроумную схему выкупа долга под девяносто процентов от номинала. Поскольку существовало общее желание увязать средства от выкупа сертификатов со старыми заемными обязательствами, которые теперь не подлежали погашению из-за отсутствия средств в городской казне, оставалось лишь одно средство: найти брокера, знакомого с тонкостями фондового рынка, который смог бы разместить новый городской заем на бирже и преподнести дело таким образом, будто сертификаты стоили не менее ста долларов, чтобы продать их аутсайдерам за эти деньги. Впоследствии, несомненно, они упадут в цене, так что люди узкого круга смогут купить столько, сколько пожелают, и в конце концов потребовать у городской казны погашения по номинальной стоимости.

Джордж У. Стинер, к тому времени вступивший в должность городского казначея и не имевший особых знаний в области финансов, был не на шутку встревожен. Генри Э. Молинауэр – один из владельцев крупного пакета старых городских векселей, который теперь хотел вернуть свои деньги для инвестиций в золотые прииски на Западе, – нанес визит Стинеру и мэру города. Они с Симпсоном и Батлером составляли «большую тройку».

– Полагаю, пора что-то сделать с просроченными заемными обязательствами, – сказал он. – У меня их довольно много, но есть и другие. Мы долго помогали городу своим молчанием, но теперь пора перейти к делу. Мистер Симпсон и мистер Батлер придерживаются того же мнения. Можно ли зарегистрировать на фондовой бирже новые сертификаты и собрать нужную сумму? Какой-нибудь хитроумный брокер мог бы довести их до номинала.

Стинер был глубоко польщен визитом Молинауэра. Тот редко утруждал себя личными посещениями, и то лишь ради впечатляющего эффекта. Он посетил мэра и председателя городского совета, но обращался с ними так же, как со Стинером, – свысока и с непреложной настоятельностью. Для него они были конторскими клерками.

Для того чтобы понять истинную причину интереса Молинауэра к городскому казначею, значение его визита и последующих действий Стинера, необходимо обозреть политический горизонт в некоторой ретроспективе. Хотя Джордж У. Стинер в некотором роде был политическим ставленником и назначенцем Молинауэра, последний имел лишь отдаленное знакомство с ним. Он видел его раньше и знал о нем; он согласился на его продвижение, поскольку люди из ближайшего окружения заверили его, что Стинер был послушным и вменяемым, что он не причинит никаких неприятностей, и так далее. При нескольких предыдущих администрациях Молинауэр фактически поддерживал негласные связи с казначейством, но не так, чтобы это можно было легко проследить. Он был слишком заметной фигурой в политическом и финансовом отношении и не мог позволить себе такой риск. Но у него был план, поддерживаемый Симпсоном (но не Батлером), по использованию политических и коммерческих «подсадных уток» для максимального выкачивания денег из городской казны без угрозы скандала. В сущности, за несколько лет до описываемых событий в дело уже вступили разные посредники: президент городского совета Эдвард Стробик, тогдашний кандидат на пост мэра Эйза Конклин, члены городской администрации Томас Уайкрофт и Джейкоб Хэрмон, не считая других. Они учреждали подставные фирмы для поставок необходимых для города материалов: камня, древесины, железа, цемента (это был длинный список), – и разумеется, организаторы этих компаний неизменно получали хорошую прибыль. Это избавляло городские власти от необходимости искать честных и недорогих поставщиков.

Поскольку деятельность как минимум трех из этих подставных компаний имеет отношение к продолжению истории Фрэнка Каупервуда, здесь можно вкратце описать их руководителей. Эдвард Стробик – главный из них и наиболее полезный для Молинауэра – был очень бойким человеком лет тридцати пяти, сухопарый и довольно напористый, с черными глазами, темными волосами и несообразно большими черными усами. Он был щеголем, любившим одеваться броско: носил полосатые брюки, белый жилет в сочетании с черной визиткой и высокий, обтянутый шелком цилиндр. Его узорчатые туфли всегда были начищены до блеска,

а безупречная внешность заслужила ему прозвище Пижон среди некоторых коллег. В своей посредственности он был весьма способным человеком, и многие уважали его.

Его ближайшие коллеги Томас Уайкрофт и Джейкоб Хэрмон были гораздо менее привлекательными и не такими яркими. Джейкоб Хэрмон был тугодумом в повседневном общении, но неплохо разбирался в финансах. Он был крупный, довольно унылый на вид, со светло-каштановыми волосами и карими глазами. Он был весьма сообразителен и готов поддержать любое предприятие, если оно не было абсолютно мошенническим и достаточно безопасным, чтобы не попасть в руки закона. С другой стороны, он не отличался изобретательностью и легко попадал под чужое влияние.

Томас Уайкрофт, последний член этого мелкого триумвирата, был высокий, поджарый, с костлявым лицом. Он имел довольно жалкий вид, но за изможденной внешностью скрывалась немалая проницательность. По профессии он был литейщиком и попал в мир политики во многом так же, как и Стинер: потому что оказался полезным. Ему удалось сколотить некоторое состояние с помощью своих поделщиков, предводителем которых был Стробик, и он участвовал в нескольких своеобразных предприятиях, о которых мы сейчас расскажем.

Компании, образованные этими политическими ставленниками при предыдущих администрациях и специально для Молинауэра, торговали мясом, стройматериалами, фонарными столбами, щебнем для дорожных работ и многим другим, в чем нуждался город. Утвержденный городской контракт не может быть аннулирован, но с некоторыми членами городского совета нужно было договариваться заранее, а для этого требовались деньги. Компании, организованные подобным образом, не занимались забоем скота или изготовлением уличных фонарей. Нужно было лишь иметь торговый патент и подряд на поставки городскому совету (этим и занимались Стробик, Хэрмон и Уайкрофт), а потом договориться с субподрядчиком, который на самом деле занимался разделкой мяса или изготовлением фонарей, и получать прибыль, которая затем делилась между ними или направлялась Молинауэру и Симпсону в виде пожертвований для разных клубов и организаций. Стинер или любой, кто занимал должность городского казначея, ссужал деньги под низкий процент в качестве гарантии надлежащего исполнения контракта и в некоторых случаях способствовал мяснику или чугунолитейщику в выполнении его обязательств. За эти услуги он брал не только один или два процента от суммы сделки, которые отправлялись в его карман (так делали другие казначеи), но и получал долю от прибыли. В качестве старшего делопроизводителя ему рекомендовали услужливого и абсолютно надежного молодого человека. Стинера не заботило, что Стробик, Хэрмон и Уайкрофт, действовавшие в интересах Молинауэра, могли использовать часть заемных денег для достижения целей, весьма отличавшихся от указанных в документах. Его делом было оформить ссуду.

Вернемся к нашему повествованию. Через некоторое время после назначения Стинер узнал от Стробика, который был одним из его поручителей при вступлении в должность (что противоречило закону, как и поручительство членов совета Уайкрофта и Хэрмона, ибо законодательство Пенсильвании гласило, что одно должностное лицо не может выступать поручителем для другого), что люди, посадившие его на эту должность и способствовавшие его избранию, ни в коем случае не предлагают ему выходить за рамки закона, но он должен проявить уважение и не противостоять муниципальным интересам, то есть не кусать руку, которая его кормит. Ему также дали понять, что, когда он обживется на новой работе, ему будут переплатить кое-какие деньги. Как уже упоминалось, раньше он был бедным человеком. Он видел, как люди из его окружения, которые так или иначе занимались политикой, становились весьма благополучными в материальном отношении, в то время как он тщетно изнурял себя, работая страховщиком и агентом по продаже недвижимости. Он упорно трудился в роли мелкого политического назначенца. Другие политики возводили себе роскошные дома в новых районах города. Они ездили в Нью-Йорк, Гаррисберг или Вашингтон на увеселительные вечеринки. В

летний сезон их видели за беззаботными разговорами в придорожных закусочных и загородных гостиницах вместе с женами или любовницами, а он пока что не принадлежал к этому счастливому обществу. Естественно, теперь, когда ему что-то пообещали, он стал покладистым и заинтересованным человеком. Почему бы и нет?

Когда дело дошло до визита Молинауэра и его предложения о необходимости довести сертификаты городского займа до номинала, хотя это не имело прямого отношения к негласной связи бизнесмена со Стинером через Стробика и остальных, казначей моментально осознал свое подчиненное положение (для этого было достаточно услышать властный голос хозяина) и сразу же после этого поспешил к обратиться к Стробика.

– Как бы вы поступили в таком случае? – спросил он у Стробика, который заранее знал о визите Молинауэра и ждал, когда Стинер явится к нему. – Мистер Молинауэр говорит, что этот новый заем нужно разместить на бирже и довести его до номинала, чтобы сертификаты продавались по сто долларов.

Ни Стробик, ни его соратники не знали, каким образом сертификаты городского займа, которые открыто торговались по девяносто центов, можно продавать на бирже по номиналу. Но секретарь Молинауэра, некий Эбнер Сенгстэк, упомянул в беседе со Стробиком, что поскольку Батлер ведет дела с молодым Каупервудом, а Молинауэру в данном случае безразлично, кто будет представлять его интересы на бирже, то вполне можно обратиться к Каупервуду.

Так и вышло, что Каупервуда пригласили в офис мистера Стинера. Оказавшись там и узнав о рекомендации Молинауэра или Симпсона пригласить его и лишь посмотрев без интереса или сочувствия на этого неуклюжего представителя среднего класса с вялыми щечками, он сразу же понял, что ему придется иметь дело с несведущим в финансовых делах человеком. Если бы он только мог стать единственным советником его на четыре года!

– Как поживаете, мистер Стинер? – поинтересовался он тихим, вкрадчивым голосом, когда казначей протянул руку. – Рад знакомству с вами. Разумеется, я слышан о вас.

Стинер пустился в долгое и путаное объяснение своих трудностей. Его речь была сбивчивой, он запинаясь, продираясь через описание затруднительного положения, в котором оказался.

– Насколько я понимаю, главное, сделать так, чтобы эти сертификаты продавались по номиналу. Я могу размещать их лотами любого размера и так часто, как вам будет угодно. Мне нужно получить достаточно средств, чтобы погасить двести тысяч долларов просроченной задолженности по заемным обязательствам города, плюс еще столько, сколько мне удастся продать впоследствии.

Каупервуд ощущал себя врачом, щупающим пульс пациента, который на самом деле вовсе не был болен, но заверение в его благополучном состоянии могло принести крупный гонорар. Тонкости биржевой торговли были для него открытой книгой. Он понимал, что если ему удастся заполучить на руки весь заем, если он сможет скрыть тот факт, что действует в интересах города, и если Стинер позволит ему покупать сертификаты с позиции «быка» для амортизационного фонда, в то же время продавая благоразумными порциями при повышении курса, то он сможет сотворить чудеса даже с большим объемом ценных бумаг. Но он должен был получить все, так как это давало ему возможность нанимать посредников, выполняющих его указания. В его мозгу созрела схема, благодаря которой он мог создать у массы опрометчивых спекулянтов впечатление о биржевой нехватке определенных акций или долговых обязательств. Разумеется, при этом они будут считать, что эти ценные бумаги находятся на руках у разных мелких держателей и что при желании они могут купить столько, сколько захотят. А потом они очнутся и обнаружат, что не могут ничего получить, так как все находится у него. Но сейчас он не рискнет выдавать этот секрет. Нет, только не сейчас. Он доведет бумаги городского займа до номинала, а потом продаст их. Что за жирный куш для себя и для других! Он

благоразумно предполагал, что здесь замешана политика и за спиной Стинера стоят гораздо более хитроумные и могущественные люди. И что с того? Только подумать, как ловко и проныцательно они навели Стинера на мысли о нем! Возможно, его имя становится влиятельным в их политических кругах. Это сулило большие перспективы.

– Я скажу вам, что собираюсь предпринять, мистер Стинер, – сказал он, когда выслушал объяснения казначея и получил вопрос, какой объем городского займа он предполагает продать в наступающем году. – Буду рад взяться за это дело, но мне нужен день-другой, чтобы все обдумать.

– Разумеется, мистер Каупервуд, разумеется! – радушно отозвался Стинер. – Все в порядке, не торопитесь. Если вы знаете, как это можно сделать, просто скажите мне, когда будете готовы. Кстати, сколько вы берете за свои услуги?

– На фондовой бирже есть официальная шкала расценок, которой обязаны следовать брокеры. Это четверть процента от номинальной стоимости облигаций и долговых обязательств. Разумеется, мне придется организовать массу фиктивных продаж – это я объясню позднее, но это обойдется бесплатно в том случае, если дело останется между нами. Я сделаю лучшее, что в моих силах, мистер Стинер; можете полагаться на это. Однако мне нужен еще день-другой, чтобы все как следует обдумать.

Он обменялся рукопожатием со Стинером, и они расстались. Каупервуд был доволен, что ему предстоит важная финансовая операция, а Стинер радовался, что нашел человека, на которого он мог опереться.

Глава 15

План, разработанный Каупервудом после нескольких дней размышлений, был достаточно простым для того, кто сколько-нибудь разбирается в коммерческих и финансовых манипуляциях, но оставался мрачной тайной для непосвященных умов. В первую очередь городской казначей должен был воспользоваться его, Каупервуда, конторой как депозитным банком. Стинеру предстояло физически передать ему либо предоставить по кредиту, утвержденному по его указанию в городской бухгалтерской отчетности, определенное количество заемных обязательств. Сначала предполагалось выделить сертификаты на двести тысяч долларов, поскольку эту сумму нужно было собрать поскорее. Потом Каупервуд зайдет на рынок и посмотрит, что можно сделать, чтобы довести стоимость этих бумаг до номинала. Далее казначей испросит у фондовой биржи разрешение включить сертификаты в реестр ценных бумаг. Каупервуд воспользуется своим влиянием, чтобы ходатайство было удовлетворено в кратчайшие сроки. Затем Стинер разместит через него (и только через него) все сертификаты городского займа. Он даст Каупервуду разрешение на покупку в пользу амортизационного фонда (предположительно) такого количества сертификатов, какое понадобится для доведения их цены до номинала. Для достижения этой цели, когда значительное количество сертификатов разойдется на публичных торгах, будет необходимо выкупать их. Однако потом их можно будет снова продать. Правило, связанное с продажей только по номиналу, в данном случае можно обойти, то есть фиктивные и предварительные продажи не будут приниматься в расчет до достижения номинала.

Как указал Каупервуд в разговоре со Стинером, здесь было одно тонкое преимущество. Поскольку в конечном счете стоимость сертификатов предполагалось довести до номинала, не было возражений, чтобы Стинер или любой другой человек покупал их задешево по начальному курсу и придерживал до повышения котировки. Каупервуд с удовольствием будет проводить его сделки на любое количество сертификатов через свою бухгалтерию и рассчитываться в конце каждого месяца. Казначее не понадобится самостоятельно покупать ценные бумаги. Сделки с его участием будут проводиться с разумной маржей, скажем, десять пунктов. Можно сказать, деньги уже лежат в кармане у Стинера. Кроме того, покупки для амортизационного фонда можно будет совершать по очень низкой цене, так как, имея на руках основной и резервный выпуск сертификатов, Каупервуд мог выбрасывать на рынок требуемое количество в такие моменты, когда собирался покупать, и таким образом ослаблять рынок. Тогда он начнет покупать, и цена пойдет вверх. Имея возможность ослаблять или укреплять рынок по своему усмотрению, он не видел препятствий, чтобы городская администрация довела свои долговые обязательства до номинальной стоимости, и в то же время заработать хорошие деньги на искусственных колебаниях курса. Каупервуд будет рад получить большую часть своей прибыли именно таким образом. Городские власти должны перечислить ему обычный процент за все фактические сделки с сертификатами по номинальной стоимости (это необходимо во избежание недоразумений с биржевым комитетом). Что касается остального, в том числе спекулятивных продаж, которые понадобятся в большом количестве, он будет полагаться на свое знание фондового рынка для компенсации расходов. А если Стинер захочет спекулировать вместе с ним, что же, добро пожаловать.

Хотя эта схема может показаться туманной для непосвященных, знающие люди сочтут ее вполне понятной. Биржевые манипуляции всегда успешно работали, если один человек или одна группа людей могла контролировать котировки. Это не отличалось от того, что впоследствии было проделано с акциями страховой компании «Эри», «Стандард Ойл», с ценными бумагами производителей меди, сахара, пшеницы и многого другого. Каупервуд был одним из первых и самых молодых финансистов, который сообразил, как это можно сделать. Когда он

впервые побеседовал со Стинером, ему было двадцать восемь лет. Когда он последний раз вел дела с этим человеком, ему было тридцать четыре года.

Постройка домов Каупервудов и отделка фасада банковской конторы «Каупервуд и К^о» шли полным ходом. Фасад был отделан во флорентийском стиле со стрельчатыми окнами и дверью из кованого железа между стройными резными колоннами и поперечной балкой из бурого песчаника. На центральной панели была вычеканена тонкая, изящная рука с пылающим факелом. Элсуорт сообщил ему, что в старинной Венеции такую руку изображали над дверями меняльных лавок, но значение символа было давно позабыто.

Интерьер был отделан полированным дубом с имитацией серого лишайника, поражающего старые деревья. В проходах использовались большие граненые стекла, расположенные в направлении естественного движения взгляда. Крепления для газовых светильников были выполнены в древнеримском стиле, а конторский сейф стоял на возвышении, украшая заднюю часть комнаты. Он был покрыт серебристо-серым лаком с надписью «Каупервуд и К^о», выведенной золотом. Здесь все выказывало сдержанность и тонкий вкус, но вместе с тем и богатство, солидность и надежность. Когда Каупервуд увидел результат работы, он от души поблагодарил Элсуорта.

– Мне нравится. Это действительно прекрасно, и я с удовольствием буду работать здесь. Если наши дома окажутся примерно такими же, это будет идеально.

– Подождите, пока не увидите их, мистер Каупервуд, и я уверен, что вы останетесь довольны. Я особенно потрудился над вашим домом. С домом вашего отца все было гораздо проще, но у вас... – Он пустился в описание прихожей, приемной и гостиной, которые он украшал и обставлял таким образом, чтобы создать впечатление воздуха и благородства без ущерба для жилого пространства.

После завершения отделочных работ дома выглядели эффектно и приковывали внимание, так как заметно отличались от традиционных построек на той же улице. Их разделял газон шириной в двадцать футов. Архитектор кое-что позаимствовал из традиций тюдоровской эпохи, но не стал вдаваться в детали, что впоследствии было характерно для стиля многих особняков в Филадельфии и других местах. Самыми выразительными элементами были заглубленные дверные проемы под широкими арками с легким цветочным орнаментом, а также три эркерных окна необычной формы – одно на втором этаже дома Фрэнка и еще два на фасаде дома его отца. Над домами возвышались щипцы шести коньковых крыш: два у Фрэнка и четыре у его отца. Каждый фасад на первом этаже имел нишу с окном в выступе наружной стены. Окно было защищено миниатюрной балюстрадой и выходило на улицу. Там можно было высаживать выющиеся растения и цветы в горшках, что и было сделано впоследствии, и даже разместить несколько стульев, выставляемых через застекленные створчатые двери.

На первом этаже каждого дома размещались зимние сады, а во дворе, предназначенном для совместного использования, стоял белый мраморный бассейн восьми футов в диаметре с мраморным Купидоном в центре, над которым играли водные струи. Двор был обнесен высокой складчатой стеной из серо-зеленого кирпича, специально обожженного под цвет гранитных фасадов, с карнизом из белого мрамора, а мраморная крошка бордюра придавала газонной траве гладкий и бархатистый вид. Как и было предусмотрено, оба дома соединялись невысокой галереей с зелеными колоннами, которую в зимнее время можно было прикрыть стеклянной крышей.

Декору и меблировке комнат в стиле разных исторических эпох придавалось важное значение, так как это расширяло и укрепляло представление Фрэнка Каупервуда об искусстве в целом. Для человека, склонного к художественному и интеллектуальному развитию, было приятно и поучительно слушать объяснения Элсуорта о стилях и типах архитектуры и мебели, о видах используемой древесины и декоративных рисунков, о качестве и особенностях портьер, драпировок, отделке панелей и дверных покрытий. Элсуорт изучал не только архитектуру, но и

декоративное искусство; его интересовали художественные вкусы американцев, которые, по его мнению, в будущем должны были достигнуть особой изысканности. Ему безумно надоел преобладавший в то время обобщенный романский стиль поместья и загородной виллы. Настало время для чего-то нового. Он смутно представлял, что это будет, но дома, которые он построил для Каупервуда и его отца, по крайней мере, были оригинальными и в то же время имели строгий, сдержанный и приятный вид. Они отличались от других архитектурных сооружений на улице. Столовая, приемная, зимний сад и буфетная располагались на первом этаже, наряду с вестибюлем и гардеробной под лестницей. Второй этаж был отведен под библиотеку, общую гостиную, комнату отдыха, небольшой кабинет Каупервуда и будуар Лилиан, соединенный с ванной и туалетной комнатой.

На третьем этаже, аккуратно спланированном, снабженные ваннами и туалетами находились детская, помещения для слуг и несколько комнат для гостей.

Элсуорт показал альбомы с рисунками интерьеров, мебели, драпировочных тканей, комодов, подиумов и роялей изысканной формы. Он обсуждал с Каупервудом выбор древесины – палисандр, красное дерево, орех, английский дуб, серебристый клен, а также декор вроде позолоты, инкрустации и булевского стиля. Насчет последнего было сказано о сложности изготовления и определенной непригодности для местного климата: бронзовые и черепашковые инкрустации деформируются от жары или сырости, а мебель трескается или коробится. Он рассказал о достоинствах и недостатках разной отделки и в конце концов рекомендовал мебель с позолотой для приемной, гобеленовые панно для комнаты отдыха, стиль французского Возрождения для столовой и библиотеки, а также серебристый клен (либо с голубой пропиткой, либо натурального цвета) и орех с изящной резьбой для других комнат. Портьеры, ковры и обои должны были тонко гармонировать с окружающей обстановкой. В комнате отдыха предполагалось поставить рояль и музыкальную шкатулку, а горки, тумбочки и шкафы в гостиной можно было инкрустировать или оформить в булевском стиле, если Фрэнк согласится пойти на дополнительные расходы.

Элсуорт посоветовал установить рояль треугольной формы, поскольку квадратные формы скучны для знатоков. Каупервуд зачарованно слушал. Он уже видел свой дом: уютный, внушительный, приятный для взора. Если он повесит картины, то в широких позолоченных рамках; библиотеку можно превратить в картинную галерею, а большую гостиную, расположенную между библиотекой и комнатой отдыха на втором этаже, можно объединить с библиотекой. В конце концов так и случилось, но лишь после того, как его эстетический вкус значительно улучшился.

Теперь он стал живо интересоваться произведениями искусства – картинами, бронзой, резными украшениями и статуэтками для своих шкафов, тумбочек, столиков и горок. Филадельфия мало что могла предложить в этом отношении, во всяком случае в свободной продаже. Коллекции во многих частных домах пополнялись за счет путешествий, но связи Каупервуда с лучшими семьями города были еще незначительны. Он имел работы двух знаменитых американских скульпторов того времени, Пауэрса и Харриэт Хосмер²², но Элсуорт сообщил ему, что это не последнее слово в скульптуре, и посоветовал обратить внимание на достижения старинных мастеров. В конце концов он приобрел голову Давида работы Торвальдсена²³, которая восхищала его, а также пейзажи Ханта, Салли и Харта²⁴, до некоторой степени отражавшие дух Нового Света.

²² Хирам Пауэрс (1805–1873) – американский скульптор, работавший в стиле неоклассицизма; Харриэт Хосмер (1830–1908) – американская женщина-скульптор, одна из самых известных в XIX в.

²³ Бертиль Торвальдсен (1770–1844) – датский художник и скульптор, представитель классицизма.

²⁴ Уильям Харт (1823–1894) – американский художник, пейзажист и портретист; Уильям Хант (1827–1910) – английский художник, один из основателей художественного движения прерафаэлитов.

Влияние дома на характер его владельца безошибочно и неопровержимо. Мы считаем, что наша личность ставит нас выше домов и других материальных объектов, но существует тонкая связь, благодаря которой дом становится отражением нашей личности, и наоборот. Дом и человек наделяют друг друга достоинством, силой и изяществом, и любая красота (или уродство) передается от одного к другому, как нить на снующем челноке ткацкого станка. Обрежьте эту нить, отделите человека от того, что по праву принадлежит ему и характеризует его индивидуальность, и вы получите жалкую фигуру, похожую на паука без паутины, которая не обретет прежней целостности, пока ее достижения и привилегии не будут восстановлены.

Наблюдая за строительством своего дома, Каупервуд преисполнился ощущения собственной значимости; обладание им вдруг позволило осознать, что связь с городским казначеем была широко распахнутой дверью, открывавшей путь к Елисейским Полям новых возможностей. В те дни он разъезжал по городу в экипаже, запряженном парой горячих гнедых коней, чьи лоснящиеся крупы и начищенная упряжь свидетельствовали об усердной заботе конюха и кучера. Элсуорт строил удобную конюшню в переулке за домами, которой могли пользоваться обе семьи. Фрэнк сказал миссис Каупервуд, что собирается купить ей «викторию» – открытый четырехколесный экипаж на низких рессорах²⁵, как только они устроятся в новом доме, и добавил, что им предстоит чаще выезжать в свет. Он говорил о важности светского общения, так как ему понадобится завязать знакомство с определенными людьми, которые до сих пор не входили в круг его общения. Вместе с сестрой Анной и братьями Джозефом и Эдвардом они могут устраивать приемы в обоих своих домах. Это поможет Анне составить блестящую партию. Джо и Эд тоже могут выгодно жениться, раз уж им не суждено преуспеть на ниве коммерции. По крайней мере, не вредно попытаться.

– Как думаешь, им это понравится? – спросил он у жены, имея в виду свои планы светской жизни.

– Полагаю, что да, – со слабой улыбкой ответила она.

²⁵ Фаэтон типа «виктория» обычно был оборудован откидной крышей.

Глава 16

Вскоре после достижения договоренности между казначеем Стинером и Каупервудом был приведен в действие механизм этой финансово-политической сделки. По указанию Стинера в книгах городского учета было отражено перечисление двухсот десяти тысяч долларов в виде шестипроцентных сертификатов с десятилетним сроком погашения на кредитный счет фирмы «Каупервуд и К^о». После включения этих бумаг в торговый реестр фондовой биржи Каупервуд начал предлагать их небольшими партиями по цене более девяноста центов, при этом создавая впечатление, что это будет многообещающей инвестицией. Сертификаты постепенно росли в цене и продавались в растущих объемах, пока цена покупки не сравнялась с номиналом, и две тысячи сертификатов на общую сумму двести тысяч долларов не были распроданы мелкими лотами. Стинер был доволен. Еще двести сертификатов было продано по номиналу в его интересах, что принесло ему две тысячи долларов. Это была незаконная и аморальная прибыль, но она совершенно не обременяла его совесть. Перед ним маячило видение безмятежного будущего.

Трудно объяснить с абсолютной ясностью, какая изощренная и значительная власть неожиданно оказалась в руках Каупервуда. В то время ему было немногим менее двадцати девяти лет. Представьте, что вы по натуре искусны в финансовых делах и способны играть с большими суммами в виде акций, сертификатов, векселей и наличных денег точно так же, как обычный человек играет в шашки или в шахматы. Или, еще лучше, представьте себя одним из тех великих и прославленных шахматистов прошлого, которые могли сидеть спиной к соперникам и играть на четырнадцать досках одновременно, поочередно называя ходы и запоминая позиции фигур на каждой доске, и при этом неизменно выигрывать. Конечно, это будет переоценкой мастерства Каупервуда в то время, но такая мощь не выходила за рамки его возможностей. Он интуитивно знал, что можно сделать с конкретной суммой денег; в виде наличных их можно было разместить на одном депозите, но в виде кредита и в качестве основы для игровой стратегии их можно было одновременно разместить в разных местах. При надлежащей бдительности и следовании инструкциям такая схема наделяла его покупательной способностью, в десять-двенадцать раз превышавшей возможности первоначальной суммы. Он инстинктивно знал принципы «пирамидальных» продаж с обратным выкупом и проведения фиктивных сделок. Он прекрасно понимал не только возможности повышения и понижения цены сертификатов городского займа день за днем и год за годом, – если ему удастся сохранить отношения с казначеем, – но и каким образом это откроет такой банковский кредит, о котором он до сих пор не смел и мечтать. Отцовский банк был одним из первых, кто выгодно воспользовался положением и расширил его кредит. Увидев его успехи в этом направлении, местные политики и их боссы, в том числе Молинауэр, Батлер и Симпсон, тоже занялись спекуляциями с городским займом. Его репутация как человека, благополучно разрешившего сложную ситуацию, стала известна Симпсону и Молинауэру. Считалось, что Стинер сделал умный ход, когда обратился к нему. Согласно биржевому правилу, все операции заверялись в течение одного дня и подлежали исполнению до конца следующего торгового дня, но соглашение с новым городским казначеем предоставляло Каупервуду большую свободу действий. Он отчитывался по всем сделкам, связанным с залоговыми сертификатами, в первый день каждого месяца, поэтому иногда имел в распоряжении до тридцати дней для совершения необходимых операций.

Более того, это даже не было отчетностью в смысле перевода средств со своего кредитного счета. Поскольку выпуск был очень крупным, в его распоряжении всегда находились значительные суммы, а так называемые трансферы и балансы в конце месяца были лишь цифрами в бухгалтерских книгах. Он мог пользоваться сертификатами городского займа, размещен-

ными на его счете как подручным материалом: например, размещать их в любом банке как гарантию для получения займа (словно они принадлежали ему) и таким образом получать семьдесят процентов от их номинальной цены наличными деньгами, и он не замедлил это сделать. Он брал деньги, за которые не нужно было отчитываться до конца месяца, и оплачивать другие биржевые операции, прибыль от которых шла на новые займы. Теперь он обладал почти безграничными ресурсами, не считая своей энергии и изобретательности, а также времени, в которых он был вынужден действовать. Политиканы не сознавали, какую золотую жилу он разрабатывал для самого себя, так как не догадывались о гибкости его ума. Когда Стинер – после предварительного обсуждения с мэром, Стробиком и другими людьми – сообщил Каупервуду, что в течение года он официально может распоряжаться всеми бумагами городского займа на два миллиона долларов, тот промолчал, но внутренне ликовал и поздравлял себя с успехом. Два миллиона, с которыми он может играть! Его призвали на помощь как финансового советника, и он дал совет, который был принят! Прекрасно. Каупервуд не был человеком, который по натуре был бы озабочен соображениями совести. В то же время он до сих пор считал себя честным в финансовом отношении. Он был не более хитроумным или дальновидным, чем любой другой финансист, если бы такой нашелся.

Здесь следует отметить, что предложение Стинера по поводу городского займа никак не было связано с позицией местных политических лидеров относительно управления городской трамвайной системой, которая представляла собой новый и многообещающий этап развития городской инфраструктуры. Многие ведущие финансисты и политиканы проявляли интерес к конным трамваям. В частности, Молинауэр, Батлер и Симпсон интересовались трамвайными линиями независимо друг от друга. Между ними не было взаимопонимания по этому вопросу. Если бы они устроили совещание, то пришли бы к выводу, что не нуждаются в каком-либо постороннем участии. По сути дела, в то время трамвайный бизнес в Филадельфии был недостаточно развит для создания союза; это случилось позже. Однако в связи с новой договоренностью между Стинером и Каупервудом Стробик через некоторое время обратился к Стинеру со своей идеей. Эта идея с помощью Каупервуда сулила деньги всем, но особенно для него самого и Стинера. Речь шла о том, чтобы Каупервуд, выступая в качестве тайного представителя Стробика и Каупервуда – или, скорее, одного Стинера, так как Стробик не хотел «засветиться» в таком деле, – выкупил достаточное количество акций одной трамвайной линии для получения контроля над ней. Потом Стробик благодаря собственным усилиям заставит городской совет выделить определенные улицы для продолжения линии, и они станут ее совместными владельцами. Правда, впоследствии он предложил Каупервуду вытеснить Стинера из доли. Но кто-то должен был проделать предварительную работу, и этим человеком вполне мог быть Стинер. В то же время, насколько он понимал, дело нужно было провернуть с большой осторожностью, поскольку его боссы не теряли бдительности, и если они обнаружат, что он занимается подобными вещами ради собственной выгоды, то преградят ему путь к достижению политического поста, где он мог бы открыто заниматься такими же махинациями. Любая сторонняя организация, такая как уже существовавшая трамвайная компания, имела право обратиться в городской совет за разрешением продлить трамвайную линию, и при прочих равных условиях этот запрос не мог быть отклонен. Но такая организация, разумеется, не могла одновременно выступать в роли акционера и президента городского совета. С другой стороны, посредничество Каупервуда в интересах Стинера – совсем другое дело.

Самое интересное в предложении, наконец представленном Каупервуду городским казначеем с легкой руки Стробика, заключалось в том, что оно косвенно затрагивало общую позицию Фрэнка по отношению к администрации города. Хотя он мог заключать сделки с той же целью от лица Эдварда Батлера и в качестве его посредника и никогда не встречался с Симпсоном или Молинауэром, он догадывался, что в манипуляциях городским займом он представляет интересы крупного бизнеса. С другой стороны, в частном вопросе о сделке с акциями

трамвайных компаний от лица городского казначея, судя по поведению Стинера, он с самого начала понимал, что в этом есть что-то предосудительное, не получившее одобрения наверху.

– Каупервуд, – сказал Стинер в то утро, когда он впервые огласил свое предложение в своем кабинете в старой городской ратуше на пересечении Шестой улицы и Честнат-стрит – Стинер в предвкушении скорого богатства и процветания держался очень благодушно, – скажите, можно ли человеку с достаточными средствами выкупить трамвайную линию для частного управления?

Каупервуд знал о существовании такой собственности. Его чрезвычайно сметливый ум уже давно понимал широкие возможности этого предприятия. Омнибусы постепенно исчезали с улиц. Лучшие маршруты были уже зарезервированы. Однако оставались другие улицы, и город увеличивался в размерах. Приток населения обещал прибыльный бизнес в будущем. Можно было заплатить практически любую цену за уже построенные короткие линии, если есть возможность подождать и продолжить их в более крупные и процветающие районы. Он уже замыслил теорию бесконечной цепи или приемлемой формулы, как это было названо впоследствии: приобретение собственности с долговременной рассрочкой, выпуск акций и векселей не только для покупки, но и для компенсации расходов, не говоря уже о прибыли для других инвестиций, к примеру в совместную собственность под залог новых ценных бумаг, и так далее до бесконечности. Впоследствии это стало общим местом, но тогда было радикальным новшеством, и он ни с кем не делился своими соображениями. Тем не менее он был рад, что Стинер завел речь об этом, так как уличные трамваи были его увлечением, и он был убежден, что станет блестящим управляющим, если получит возможность контролировать этот общественный транспорт.

– В принципе да, Джордж, – уклончиво ответил он. – Есть два-три предложения с хорошими шансами, если вложить достаточно денег. Время от времени на бирже выставляют крупные пакеты акций. Думаю, будет благоразумно выкупать их и наблюдать за поведением других акционеров. Предложение от «Грин энд Коутс» выглядит перспективным. Будь у меня триста-четыреста тысяч долларов, я бы постепенно вкладывался бы в это дело. Для контроля над трамвайной линией необходимо иметь лишь процентов тридцать акций. Сейчас большинство их разбросано по мелким владельцам, которые никогда не будут голосовать, и полагаю, что двухсот-трехсот тысяч долларов будет достаточно для получения контрольного пакета.

Он упомянул, что и другая линия со временем может быть приобретена сходным образом. Стинер поскреб затылок.

– Это очень большие деньги, – задумчиво произнес он. – Думаю, мы поговорим об этом позднее.

И он незамедлительно обратился к Стробику.

Каупервуд понимал, что у Стинера не было «двухсот-трехсот тысяч долларов» на инвестиции. У него был единственный способ достать такие деньги: взять их из городской казны, поступившись процентами. Но он не мог этого сделать по собственной инициативе. За его спиной должен был стоять кто-то еще – и кто это мог быть, кроме Молинауэра, Симпсона или даже Батлера (хотя он в этом сомневался, как и в тайном сговоре членов триумvirата)? Но что с того? Крупные политики всегда залезают в казну, а Фрэнк сейчас думал только о собственном интересе к этим деньгам. Если замыслы Стинера окажутся успешными, он не видел в этом вреда для себя, как и причины для неудачи. Даже если дело не выгорит, он все равно будет лишь посредником. Кроме того, он усматривал возможность установить контроль над некоторыми трамвайными линиями, если правильно распорядиться деньгами, полученными от Стинера.

Одна линия конки, которая проходила в нескольких кварталах от его нового дома, особенно интересовала Каупервуда. Она называлась «линией Семнадцатой и Деятнадцатой улиц». Иногда он пользовался ею, если задерживался или не хотел ждать наемного экипажа.

Она проходила через две богатые улицы, застроенные домами из красного кирпича, и в будущем имела хорошие перспективы для расширения городских пределов. Сейчас она была довольно короткой. Если бы Каупервуд мог получить ее и соединить с линиями Батлера, когда тот получит контроль над ними, – а возможно, с линиями Молинауэра или Симпсона, – то Законодательное собрание города можно будет склонить к заключению дополнительных контрактов. Он даже мечтал о консорциуме с участием Батлера, Молинауэра, Симпсона и самого себя. При разделе сфер влияния они могли добиться чего угодно. Но Батлер не был филантропом; к нему следовало подходить только с очень весомыми предложениями. Их союз должен иметь очевидные преимущества. Кроме того, он был дилером Батлера в торговле акциями трамвайных линий, и если эта линия обещала хорошие перспективы, то у Батлера могли возникнуть вопросы, почему акции в первую очередь не приобретались для него. Фрэнк решил, что будет лучше подождать, пока он не получит линию в свое управление, потому что тогда будет совсем другой разговор. Тогда он сможет вести переговоры с позиции собственника. Его все чаще посещали мечты о городской трамвайной системе под управлением нескольких людей, а еще лучше – принадлежащей только ему.

Глава 17

За это время Фрэнк Каупервуд и Эйлин Батлер познакомились ближе. Из-за множества постоянно растущих дел он уделял ей не так много внимания, как хотел бы, но они часто виделись в прошедшем году. Ей исполнилось девятнадцать лет, и у нее появились собственные мысли и взгляды. Например, она начала видеть разницу между хорошим и дурным вкусом в домах и домашней обстановке.

– Папа, почему мы остаемся в этом старом амбаре? – обратилась она к отцу однажды за ужином, когда вся семья, как обычно, сидела за столом.

– Интересно, что тебе не нравится в нашем доме? – ворчливо спросил Батлер, который близко придвинулся к столу, удобно пристроив салфетку у подбородка; он настаивал на этом, когда они не принимали гостей. – Я не вижу ничего плохого. Нас с твоей матерью он вполне устраивает.

– Но он ужасен, папа, ты же понимаешь, – вставила семнадцатилетняя Нора, такая же смышленная, как и ее сестра, хотя и менее искушенная. – Все так говорят. Посмотри на чудесные дома, которые строят повсюду вокруг.

– Все говорят! Все! Хотелось бы знать, кто эти «все»? – осведомился Батлер с легким раздражением, приправленным изрядной долей юмора. – Я кое-что значу, и мне нравится мой дом. Те, кому он не нравится, не обязаны жить в нем. Кто они такие? И позвольте спросить, что им не нравится?

Этот вопрос возникал уже много раз именно в таком виде и обсуждался в такой же манере либо игнорировался с широкой ирландской ухмылкой. Но сегодня вечером ему было суждено стать предметом более широкого обсуждения.

– Ты знаешь, что он плох, папа, – твердо заявила Эйлин. – Что толку сердиться по этому поводу? Он старый, дешевый и ветхий. Вся мебель разваливается. Старое фортепиано нужно кому-нибудь отдать; я больше не буду играть на нем. Каупервуды...

– Старый! – воскликнул Батлер, его акцент стал более заметным из-за невольного гнева. – Ветхий, вот как! Где ты этого набралась? Наверное, в монастырской школе. А где мебель разваливается? Покажи, где она разваливается.

Он уже собирался перейти к ее упоминанию о Каупервуде, но не успел из-за вмешательства миссис Батлер. Это была дородная, широколицая женщина, улыбчивая, с дымчато-серыми ирландскими глазами и легкой рыжиной в волосах, к которой теперь примешивалась седина. На подбородке слева красовалась бородавка.

– Дети, дети! (Мистер Батлер, несмотря на свою коммерческую и политическую деятельность, был для нее таким же ребенком, как остальные.) – Негоже вам ссориться. Эйлин, передай отцу помидоры.

За столом прислуживала горничная-ирландка, но члены семьи все равно передавали друг другу тарелки. Чрезмерно изукрашенная люстра с шестнадцатью поддельными свечами из белого фарфора нависала над столом и ярко горела, оскорбляя чувства Эйлин.

– Мама, сколько раз я просила тебя не говорить «негоже»? – протянула Нора, глубоко расстроенная просторечием матери. – Ты знаешь, что нужно было сказать «вы не должны».

– А кто указывает вашей матери, как ей следует говорить? – Батлер повысил голос, все более раздражаясь этими внезапными дерзкими нападками. – К твоему сведению, она так говорила еще до твоего рождения. Она всяко будет получше тех, с кем ты носишься целыми днями, маленькая негодница!

– Мама, ты слышала, как он меня называет? – пожаловалась Нора и прильнула к материнской руке, изображая страх и негодование.

– Эдди, Эдди! – примирительно обратилась миссис Батлер к своему мужу. – Нора, миленькая моя, ты же знаешь, что он говорит не всерьез. Ты ведь понимаешь?

Она погладила дочь по голове. Укоризненные слова по поводу ее речи не произвели на нее ни малейшего впечатления.

Батлер уже сожалел, что назвал свою младшую дочь негодницей; это слово также относилось к женщинам легкого поведения. Но эти дети – Боже, благослови его душу! – были сплошным расстройством. Почему, во имя всех святых, его дом недостаточно хорош для них?

– Почему бы не прекратить споры за столом? – заметил Кэллам. Он был привлекательным юношей с гладкими темными волосами, высоко зачесанными слева направо. На верхней губе он носил короткую щеточку усов. Его нос был коротким, вздернутым, уши заметно оттопыренными, но в целом он был симпатичным и сообразительным. Они с Оуэном понимали, что дом был старым и плохо меблированным, но отцу и матери он нравился, поэтому деловое чутье и соображения семейного покоя предписывали благоразумное молчание.

– Я считаю, что некрасиво жить в таком старом доме, когда люди, у которых нет и четверти наших средств, имеют лучшее жилье. Например, даже Каупервуды...

– Да, Каупервуды! В чем там дело с Каупервудами? – строго спросил Батлер и повернулся к Эйлин, сидевшей рядом с ним. Его широкое круглое лицо покраснело.

– Ну, даже у них дом лучше нашего, хотя он всего лишь твой агент на бирже.

– Каупервуды! Ха! Мне не нужны никакие разговоры о Каупервудах. Я не живу по их правилам. Допустим, у них замечательный дом, и что с того? Мой дом – это мой дом. Я слишком долго прожил здесь, чтобы собирать вещи и съезжать отсюда. Если вам это не нравится, вы знаете, что можете сделать. Переезжайте, если хотите. А я останусь здесь.

Когда Батлер оказывался вовлеченным в такие семейные ссоры, которые обычно были мелкими, как летние лужи, он имел привычку враждебно потрясать руками перед носом у своей жены и детей.

– Хорошо, когда-нибудь так и будет, – ответила Эйлин. – Слава богу, я не обязана вечно жить здесь.

Перед ее мысленным взором промелькнула роскошная приемная, библиотека, гостиная и спальни Каупервудов, уже почти полностью обставленные. Она вспомнила, как Анна Каупервуд рассказывала ей о чудесном треугольном рояле с золотой окантовкой, расписанном розовым и голубым лаком. Почему они не могли купить такие же вещи? Ее отец, несомненно, был в десять раз богаче Каупервуда-младшего. Но нет, ее отец, которого она любила всей душой, принадлежал к старой закалке. Он был именно таким, как люди его называли, – неотесанным ирландским подрядчиком. И не важно, что он богат. Она негодовала против такого положения вещей: ну почему он не мог быть богатым и утонченным? Тогда бы у них было... но к чему эти жалобы? Пока ее родители распоряжаются в доме, там ничего не изменится. Просто ей нужно подождать. Брак был ответом; да, правильно устроенный брак. Но за кого она могла выйти замуж?

– Сейчас тебе определенно не стоит настаивать на своем, – объяснила миссис Батлер, такая же сильная и терпеливая, как сама судьба. Она знала, в чем причина несчастий Эйлин.

– Но мы бы могли иметь достойный дом, – возразила Эйлин.

– Или отремонтировать этот, – шепнула Нора на ухо матери.

– Тише вы, обе! Подожди, – обратилась к Норе миссис Батлер. – Всеу свое время. Рано или поздно мы все приведем в порядок. А теперь беги делать уроки; с тебя уже достаточно.

Нора встала и вышла из комнаты. Эйлин умолкла. Ее отец был возмутительно упрямым, вместе с тем он был добрым и ласковым. Она надула губы в попытке вынудить его на извинения.

– Пойдем, – сказал он, когда они вышли из-за стола, прекрасно понимая, что дочь недовольна им. Нужно как-то умиротворить ее. – Сыграй мне что-нибудь на фортепиано, что-

нибудь приятное. – Он предпочитал эффектные, бравурные мелодии, демонстрировавшие ее навыки и ловкость пальцев и каждый раз заставлявшие его удивляться, как она это делает. Для этого и предназначалось музыкальное образование – чтобы она научилась играть очень трудные вещи быстро и энергично. – И ты можешь получить новый рояль в любое время, когда захочешь. Сходи и выбери сама. Этот инструмент для меня совсем неплох, но если ты хочешь новый, пусть будет так.

Эйлин сжала его локоть. Какой смысл спорить с отцом? И что толку от нового инструмента, когда дело заключается в доме и семейной атмосфере? Но она играла произведения Шумана, Шуберта, Оффенбаха и Шопена, а пожилой джентльмен расхаживал взад-вперед с мечтательной улыбкой. Некоторые музыкальные фрагменты были проникнуты настоящим чувством и творчески истолкованы, ибо Эйлин не чуждалась сантиментов, хотя была сильной, энергичной, иногда дерзкой. Но все это пропадало втуне для ее отца. Он смотрел на нее, на свою здоровую, смышленную, чарующе прекрасную дочь и гадал, что станет с нею. Какой-нибудь богатый человек сделает ей предложение. Это будет приятный, богатый молодой человек с хорошей деловой хваткой, а он, ее отец, оставит ей много денег.

Наступило время светского приема с танцами в честь новоселья обоих Каупервудов; прием должен был состояться в доме Фрэнка и сопровождаться танцевальным балом в доме его отца. Жилище Генри Каупервуда в этом смысле было гораздо более пышным: приемная, гостиная, музыкальная комната и зимний сад располагались на первом этаже, так что общее помещение было очень просторным. Элсуорт обустроил дом таким образом, чтобы в торжественных случаях эти комнаты можно было объединять в одну, что создавало превосходное место для прогулок, танцев и концертов, – по сути дела, для всего, что необходимо для большого количества гостей. Это было общим решением отца и сына еще до соглашения совместно пользоваться обоими домами. Для начала предполагалось иметь общий штат прислуги – дворецкого, садовника, прачек и горничных. Фрэнк Каупервуд нанял гувернантку для своих детей. Дворецкий не был дворецким в истинном смысле этого слова. Он был личным камердинером Фрэнка Каупервуда, который мог, однако, резать мясо за столом, руководить другими слугами и по необходимости выполнять свои обязанности в каждом доме. Также имелся конюх и кучер для общей конюшни. Когда оба экипажа были необходимы одновременно, оба управляли лошадьми. Это было очень удобное и экономное соглашение.

Подготовка к приему стала важным делом, так как по финансовым соображениям следовало сделать его как можно более пышным, а по общественным – как можно более эксклюзивным. Было решено, что дневной прием в доме Фрэнка основных гостей будет общим для всех – Таи, Стинеры, Батлеры, Молинауэры и более избранные персоны, к которым принадлежали Артур Риверс, миссис Сенека Дэвис, мистер и миссис Тревор Дрейк, а также некоторые молодые люди – Дрексли и Кларки, недавние знакомые Фрэнка. Было сомнительно, что последние снизойдут до приглашения, но карточки все равно следовало отправить. Вечером предполагались развлечения для узкого круга, хотя его можно было расширить за счет друзей мисс Анны Каупервуд, Эдварда, Джозефа и прочих, по усмотрению Фрэнка. Список гостей был составлен заранее – из тех, кого можно было убедить, принудить или повлиять через молодежные и светские знакомства.

Нельзя было не пригласить Батлеров, детей и родителей, особенно детей, поскольку Каупервуд был привязан к Эйлин, несмотря на то что присутствие ее родителей было в высшей степени нежелательным. Он также понимал, что даже Эйлин была не слишком желанной особой в списке приглашенных, Анна и миссис Каупервуд, обсуждавшие перечень гостей, часто упоминали об этом.

– Она такая вульгарная, – заметила Анна, обращаясь к невестке, когда они дошли до имени Эйлин. – А ее отец! Если бы у меня был такой отец, я бы сидела в сторонке и помалкивала.

Миссис Каупервуд, стоявшая перед секретером в своей новой опочивальне, приподняла брови:

– Знаете, Анна, мне иногда хочется, чтобы бизнес Фрэнка не вынуждал меня иметь что-то общее с ними. Миссис Батлер – просто зануда. Она благожелательна, но вообще ничего не понимает. А Эйлин совершенно бесцеремонная. Думаю, она слишком прямолинейна. Приходит сюда и играет на рояле, особенно когда Фрэнк дома. Сама бы я не возражала, но знаю, что ему досадно. Она играет шумно и бестолково, и ей не приходит в голову выбрать что-нибудь действительно изящное и утонченное.

– Мне не нравится, как она одевается, – поддержала ее Анна. – Она выставляет себя напоказ. Позавчера я видела ее в экипаже, и боже ты мой! Вам стоило бы это видеть! Алый жакет с вышивкой и черной тесьмой по краям, тюрбан с огромным алым пером и лентами до талии. Представьте себе, кататься в такой шляпе! А ее руки! Видели бы вы, как она держит руки, как манерно изгибает кисти! – Она показала, как это выглядело. – На ней были желтые перчатки с раструбами, она держала поводья в одной руке, а кнут в другой. Она мчалась как безумная, а кучер Уильям стоял позади. На это стоило посмотреть. Просто смешно, что она мнит о себе! – И Анна хихикнула, то ли презрительно, то ли укоризненно.

– Все же нам придется пригласить ее; не вижу, как от нее избавиться. Впрочем, я знаю, как она себя поведет. Будет манерничать и задирать нос.

– Не понимаю, с какой стати, – заметила Анна. – С другой стороны, мне нравится Нора. Она гораздо приятнее и не строит из себя бог весть кого.

– Мне она тоже нравится, – согласилась миссис Каупервуд. – Действительно, очень мила, а по мне так и более хорошенькая.

– Вот-вот, и я так думаю.

Было забавно, что именно Эйлин почти полностью занимала их внимание и заставляла их сосредоточиться на своих так называемых странностях. Все, что они говорили, было по-своему верно, но как бы то ни было девушка и впрямь была красавицей, а ее ум и энергия были выше среднего. Ее честолюбие делало ее заметной и несносной для некоторых людей, поскольку она была воплощением тех недостатков, против которых восставало общественное мнение. Ее возмущало, что люди считают ее родителей недостойными светского общества и это распространяется на нее. Она чувствовала себя не менее достойной, чем любой другой человек. Каупервуд-младший, такой способный и быстро приобретающий известность, вроде бы понимал это. Он радушно обходился с ней и всегда был готов поговорить. Каждый раз, находясь в ее присутствии, он не упускал случая перемолвиться с ней хотя бы словом. Он подходил к ней и глядел на нее дружелюбно.

– Ну, как ваши дела, Эйлин? – Она видела искренность в его взгляде. – Как поживают ваш отец и матушка? Вы ездили кататься? Отлично. Я видел вас сегодня, вы прекрасно выглядели.

– О, мистер Каупервуд!

– Правда. Вы выглядели потрясающе. Вам идет черный костюм для верховой езды, а ваши золотистые волосы видны издали.

– Ох, вы не должны так говорить со мной. Я загоржусь! Родители и без того твердят, что я чересчур тщеславна.

– Пусть говорят. А я повторяю, что вы выглядели потрясающе, и это правда. Как всегда.

– О!

Она радостно ахнула; краска невольно залила ее лицо. Разумеется, мистер Каупервуд все подмечал. Он знает, что говорит. Им уже восхищались многие, включая ее родителей, мистера Молинауэра и мистера Симпсона, по крайней мере, так она слышала. А его дом и контора были действительно красивыми. Кроме того, его спокойная уравновешенность хорошо сочеталась с ее неугомонностью.

Эйлин и ее сестра получили приглашение на прием, но старшим Батлерам как можно тактичнее дали понять, что танцы после официальной части предназначены в первую очередь для молодых людей.

На прием собралась целая толпа народу. Было много, очень много новых знакомств. Были сдержанные описания «маленьких эффектов», достигнутых мистером Элсуортом при весьма непростых обстоятельствах; была прогулка под крытой галереей и подробный осмотр обоих домов. Многие гости являлись добрыми друзьями. Они собирались в библиотеках и гостинных и неспешно беседовали. Было много шуток, дружеских похлопываний и захватывающих историй. Когда день постепенно сменился вечером, гости начали расходиться.

Эйлин произвела должное впечатление в костюме из синего шелка с бархатной мантилей, окаймленной плиссированными складками и рюшами из того же материала. Синяя бархатная шляпка без полей с высокой тульей и красной искусственной орхидеей в виде единственного украшения придавала ей стильный и задорный вид. Ее золотисто-рыжеватые волосы под шляпкой были уложены в большой узел с длинным локоном, падавшим на воротник. Она была не такой дерзкой, как казалось, но любила производить такое впечатление.

– Вы замечательно выглядите, – сказал Каупервуд, когда она проходила мимо.

– Сегодня вечером я буду выглядеть по-другому, – последовал ответ.

Она развернулась и уверенной походкой удалилась в столовую. Нора и ее мать остались поболтать с миссис Каупервуд.

– Чудесный дом, не правда ли? – вздохнула миссис Батлер. – Уверена, вы будете счастливы здесь, это точно. Когда Эдди купил дом, где мы сейчас живем, я сказала: «Эдди, пожалуй, здесь слишком шикарно для нас», а он ответил, прямо так и сказал: «Нора, по эту сторону небес нет ничего слишком хорошего для тебя», – да, а потом поцеловал меня. Ну, что взять с этого дураля?

– Отлично сказано, миссис Батлер, – заметила миссис Каупервуд, смущенная тем, что другие могли услышать это.

– Мама любит рассказывать об этом, – вмешалась Нора. – Пойдем, мама, посмотрим на столовую.

– Ну вот, будьте счастливы здесь. Я всегда была счастлива в своем доме и вам желаю того же, – добродушно сказала миссис Батлер и вразвалочку направилась в другую комнату.

Между семью и восемью часами вечера Каупервуды спешно поужинали. В девять вечера начали приезжать другие гости: девушки в лиловых, молочно-белых, розовых и серебристо-серых платьях избавлялись от кружевных шалей и накидок, сбрасывая их на руки мужчинам в черных костюмах. Снаружи, на холоде, хлопали двери экипажей, постоянно подъезжавших к дому. Миссис Каупервуд с мужем и Анной стояла у парадного входа, в то время как Джозеф и Эдвард Каупервуд, а также мистер и миссис Генри У. Каупервуд маячили на заднем плане. Лилиан выглядела очаровательно в темно-розовом платье с турнюр, низкий квадратный вырез был драпирован тонким кружевом. Ее фигура по-прежнему привлекала внимание, хотя ее лицо было уже не таким свежим и нежным, как в те годы, когда она познакомилась с Каупервудом. Анну Каупервуд нельзя было назвать красавицей, но она не выглядела простушкой. Миниатюрная и смуглая, с вздернутым носиком и оживленными темными глазами, она отличалась умом и любознательностью, увы, приправленной некоторой заносчивостью. Черное платье, усыпанное блестящими бусинами, очень красило ее, несмотря на смуглое лицо, как и красная роза в волосах. Ее округлые плечи и руки были белыми и гладкими. Яркие глаза, бойкая речь, остроумные замечания – все это придавало ей обаяния, хотя, по ее собственному признанию, довольно бесполезного. «Мужчинам нужны куколки», – часто говорила она.

Вместе с вечерней толпой молодежи прибыли Нора и Эйлин, сбросившая на руки своему брату Оуэну шаль из тонких черных кружев и черный шелковый доломан. Нора шла под руку с Кэлламом – стройным, осанистым молодым ирландцем, по виду которого можно было

сделать вывод, что его ждет многообещающая карьера. Она носила короткое девичье платье из бледно-сиреневого с белым шелка, едва прикрывавшее щиколотки, воздушный кринолин был украшен кружевными оборками и крошечными сиреневыми бантиками. Ее талия была перехвачена широкой сиреневой лентой, волосы украшала муаровая розетка такого же цвета. Она выглядела чрезвычайно бодро, глаза ее ярко блестели.

Но за ней шла ее сестра в умопомрачительном платье из черного атласа, покрытого чешуей из серебристо-алых блесток. Ее гладкие, округлые руки были обнажены до плеч, корсаж на груди и спине вырезан так низко, насколько позволяла ее собственная смелость. Она от природы обладала изысканной, стройной и полногрудой фигурой и широкими бедрами, которые, однако, скрадывались в общей гармонии линий и форм. Глубокое треугольное декольте, изящно задрапированное черным тюлем и серебристой сеточкой, доводил ее вид до совершенства. Молочно-розовая белизна ее высокой, скульптурно вылепленной шеи была оттенена ожерельем из граненого черного гагата. Ее лицо, налитое молодым румянцем, было украшено крошечной черной мушкой на скуле, а волосы, подчеркнутые алыми блестками на платье, были искусно взбиты надо лбом и у висков. Заплетенные в две косы, они были уложены в расшитую стеклярусом черную сеточку на затылке, а брови подведены карандашом под цвет волос. Возможно, ее внешность была слишком броской для такого случая, но в первую очередь из-за ее неукротимой энергии, а не из-за наряда. Искусство для нее означало подавление своего физического и духовного начала. Настоящим полотном для нее была сама жизнь.

– Лилиан! – Анна подтолкнула свою невестку. Ее удручало, что Эйлин носит черное и при этом выглядит лучше, чем любая из них.

– Я вижу, – приглушенно откликнулась Лилиан.

– Итак, вы вернулись, – обратилась она к Эйлин. – На улице довольно холодно, не так ли?

– Я не заметила. Какие у вас чудесные комнаты!

Эйлин смотрела на мягко освещенную залу и толпу гостей перед собой. Нора принялась болтать с Анной.

– Знаете, я думала, что больше никогда не надену это старье, – она говорила о своем платье. – Но Эйлин отказалась помочь мне – вот злючка!

Эйлин подошла к Каупервуду и его матери, стоявшей рядом с ним. Она выпустила черную шелковую ленту, удерживавшую шлейф платья, и нетерпеливым движением расправила юбки. Несмотря на высокомерие, в ее глазах появилось слегка взволнованное выражение, как у ждущей команды шотландской овчарки, а ее ровные зубы блестели сквозь улыбающиеся губы.

Каупервуд прекрасно понимал ее, как он понимал любое породистое животное.

– Слов нет, как замечательно вы выглядите, – по-дружески прошептал он ей, как будто между ними существовало некое особое взаимопонимание. – Вы вся огонь и песня!

Каупервуд не знал, почему он произнес эти слова. Он был не особенно склонен к поэзии. Он не готовил свою фразу заранее. С тех пор как он впервые увидел ее в зале, его мысли и чувства разбегались и скакали, как горячие кони. Ее появление заставляло его стиснуть зубы и прищурить глаза. При ее приближении он невольно приподнял подбородок, чтобы невольно казаться более мужественным и решительным, чем он был.

Но Эйлин и ее сестра почти сразу же оказались в окружении молодых людей, желающих познакомиться и вписать имена в их танцевальные карточки, поэтому она на время скрылась из виду.

Глава 18

Зерна жизненных перемен, глубоких и метафизических, скрыты глубоко внутри нас. С первого упоминания о танцах в разговоре с миссис Каупервуд и Анной Эйлин испытывала стремление преподнести себя более эффектно, чем ей удавалось до сих пор, несмотря на отцовские деньги. Она понимала, что ей предстоит встреча с обществом гораздо более знатным и значительным, чем все ее прежние знакомства. Каупервуд тоже теперь стал для нее чем-то большим, чем раньше, и как она ни старалась, но не могла избавиться от мыслей о нем.

С восьми до девяти часов вечера она стояла перед зеркалом – в сущности, она была готова к выходу лишь в четверть десятого, – и размышляла, что ей следует надеть. В ее платяном шкафу было два больших створчатых зеркала и еще одно в стенном шкафу. Эйлин стояла перед этим зеркалом, глядя на свои обнаженные руки и плечи, на свою статную фигуру, и думала то о ямочке под левой ключицей, то о гранатовых подвязках с серебряными пряжками в форме сердечек, выбранных для сегодняшнего вечера. Корсет сначала не удалось зашнуровать достаточно туго, и она упрекнула свою горничную Кэтлин Келли. Потом она решала, как уложить волосы, и пришлось немало потрудиться, прежде чем ей понравилось. Она подвела глаза карандашом и взбила челку на лбу, чтобы волосы казались пышными. Она вырезала маникюрными ножницами несколько черных мушек и стала пробовать разные места и разные размеры. Наконец она подобрала нужное место и подходящий размер. Она поворачивала голову из стороны в сторону, оценивая общий эффект от волос, подведенных бровей, черной мушки и ямочки под ключицей. Если бы какой-нибудь мужчина мог видеть ее такой, какой она была сейчас! Но какой мужчина? Мысль убежала, словно испуганная мышь в норку. Несмотря на всю свою самоуверенность, она страшилась мысли о единственном, том самом мужчине.

Потом она перешла к выбору платья со шлейфом. Кэтлин разложила перед ней пять платьев, ибо Эйлин лишь недавно познала ценность и радость обладания подобными вещами и с разрешения родителей полностью отдалась своим прихотям. Она изучила золотисто-желтое шелковое с бретельками платье из молочного кружева и вставками очаровательно-переливчатых гранатовых бусин в шлейфе, но отложила его в сторону. Потом она благосклонно рассмотрела полосатое черно-белое с эффектным сероватым отливом платье из шелка, но, соблазнившись на мгновение, оставила его в покое. Затем наступила очередь темно-бордового платья с лифом в талию и юбкой из белого шелка, роскошного платья из кремового атласа и черного платья с блестками, на котором она и остановила свой выбор. Сначала она с большим сомнением примерила кремовое платье, но подведенные глаза и мушка плохо сочетались с ним. Потом она надела черное платье с блестящими серебристо-алыми блестками, и вот оно! – ее сердце не устояло. Ей понравилась кокетливая отделка из серебристого тюля вокруг бедер. Верхняя юбка, которая в то время только входила в моду и считалась нескромной в консервативных кругах, была с энтузиазмом принята Эйлин. Ее волновал шорох черного платья, и она выпрямлялась и поднимала подбородок для «правильной» посадки. Позволив Кэтлин еще немного подтянуть корсет, она перекинула на руку шлейф, перевязанный шелковой лентой, и еще раз посмотрелась в зеркало. Чего-то не хватало. Ах, да, ее шея! Но что надеть – бусы из красного коралла? Нет, это будет выглядеть некрасиво. Нитку жемчугов? Тоже не годится. Было ожерелье из маленьких камней в серебряной оправе, подаренное матерью, и алмазное ожерелье, принадлежавшее матери, но они никак не подходили. Наконец ей на ум пришло небольшое гагатовое ожерелье, которое она не очень-то ценила. Но, ох, как же хорошо оно смотрелось сейчас! Как оно мягко подчеркивало ее нежный подбородок! Она любовно погладила ожерелье, накинула на плечи черную кружевную мантилью и надела длинный доломан из черного шелка с алой подкладкой. Теперь она была готова.

Когда она вошла в балльный зал, все ей показалось восхитительным. Молодые мужчины и женщины, которых она видела, выглядели прекрасно, и у нее тут же появились поклонники. Напористые юноши уже почувствовали в ней неутомимую жизнерадостность. Словно мед стояла она в окружении голодных пчел.

Но пока ее танцевальная карточка заполнялась новыми именами, она осознала, что там остается немного места для мистера Каупервуда, если он вдруг решит потанцевать с ней.

Встречая последних гостей, Каупервуд размышлял о тонкостях во взаимоотношениях полов. Два пола. Он вовсе не был уверен в существовании какого-то закона, управляющего их отношениями. Теперь по сравнению с Эйлин Батлер его жена казалась бесцветной и немолодой. И когда он сам станет на десять лет старше, Лилиан будет вовсе стара.

– Да, Элсуорт сделал отличную планировку для наших домов, лучше, чем мы ожидали, – он обращался к молодому банкиру Генри Хейлу Сандерсону. – Он воспользовался случаем объединить два дома, и, думаю, ему пришлось больше потрудиться над моим небольшим домом. Отцовский дом попросторнее. Я сказал ему, чтобы для меня просто сделали пристройку к его особняку.

Его отец со старыми знакомыми находились в столовой большого дома, довольные тем, что остаются подальше от толпы гостей. Каупервуд был вынужден остаться, но ему и хотелось остаться. Не потанцевать ли ему с Эйлин? Его жена почти не интересовалась танцами, но он должен был потанцевать с ней хотя бы раз. Там была миссис Сенека Дэвис, которая улыбалась ему, и Эйлин. Бог ты мой, как замечательно! Что за девушка!

– Полагаю, ваша карточка уже переполнена. Давайте-ка посмотрим. – Он стоял перед ней, а она держала в руке маленькую картонку с синей рамкой и золотой монограммой. В музыкальной комнате играл оркестр. Скоро начнутся танцы. Изящные позолоченные стулья выстроились вдоль стен и за пальмами в кадках.

Он заглянул ей в глаза – в эти взволнованные, внимательные глаза, наполненные жизнью.

– Да, список полон. Ну-ка, еще раз... девять, десять, одиннадцать. Полагаю, этого достаточно. Не думаю, что мне захочется много танцевать, но хорошо быть такой популярной, правда? Я не уверена насчет третьего номера. По-моему, это ошибка. Можете стать третьим, если хотите.

Она явно лгала.

– Он не так уж хорош, верно?

Она немного покраснела, услышав эти слова:

– Да.

Его собственные щеки пылали.

– Тогда я подойду к вам, когда объявят танец. Вы так милы, что я вас боюсь. – Он смерил ее откровенным испытующим взглядом и отошел в сторону. Грудь Эйлин бурно вздымалась; ей стало трудно дышать в этой душной комнате.

Каупервуд танцевал сначала с миссис Каупервуд, а потом с миссис Сенека Дэвис и миссис Мартин Уолкер и часто поглядывал на Эйлин, и каждый раз она поражала его своей жизненной силой, прекрасной, бурной энергией, которая казалась ему неотразимой особенно сегодня вечером. Она была так молода. Она была прекрасна, эта девушка, и, несмотря на уничижительные замечания жены, он чувствовал, что она ближе к его целеустремленной, не знающей сомнений натуре, чем любая другая женщина, которую он встречал. Он видел в ней величину – не в физическом отношении, хотя она была почти такой же высокой, как и он сам, – но в эмоциональном смысле. Она казалась необыкновенно живой.

Несколько раз она проходила мимо него, широко распахнув глаза и улыбаясь. Ее губы поблескивали из-за полуоткрытых губ, и он ощущал доселе невиданный прилив симпатии и дружественных чувств к ней. Она была прелестна и восхитительна с головы до ног.

– Кажется, настало время для нашего танца, – обратился он к ней после третьей перемены партнеров. Она сидела рядом с поклонником в дальнем углу большой гостиной, где пол был навощен до зеркального блеска. Несколько пальм, расставленных здесь и там, образовывали зеленые заросли. – Надеюсь, вы меня извините, – уважительно обратился он к ее спутнику.

– Ни в коем случае, – ответил тот и встал.

– Разумеется, – сказала она. – Не уходите; танец скоро начнется. Вы не возражаете? – добавила она, наградив своего спутника лучезарной улыбкой.

– Ни в коем случае. Я только что станцевал чудесный вальс. – Он отошел в сторону, и Каупервуд устроился на его месте.

– Это молодой Ледуа, не так ли? Я видел, как вы танцевали с ним. Вам понравилось, правда?

– Я без ума от танцев.

– Увы, не могу сказать того же о себе. Но это увлекательное занятие, где многое зависит от партнера. Миссис Каупервуд еще меньше меня любит танцевать.

Упоминание имени Лилиан навело Эйлин на мимолетную презрительную мысль о ней.

– Думаю, вы прекрасно танцуете. Я ведь тоже наблюдала за вами. – Впоследствии она спрашивала себя, стоило ли говорить об этом. Это прозвучало слишком откровенно, почти дерзко.

– О, вот как?

– Да.

Он был немного взвинчен, и его мысли слегка путались. Она создавала проблему в его жизни, или же он позволял ей это сделать, поэтому его слова звучали неубедительно. Он размышлял, что может сказать; что угодно, лишь бы это немного сблизило их. Но у него ничего не получалось. По правде говоря, ему хотелось высказать слишком многое.

– Это было мило с вашей стороны, – наконец произнес он. – Но почему вы это сделали?

Он повернулся к Эйлин с насмешливо-вопросительным выражением на лице. Музыка зазвучала снова. Танцоры поднимались со своих мест, и он тоже встал.

Он не собирался придавать этому замечанию никакой серьезности, но теперь, когда она находилась так близко, он с мягкой настойчивостью заглянул ей в глаза и повторил:

– Так почему?

Они вышли из-за пальм, и Каупервуд положил руку ей на талию. Левой рукой он касался ладони ее вытянутой правой руки. Ее левая рука лежала у него на плече; теперь она находилась еще ближе и смотрела ему в глаза. Когда они приступили к легким ритмичным движениям вальса, она отвела взгляд в сторону, а затем потупила глаза, так и не ответив ему. Ее движения были легкими и воздушными, как у бабочки. Он сам ощутил неожиданную легкость, как будто подхваченный невидимым течением. Ему хотелось дополнить податливость ее тела собственной гибкостью, и он делал это. Прикосновения ее рук, блеск и вспышки алых блесток на ее гладком, тесно облегающем платье, ее шея и ореол золотистых волос – все вместе создавало легкое опьянение. Для него она была изумительно молодой и поистине прекрасной.

– Вы не ответили, – продолжил он.

– Чудесная музыка, правда?

Он слегка сжал ее пальцы. Эйлин застенчиво взглянула на него; несмотря на живость и напористость, она побаивалась его. Его личность была необыкновенно внушительной, почти подавляющей. Теперь, когда он был так близко, она ощущала его присутствие как нечто чудесное, но нервы ее были возбуждены, и ей даже хотелось убежать.

– Ну, хорошо, можете не говорить. – Он снисходительно улыбнулся.

Каупервуд решил, что она хотела вызвать его на разговор и подразнить его намеками на чувство, которое она вызвала в нем. Интересно, что могло бы произойти, если бы они достигли взаимопонимания?

– Я вам нравлюсь? – внезапно спросил он, когда танец близился к завершению.

Она вздрогнула всем телом. Кусочек льда, внезапно засунутый за ворот, не смог бы сильнее поразить ее. Это был явно бестактный вопрос, однако задавший его не думал об этом. Она быстро взглянула на него, но его сильный, уверенный взгляд был просто невыносимым.

– Да, конечно – ответила она, когда прекратилась музыка, стараясь говорить ровным тоном. Она была рада, что они направились к стульям.

– Вы мне очень нравитесь, – сказал он, – настолько, что я начал гадать, испытываете ли вы такое же чувство по отношению ко мне.

Его голос был мягким и ласковым, а выражение лица почти грустным.

– Ну да, – мгновенно ответила она, вернувшись к своему прежнему настроению в его присутствии. – Вы же знаете об этом.

– Мне нужен такой человек, как вы, которому бы я нравился, – продолжал он тем же тоном. – Такой человек, с которым я мог бы поговорить. Раньше я так не думал, но теперь все иначе. Вы прекрасная, просто удивительная.

– Мы не должны так говорить, – перебила она. – Я не должна. Не знаю, что я делаю. – Она посмотрела на молодого человека, который направился к ней, и добавила: – Я должна объясниться с ним. Ему я обещала танец.

Каупервуд понял и отошел в сторону. Он горел как в огне, его нервы были напряжены до предела. Ему было ясно, что он только что совершил или же замыслил вероломство. Это шло вразрез с общепринятой моралью. К примеру, его отец соблюдал эти правила в любых жизненных ситуациях. Однако какие бы нормы он ни преступил, правила по-прежнему оставались правилами. Однажды в школе он слышал историю о парне, который сбил девушку с пути и довел ее до ужасного конца. «Так нельзя», – подытожил рассказчик.

Но даже теперь, когда он вспомнил об этом, его не покидали мысли о ней. И несмотря на свое личное и финансовое участие в делах семьи Батлеров, о котором он наконец вспомнил, ему было интересно наблюдать, как преднамеренно и расчетливо – хуже того, даже энергично – он качает мехи, раздувающие пламя желания к этой девушке. Он кормил огонь, который мог поглотить его, но как ловко и изобретательно он действовал!

Эйлин бесцельно играла со своим веером, пока темноволосый узколицый молодой юрист обращался к ней, и когда она увидела Нору неподалеку, то извинилась и подбежала к сестре.

– О, Эйлин, – сказала Нора. – Я повсюду ищу тебя. Где ты была?

– Танцевала, конечно. Как ты думаешь, где мне еще быть? Разве ты не видела меня в бальном зале?

– Нет, не видела, – протянула Нора, как будто это было главным, что она должна была увидеть. – Как долго ты собираешься оставаться здесь?

– Не знаю. Наверное, пока все не закончится.

– Оуэн говорит, что он уйдет в полночь.

– Ну, это не важно. Кто-нибудь еще заберет меня домой. Ты хорошо повеселилась?

– Замечательно. Ну ладно, расскажу. Во время последнего танца я наступила на платье одной даме. Она жутко рассердилась. Так посмотрела на меня!

– Не обращай внимания, милая. Она тебя не обидит. Куда ты сейчас собираешься?

Эйлин неизменно сохраняла покровительственное отношение к младшей сестре.

– Я хочу найти Кэллама. Он должен танцевать со мной в следующий раз. Знаю, он попытается сбежать от меня, но ему не удастся.

Эйлин улыбнулась. Нора выглядела очаровательно. И она была умной. Что бы сестра подумала о ней, если бы знала? Она повернулась навстречу четвертому партнеру по танцам и оживленно заговорила с ним, потому что должна была показывать выдержку и невозмутимость. Но все это время в ее ушах звенел вопрос: «Я вам нравлюсь?» – и ее неуверенный, но искренний ответ: «Да, конечно».

Глава 19

Зарождение страсти – очень необычная вещь. У людей с интеллектом и людей с художественными наклонностями, а также у тонких натур страсть часто начинается с признания определенных качеств и многочисленными оговорками. Рассудочный эгоист имеет большие запросы, но сам отдает мало. Щедрый любитель жизни, – будь то мужчина или женщина, – обнаруживающий гармоническую связь с такой натурой, может получить очень многое.

Каупервуд от рождения был рассудочным эгоистом, но с заметной примесью доброжелательного и демократического духа. Мы думаем о рассудочном эгоизме как о понятии, тесно связанном с искусством. Но финансы – это тоже искусство, и оно предстает в самых изощренных действиях эгоистов и людей с интеллектом. Каупервуд был финансистом. Он не размышлял о природе, ее красоте и утонченности в ущерб материальной стороне жизни, но благодаря остроте и быстроте своего ума мог получать удовольствие от жизни. Размышляя о женщинах и морали, то есть о красоте и счастье, достоинстве и разнообразии жизни, он начал подозревать, что не существует никакой единственной жизни и единственной любви. Как могло случиться, что такое великое множество людей почитало благостью необходимость жениться на одной женщине и оставаться с ней до самой смерти? Он этого не знал. Его не занимали хитросплетения человеческой эволюции, о которой уже много говорили за рубежом, и не интересовался историческими курьезами в связи с этим вопросом. У него не было времени для этого. Было достаточно и того, что причуды темперамента и обстоятельства, с которыми он непосредственно соприкасался, доказывали ему несостоятельность этой идеи. Люди не остаются верными друг другу до конца своих дней; есть тысячи примеров, когда они делали это, не желая этого. Изворотливость, хитроумие и благоприятные обстоятельства позволяли кое-кому исправлять свои супружеские несовершенства и общественные неудачи, в то время как для остальных – менее сообразительных, бедных, бесцветных – не было выхода из пучины отчаяния. Из-за неудачного стечения обстоятельств или нехватки изобретательности они были вынуждены пребывать в своем убожестве или искать избавления в петле.

«Я тоже уму, – однажды подумал он, прочитав о бедном и больном человеке, который двенадцать лет прожил в одиночестве в маленькой каморке на попечении пожилой и, вероятно, тоже нездоровой женщины. Игла, вонзившаяся в его сердце, положила конец его земным мукам. – К черту такую жизнь! Зачем жить двенадцать лет? Почему бы не покончить с собой на второй или на третий год?»

Ему было очевидно, что в большинстве случаев все решает сила как умственная, так и физическая. Финансовые и коммерческие магнаты могли поступать так, как им угодно, и делали это. Так называемые блюстители закона и общественной морали: газетчики, проповедники, полицейские и прочие моралисты, – громогласно обличавшие зло, отступали, как только речь заходила о коррупции в высших кругах. Они не осмеливались даже пискнуть, пока какой-нибудь богач случайно не расставался с властью и богатством, и тогда они могли кликушествовать, не опасаясь за свою шкуру. О, святые небеса, какая тогда поднималась болтовня! Какой барабанный бой! Какие фарисейские нравоучения и словоблудие! Это вызывало у него улыбку. Что за ханжество и лицемерие! Так был устроен этот мир, и Каупервуд не собирался исправлять его. Пусть все идет как оно есть. Его цель заключалась в достижении и сохранении богатства, основанного на видимом достоинстве и добродетели, способной выдержать проверку на прочность. Сила воли и острота ума помогут ему в достижении этой цели. У него было и то и другое. Девиз «Все для меня» мог быть начертан на любом гербе, который он выбрал бы для провозглашения своего духовного и общественного достоинства.

Но сейчас ему предстояло обдумать и решить, как поступать с Эйлин. Обладая волевым характером, он не слишком беспокоился. Эта проблема напоминала сложные финансовые опе-

рации, с которыми он сталкивался ежедневно, поэтому она не выглядела неразрешимой. Чего он хочет? Определенно он не мог бросить жену и пуститься в бег с Эйлин. У него было слишком много важных интересов. Он был связан общественными обязательствами, а принимая во внимание детей и родителей, обременен семейными и финансовыми узами. Кроме того, он вовсе не был уверен в своих желаниях. Но в то же время не намеревался отступаться от Эйлин. Вспыхнувшее влечение с ее стороны привлекало его. Миссис Каупервуд более не удовлетворяла его физические и умственные потребности, и этого было достаточно для оправдания его нынешнего интереса к девушке. К чему бояться, если он найдет способ удовлетворить свое желание без ущерба для себя? В то же время, размышлял он, будет чрезвычайно трудно найти безопасную линию поведения для них обоих. Теперь он чувствовал все более сильное влечение к ней; нечто мощное одерживало верх над здравым смыслом и требовало выхода.

Думая о своей жене, Каупервуд испытывал сомнения, отчасти моральные, отчасти материальные. Хотя она поддалась его юношескому порыву после смерти мужа, он лишь спустя время осознал, что она лицемерная блюстительница общественных нравов: под холодной чистотой снежного покрова порой бушевала страсть. Он знал, что она стыдится этой страсти. Это раздражало Каупервуда, как раздражало бы любого сильного и властного мужчину. Хотя он не испытывал желания демонстрировать свои чувства всему миру, но он тяготился скрытностью в интимных отношениях между ними или, по крайней мере, нежеланием признаваться в своих эмоциях. Зачем делать одно и думать другое? По правде говоря, она по-своему, бесстрастно, была предана ему, ибо оглядываясь в прошлое, он не видел настоящей страсти с ее стороны. Чувство долга в ее понимании играло огромную роль в отношениях между супругами. Она была добропорядочной женщиной; для нее было важно, что подумают люди, и она покорно следовала духу времени. С другой стороны, Эйлин вовсе не обязательно была добропорядочной, и ему было ясно, что по своему темпераменту она не связана общепринятыми условностями. Без сомнения, ее наставляли так же прилежно, как и многих других девушек, но только посмотрите на нее! Она не подчинялась наставлениям.

В следующие три месяца их отношения приобрели более скандальный оттенок. Эйлин, хорошо понимавшая, что могут подумать родители и какими возмутительными были ее мысли с точки зрения общественного мнения, тем не менее придерживалась своих мыслей и устремлений. Обнаружив, что она зашла так далеко, что скомпрометировала себя намерениями, если не поступками, Каупервуд испытывал особое влечение к ней. Дело было не в плотском желании; большая страсть никогда не ограничивается этим. Сила его духа притягивала и манила ее, как мотылька притягивает пламя свечи. В его глазах сиял романтический свет, пусть сдерживаемый, но для нее всесильный.

Прощаясь, он прикоснулся к ее руке, и ей показалось, что она получила удар электрическим током, и она вспоминала потом, что ей было трудно смотреть ему в глаза. Другим людям, особенно мужчинам, тоже было трудно выдерживать холодный блестящий взгляд Каупервуда. Возникало ощущение, что за его взглядом прячутся другие внимательно наблюдающие глаза сквозь тонкий, невидимый занавес. Нельзя было догадаться, о чем он думает.

В течение следующих нескольких месяцев она постепенно сближалась с Каупервудом. Однажды вечером в его доме, когда она сидела за роялем и поблизости никого не было, он наклонился и поцеловал ее. За просветами оконных занавесей виднелась холодная заснеженная улица с мигающими газовыми фонарями. Он рано вернулся и прошел в музыкальную комнату, когда услышал игру Эйлин. На ней было серое платье из грубой шерсти с каймой восточной вышивки оранжевыми и синими нитями; ее красоту подчеркивала серая шляпка в тон платью с маленькими перьями того же цвета. На ее пальцах красовалось слишком много колец – с опалом, изумрудом, рубином и бриллиантом, – сверкавших, когда она играла.

Не оборачиваясь, она поняла, кто это. Он встал рядом, и она с улыбкой подняла голову, так что благоговейная атмосфера, навеванная музыкой Шуберта, отчасти растворилась или

перетекла в другое настроение. Внезапно он наклонился и прижался губами к ее губам. Его усы были мягкими и шелковистыми. Она перестала играть и попыталась перевести дух; ее сердце колотилось в груди, как молот. Она не воскликнула «Ох!» и не сказала «Так нельзя», но встала и подошла к окну, где отодвинула занавеску и сделала вид, будто смотрит на улицу. Она была так счастлива, что ей казалось, будто она вот-вот лишится чувств.

Каупервуд быстро последовал за ней. Обняв ее сзади за талию, он смотрел на ее покрасневшие щеки, увлажненные глаза и алые губы.

– Вы меня любите? – От страстного желания его голос прозвучал сурово и властно.

– Да, да! Вы же знаете, что да.

Он прижался лицом к ее лицу, а она подняла руки и погладила его волосы. Внезапно его охватило непреодолимое чувство господства и обладания, счастья и понимания, любви к ней и к ее телу.

– Я люблю тебя, – произнес он, как будто изумляясь собственным словам. – Я не думал, что это случится, но так вышло. Ты прекрасна, и я без ума от тебя.

– И я люблю тебя, – ответила она. – Ничего не могу с собой поделать. Я знаю, что не должна, но... ах!

Его ладони охватили ее голову. Она приблизила губы к его губам и мечтательно заглянула ему в глаза. Потом она снова повернулась к окну, а он отошел вглубь гостиной. Они по-прежнему были одни. Он гадал, стоит ли рисковать и дальше, когда вошла Нора, беседовавшая с Анной в соседней комнате. Вскоре после этого появилась и миссис Каупервуд, а потом Эйлин и Нора уехали домой.

Глава 20

После случившегося объяснения вполне естественно их платоническая связь должна была перерасти в более близкие отношения. Несмотря на религиозное воспитание, Эйлин не могла справиться со своим темпераментом. Благочестивые верования и установления не могли сдерживать ее. В последние девять или десять лет у нее постепенно складывалось представление о возлюбленном. Он должен быть сильным и привлекательным, успешным, с ясным взглядом и здоровым румянцем, понимающий и сочувствующий, так же любящий жизнь, как и она. Возможно, ближайшим идеалом был отец Дэвид из церкви Св. Тимофея, но он был священником и дал обет безбрачия. Они не обменялись ни словом, но оба чувствовали некое сродство между собой. Затем появился Фрэнк Каупервуд, и мало-помалу, благодаря встречам и разговорам, он стал для нее тем идеальным человеком. Она попала в орбиту его притяжения как планета, затянута на орбиту вокруг солнца.

Все могло бы закончиться иначе, если бы в то время не пришли в действие противоборствующие силы. Естественно, иногда такие чувства и связи могут пресекаться самым решительным образом. Характеры действующих лиц могут изменяться или приспособливаться к обстоятельствам; все зависит от действующей силы. Страх – великий сдерживающий фактор, особенно страх материальных потерь там, где нет нравственных преград, ведь богатство и положение в обществе позволяют пренебрегать ими. При наличии денег можно как-то устроиться. Эйлин не заботилась о спасении своей души, а Каупервуд вообще был лишен морального или религиозного чувства. Когда он смотрел на эту девушку, то думал лишь о том, как он сможет обмануть мир, чтобы наслаждаться ее любовью и сохранить свою репутацию. Но он, безусловно, любил ее.

– Милый!

Голос был тихим и просительным. Он повернулся и предостерегающе кивнул в сторону комнаты ее отца наверху. Она стояла, протянув руку, и он, поколебавшись, шагнул вперед. Ее руки мгновенно обвились вокруг его шеи, а его рука обхватила ее талию.

– Я так соскучилась по тебе.

– Я тоже. Скоро я что-нибудь придумаю.

Он выпустил ее руки и вышел из комнаты, а она подбежала к окну и посмотрела ему вслед. Он шел по улице к своему дому, который находился всего лишь в нескольких кварталах, и она любовалась его широкими плечами и уверенной походкой. Его шаги были пружинистыми и решительными. Ах, что за мужчина! Она уже думала о нем, как о «своем Фрэнке». Потом она уселась за фортепиано и до ужина наигрывала меланхоличные мелодии.

Для изобретательного ума Фрэнка Каупервуда, с учетом его богатства, было нетрудно найти средства и способы. В период юношеских походов по местам с дурной славой и теперь во время редких отклонений от прямой дорожки он многое узнал о человеческих пороках. Растущий город с полумиллионным населением, Филадельфия того времени располагала неприметными гостиницами, куда можно было проникать без особой опаски оказаться замеченным; за определенную плату также имелись вполне респектабельные дома для частных свиданий. Что касается предохранительных средств от зарождения новой жизни, они тоже больше не являлись тайной для него. Он все знал об этом. Осторожность включала предусмотрительность, а ему приходилось быть осторожным, так как он становился известным и влиятельным человеком. Разумеется, Эйлин ничем не выдавала себя, если не считать смутных мечтаний или быстрой смены настроений; конечная цель, к которой могла привести эта привязанность, оставалась неясной для нее. Она жаждала любви, то есть чтобы ее ласкали и лелеяли, но на самом деле не задумывалась о будущем. Дальнейшие мысли были похожи на мышек, которые

высовывали головки из темных норок и прятались обратно при малейшем шорохе. Все это было связано с Каупервудом и обещало нечто прекрасное. Она не думала, что он любит ее так, как должен любить, но это было поправимо. Она не понимала, что собирается посягнуть на права его жены, и вообще не считала это чем-то недозволенным. Если Фрэнк будет любить и ее, Эйлин, разве это может повредить миссис Каупервуд?

Как мы можем объяснить эти нюансы человеческого желания и страсти? Они сопровождают нас на каждом повороте жизни. Сама природа безразлична к делам малых сих. Мы видим людские страдания – страсть наказывается тюрьмой, болезнями, неудачами, крушением надежд, но она остается частью человеческой натуры. Неужели для нее нет закона, а есть только сила воли, стремящаяся к достижению цели? Если нет, то определенно пора, чтобы мы узнали об этом. Тогда мы можем согласиться со своими делами и избавиться от глупой иллюзии о божественном предначертании. Глас народа – глас божий.

Итак, последовали свидания и восхитительные часы, которые они стали проводить вдвоем, когда чувства подтолкнули их друг к другу, без особого страха и связанного с ним смертельного риска. От случайных встреч в его доме, когда никто не мог их видеть, они перешли к тайным встречам за городом. Каупервуд по своему характеру не был склонен терять голову и пренебрегать делами. Чем больше он думал об этом довольно неожиданном романе, тем был увереннее, что не позволит этому обстоятельству вмешиваться в его работу и утратить здравомыслие. Работа в конторе требовала его пребывания там с девяти утра до трех часов дня. Иногда он работал до половины шестого ради дополнительной прибыли, но время от времени мог отвлекаться от половины четвертого до половины шестого или шести вечера, и никому не было дела до этого. Для Эйлин стало привычкой почти каждый день выезжать одной в экипаже с двумя норовистыми гнедыми жеребцами или скакать на лошади, купленной ее отцом у известного коннозаводчика в Балтиморе. Поскольку Каупервуд тоже ездил в экипаже и скакал верхом, было нетрудно организовать места для встреч на берегу Уиссахикона или по дороге на Скулкилл. В новом лесном парке тоже было много местечек для уединенных свиданий. Конечно, всегда оставалась возможность случайной встречи, равно как и возможность правдоподобного объяснения или без объяснений, поскольку даже в случае такой встречи не могло возникнуть нежелательных подозрений.

Сначала их роман обходился обычным влюбленным воркованием в простой и не самой решительной манере, а чудесные прогулки верхом под зелеными кронами наступающей весны были вполне идиллическими. Каупервуд чувствовал такую радость жизни, которой он еще не испытывал никогда. Лилиан была прекрасна в те давние дни, когда он делал ей визиты на Норт-Фронт-стрит и был невыразимо счастливым, но с тех пор прошло около десяти лет и многое позабылось. С тех пор он не испытывал сильных чувственных порывов и не имел длительных связей с женщинами, и вдруг, теперь, когда он достиг успеха и ожидал дальнейшего процветания, перед ним явилась Эйлин, юная душой и телом, преисполненная страстных мечтаний. Несмотря на ее дерзость, он с самого начала понимал, что она мало знает о жестоком и расчетливом мире, с которым он был связан. Ее отец беспрекословно осыпал ее подарками, которые она хотела иметь; ее братья и особенно мать холили и баловали ее. Младшая сестра считала ее образцом для подражания. Никто не представлял, что Эйлин может совершить нечто дурное. В конце концов, она была такой разумной, так жаждала найти свое место в мире. Да и с какой стати, если ей предстояло блестящее и счастливое будущее, если однажды, уже скоро, она найдет себе достойного во всех отношениях подходящего кандидата в супруги?

– Когда ты выйдешь замуж, Эйлин, здесь будет настоящая красота, – говорила ей мать. – Конечно, к тому времени мыотремонтируем дом, если не сделаем это раньше. Эдди позаботится об этом, а не то я сама возьмусь за дело. Уж об этом не беспокойся.

– Да, но лучше бы вы начали уже сейчас, – обычно отвечала она.

Сам Батлер добродушно похлопывал ее по плечу и спрашивал:

– Ну как, ты уже нашла его? Он околачивается около тебя?

Если она отвечала отрицательно, он говорил:

– Не бойся, рано или поздно он появится. Если бы ты знала, девочка, как мне не хочется расставаться с тобой! Ты можешь оставаться здесь, сколько захочешь, и помни, что ты всегда можешь вернуться сюда.

Эйлин почти не обращала внимания на отцовские шутки. Она любила его, но он говорил прописные истины. Это было привычно, хотя и приятно.

Но с какой страстью она отвечала на ухаживания Каупервуда той весной под деревьями! Она не имела понятия о последней черте, которую ей предстояло пересечь, ибо пока что он лишь ласкал ее и беседовал с ней. Временами он начинал сомневаться в себе. Он позволял себе больше вольности, что казалось ему вполне естественным, но, ради справедливости, он попытался объяснить, к чему может привести их взаимное чувство. Понимает ли она, что происходит? Готова ли она к этому? Сначала его слова озадачили и напугали Эйлин. Она стояла перед ним в черном костюме для верховой езды, высокий шелковый цилиндр был лихо заломлен на рыжевато-золотистых волосах, и похлопывала коротким хлыстом по юбке, с недоумением слушая его. Он спросил, понимает ли она, что делает и куда движутся их отношения? Любит ли она его по-настоящему? Обе лошади были привязаны в густых зарослях ярдах в двадцати от дороги и берега журчащего ручья. Она делала вид, будто пытается увидеть их, но ее взгляд был рассеян. Она думала о Каупервуде, о том, как ему идет костюм всадника, и об изысканной красоте этого момента. У него была чудесная белая лошадь с рыжими и черными подпалинами. Молодая листва образовывала полупрозрачное зеленое кружево над ними и вокруг них. Лес во всех направлениях казался окутанным легкой пеленой с зелеными блестками. Серые камни слабо поблескивали под искрящейся и журчащей водой, а утренние птицы: малиновки, черные дрозды и крапивники – наполняли лес веселым щебетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.